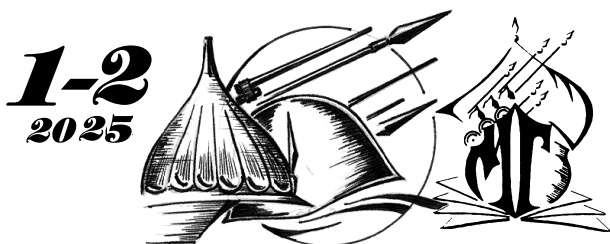

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Олег ПЛАТОНОВ. Национальная политика Сталина	3
Виктория СЕМИБРАТСКАЯ. Осколки войны	59
Александра МАЗУРКЕВИЧ. Солдатские истории	70
Владимир БОЛЬШАКОВ. Проклятье Завета	101
Андрей СОШЕНКО. «Мигранты в законе»	108

ПРОЗА

Владимир ГУРЬЯНОВ. Суровый удел. Повесть	16
Михаил СМИРНОВ. Два рассказа	76
Анна ПАНОВА. Старухи-сеструхи. Рассказ	115
Дмитрий ВОРОНИН. Жил-был художник один. Рассказ ...	143

ПОЭЗИЯ

Николай АЛЕШКОВ. Оглянусь на родительский дом. Стихи ...	51
Анатолий ДРОЖЖИН. России родной окоём... Стихи	95
Светлана МАКАШОВА. Я веком позже рождена! Стихи	154
Сергей ПАНФЁРОВ. Всевидящий свет. Стихи	159

СИМВОЛ ВЕРЫ

Валентин КАТАСОНОВ. Номинальное христианство Европы	164
--	-----

РУССКИЙ МИР

- Владимир АНИЩЕНКОВ. **Хохлобредни** 170
Валерий КИРИЛЛОВ. **На прицеле — будущее России** 173

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Валентин КАТАСОНОВ. **Упредить и разоружить врага** 179
Ростислав ИЩЕНКО. **Секретное оружие Украины** 185

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

- Валентин КАТАСОНОВ. **Главный сионист Америки** 189
Араик САРГСЯН. **Евреи вокруг Трампа** 194

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

- Валерий ГАБРУСЕНКО. **Граф Михаил Семенович Воронцов** 201
Евгений ПОСЕЛЯНИН. **Константин Николаевич Леонтьев** 206

ПОДВИЖНИКИ

- Сергей МОСИН, Тина ЛУКЬЯНОВА. **Спасём село — укрепим Россию** 224

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- Андрей СОШЕНКО. **Две стороны одной медали** 231
Олег КАССИН. **Чиновники-иноагенты?** 237
Владимир ВАСИЛИК. **Благодетель мигрантов** 241
Владимир АНИЩЕНКОВ. **Без руля? Без ветрил? Без идеи?** 243

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

- Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы.**
Размышления и воспоминания. Продолжение 246

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Руслан СЕМЯШКИН. **Без него бы Россия не обошлась** 257

КРУГ ЧТЕНИЯ

- Николай ПЕРЕЯСЛОВ. **«Из Донецка с любовью!»** 273
Лидия СЫЧЁВА. **Люди песочного времени** 279

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

- Олег ХРАМОВ. **«О чём думалось и что волновало...»** 287

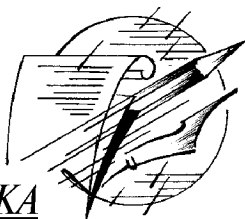
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНА

Процесс перехода «белой идеи» в «красную» незаметно начинает влиять на большевистские ряды еще с начала 20-х годов. Стремительно нарастая в 30-е годы, он становится определяющей доминантой военных лет и абсолютным императивом Советского государства вплоть до смерти Сталина. Идея целостности и величия России побеждает большевиков изнутри.

Сначала под видом советизации и освобождения трудящихся происходит постепенное восстановление целостности Российского государства, затем его традиционные идеи овладевают умами наиболее выдающихся большевистских политиков, начисто испепеляя их космополитические утопии, делая их невольными приверженцами русской национальной идеи.

Образование СССР стало началом конца большевистской системы. Переход от разрушительного антирусского погрома к созидательному государственному строительству неминуемо должен был изменить шкалу координат системы.

Огромный корабль Русского государства, оказавшийся в руках большеви-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ков, хотя и сильно поврежденный, во многом продолжал плыть по собственным законам. Чтобы удержаться у власти, большевики самой жизнью были поставлены перед выбором: либо продолжать громить и погибнуть вместе с кораблем, либо приспособливаться. Яснее всего эту дилемму понимали многочисленные советские чиновники на местах. Соответственным образом возникает размежевание и в высших эшелонах власти. Начинают складываться два течения большевизма: первое, антирусское, ортодоксальное — движение Ленина и Троцкого за космополитизм (интернационализм) и мировую революцию; второе — национально-государственное движение за укрепление государства, которое впоследствии олицетворялось именами Сталина и Молотова. Конечно, вначале второе движение существовало незаметно, а реально продолжало господствовать первое — антирусское, космополитическое. Тем не менее на местах идет стихийная, бессознательная работа по укреплению государства на национальных началах. Укрепление это явно беспокоит большевистских ортодоксов. На XII съезде РКП(б) было принято постановление, которое осуждало здоровые государственные процессы. В нем говорилось:

«Одним из ярких выражений наследства старого следует считать тот факт, что Союз Республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равноправных государственных единиц, призванных обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого единого и неделимого. Таким же результатом наследства старого следует считать стремление некоторых ведомств РСФСР подчинить себе самостоятельные комиссариаты автономных республик и проложить путь к ликвидации последних».

Однако процесс возрождения национально-государственных начал продолжал осуществляться, чему способствовала жестко централизованная структура большевистской партии, при которой правящие в союзных и автономных республиках партии рассматривались как обкомы, подчиненные единому ЦК.

Для того чтобы окончательно разрушить принципы формирования армии, сложившиеся в дореволюционной России, ортодоксы мировой революции под руководством Троцкого принимают в 1924 году план формирования национальных частей (татарских, еврейских, армянских, латышских и т.п.). Реальная цель, которую преследовали создатели этих национальных формирований, — создать корпуса по подавлению

сопротивления русского народа подобно карательным отрядам латышских стрелков. Однако эта идея заглохла вместе с падением Троцкого.

Понимание глубинных государственных процессов, проходивших в России в 20—40-е годы, невозможно без правильной оценки личности Сталина, усилиями которого, по сути дела, была осуществлена национальная революция, в значительной степени (но далеко не полностью) возродившая былое значение русского народа.

Превращение (хотя и неполное и несовершенное) «Савла в Павла» — Сталина как одного из руководителей антирусского движения в Сталина как национального вождя русского народа происходит не сразу, процесс этот, начавшийся еще в конце 20-х, растягивается на все 30-е годы, приобретая итоговое завершение лишь во время Великой Отечественной войны. Могучая русская цивилизация духовно подчиняет себе большевистского вождя, освятив его деятельность положительным содержанием. Гений Сталина состоял в том, что он сумел коммунизм из орудия разрушения России превратить в инструмент русской национальной политики, укрепления и развития Русского государства.

Можно предположить, что фундамент русской государственной идеологии, пробудившейся у Сталина в 30—40-е годы, был заложен у него во время обучения в духовном училище и православной семинарии. Сталин — единственный из крупных большевистских вождей — имел духовно-религиозное (хотя и незаконченное) образование. Как справедливо отметил выдающийся русский духовный писатель и мыслитель священник о. Дмитрий (Дудко): «Если с Божеской точки посмотреть на Сталина, то это, на самом деле, был особый человек, Богом данный, Богом хранимый. Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для всего мира. <...> Сталин — с внешней стороны атеист, но на самом деле он верующий человек. <...> Не случайно в Русской Православной Церкви ему пропели, когда он умер, даже «Вечную память», так случайно не могло произойти в самое безбожное время. Не случайно он и учился в духовной семинарии, хотя и потерял там веру, но чтоб по-настоящему ее приобрести. А мы этого не понимаем. <...> Но самое главное все-таки, что Сталин по-отечески заботился о России» (Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 1995. С. 733—734).

Сталин самоучкой освоил большое количество схоластической марксистской литературы, а в более зрелые годы не переставал читать труды по истории, философии и некото-

рым естественным наукам. Будучи еще юношей «романтиком революции», он, как никто другой, знал настоящую суть революционной работы и, по-видимому, в зрелые годы возненавидел ее.

В квартире Сталина в Кремле и на его дачах были большие библиотеки, содержавшие преимущественно литературу по истории, философии, экономике. Книги постоянно использовались, Сталин читал и делал пометки на полях. Люди, которым довелось видеть написанные его рукой письма, статьи и постановления, высоко оценивали его интеллектуальные возможности. Правка Сталина на текстах многих документов была точна и позволяла видеть в нем тонкого политического деятеля, хорошего стилиста, отлично владевшего русским языком. Пометки Сталина на страницах сотен книг его библиотеки свидетельствовали о том, что он много знал и читал не только труды марксистов, но и произведения многих зарубежных ученых» (Болдин В.И. «Крушение пьедестала». М., 1995. С. 407). С большим презрением Сталин относился к атеистической литературе. В одной из своих записок 20-х годов он называет ее «антирелигиозной макулатурой» (Волкогонов Д.А. «Триумф и трагедия...» М., 1990. Т. 1. С. 396).

Сталин любил старинные русские песни и нередко их пел. В отличие от еврейских большевиков генсек ВКП(б) не выносил, когда в кино показывали сексуальные сцены. Это его коробило и возмущало.

Еще в первой половине 20-х годов Сталин мало чем отличался от других большевистских руководителей, разве что вел незаметный и более скромный образ жизни. Однако уже после смерти Ленина усилившаяся борьба за власть в стране сначала вынудила его блокироваться с Каменевым и Зиновьевым против Троцкого, затем с Бухариным и Рыковым против Каменева и Зиновьева, а позднее прийти к выводу, что единственным путем укрепления его личной власти является путь укрепления государства на национальных началах (в том смысле, как это понимал Сталин: государственный патриотизм, национальная гордость великороссов, использование положительных исторических примеров).

Зверства Гражданской войны, геноцид 20-х годов, в том числе и собственную вину за участие в этих чудовищных антирусских актах, Сталин списывал на «врагов народа». А ведь и в самом деле среди репрессированных в 1937-м и позднее было очень много врагов русского народа.

Уничтожая большевистско-ленинскую «гвардию», Сталин не только разделялся с соперниками в борьбе за власть, но

и в какой-то степени искупал свою вину перед русским народом, для которого казнь революционных погромщиков была актом исторического возмездия.

Сталин эффективно боролся со многими проявлениями антирусских национализмов, которые агрессивно проявляли себя по отношению к русскому народу под видом культурных автономий и разных национальных учреждений, представители которых открыто стремились принизить значение русского народа. Особо это касалось еврейского национализма, приобретшего в СССР совершенно нетерпимый характер.

По инициативе Сталина ликвидируется еврейская секция ВКП(б), закрываются многие националистические еврейские организации, учреждения и органы печати. Во второй половине 30-х годов еще одним специальным решением партийных органов аннулируются результаты насаждения латинского алфавита среди народов России. В частности, отменяются постановления о создании латинской письменности для вепсов, ижор, карелов, коми-пермяков и народов Крайнего Севера. Алфавиты всех этих народов переводятся на русскую основу.

Весной 1932 года по инициативе Сталина ликвидируется Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) — воинственно русофобская организация, возглавляемая Авербахом, племянником Я.М. Свердлова. Как писали современники: «Разгон РАППа встречается в литературно-театральной среде с чувством небывалого восторга. Дело было под Пасху, многие (в том числе и во МХАТе) целовались и поздравляли друг друга: «Христос Воскресе». Решение это было принято с восторгом такими писателями, как М. Пришвин, С. Клычков, А. Фадеев» (Вопросы литературы. 1990. № 10. С. 46).

По инициативе Сталина происходит отход от необъективной и очернительной оценки событий русской истории. Русские люди хотя бы частично получили право воспринимать свою историю не как черное пятно (по Троцкому), а как могучие и героические деяния своих предков. Приостанавливается антирусская пропаганда. Наиболее ретивые русофобы попадают в опалу, как, например, Демьян Бедный, опубликовавший в «Правде» антирусскую басню «Слезай с печки» — о «ленивом русском мужике». В 1934 году Сталин написал письмо членам Политбюро «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», в котором подверг соратника Маркса справедливой критике за русофобский характер его сочинения, за попытку представить внешнюю поли-

тику России в XIX веке как более реакционную и агрессивную, чем политика великих западноевропейских держав.

В 1934—1937 годах прошел конкурс на составление лучшего учебника по истории СССР. В ходе конкурса произошло столкновение национально-русской и антирусской космополитической позиций. Член конкурсной комиссии Н. Бухарин считал, что в учебнике история Российского государства должна быть показана как описание вековой русской отсталости и «тюрьмы народов». Великие этапы становления Руси — принятие христианства, собирание русских земель, воссоединение Малороссии с Россией — рассматривались с позиции классового нигилизма, в духе псевдоисторической концепции М. Покровского. В проекте учебника, подготовленного группой И.И. Минца, все события делились на революционные и контрреволюционные. Конечно, контрреволюционерами были представлены русские патриоты, например, Минин и Пожарский. Воссоединение Малороссии с Россией объявлялось порабощением «украинского народа», а Богдан Хмельницкий трактовался как реакционер и предатель. Сталин, внимательно следивший за конкурсом, сумел дать достойный отпор антирусским выпадам Минца и его команды. Утвержденный летом 1937 года учебник истории СССР А. Шестакова рассматривал советский период в преемственной связи с общим развитием российской государственности.

Пересматривается и прежнее нигилистическое отношение к русским царям и царской власти. В записках Г. Димитрова передаются слова Сталина, сказанные им на обеде у Ворошилова 7 ноября 1937 года:

«Русские цари... сделали одно хорошее дело — сколотили огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство как единое неделимое государство не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство. Мы объединили государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком».

Сталин обладал огромным национальным честолюбием. Как отмечал Шарль де Голль: «У меня сложилось впечатление, что передо мной хитрый и непримиримый борец изнуренной от тирании России, пылающий от национального честолюбия. Сталин обладал огромной волей. Утомленный жизнью заговорщика, маскировавший свои мысли и душу, безжалостный, не верящий в искренность, он чувствовал в каждом человеке сопротивление или источник опасности, всё у него было ухищрением, недоверием и упрямством. Революция, партия, государство, война являлись для него причинами и средствами, чтобы властвовать. Он возвысился, используя, в сущности, уловки марксистского толкования, тоталитарную суровость, делая ставку на дерзость и нечеловеческое коварство, подчиняя одних и ликвидируя других. С тех пор Сталин видел Россию таинственной, ее строй более сильным и прочным, чем все режимы. Он ее любил по-своему. Она так же его приняла, как Царя, в ужасный период времени и поддерживала большевизм, чтобы служить его орудием. Сплотить славян, уничтожить немцев, распространиться в Азии, получить доступ в свободные моря — это были мечты Родины, это были цели деспота. Нужно было два условия, чтобы достичь успеха: сделать могущественным, т.е. индустриальным, государство и в настоящее время одержать победу в мировой войне. Первая задача была выполнена ценой неслыханных страданий и человеческих жизней. Сталин, когда я его видел, завершал выполнение второй задачи среди могил и руин».

Сталинская система руководства ориентировалась на динамизм, постоянное обновление кадров, высокие темпы развития. Сталин сумел создать такую систему стимуляции развития аппарата, которая держала в постоянном напряжении как со стороны верхов, так и со стороны низов. Своего рода контролем стали призывы к «массам» выявлять двурушников и троцкистов в руководящей сфере.

Сталин и его соратники Молотов, Жданов выступали с постоянными призывами к большей «демократизации внутрипартийной жизни», отказу от практики кооптации, назначения, заорганизованности при проведении выборов в руководящие органы. Это позволяло им производить замену так называемой «ленинской гвардии» со всеми ее кланами и слоями.

На XVII съезде партии Сталин указал на две категории работников, которые «тормозят нашу работу» и мешают Советскому государству двигаться вперед. К первой он относил так называемых вельмож — партийных и советских фун-

кционеров, имевших революционные заслуги и считавших, что закон для них не писан. Ко второй — «неисправимых болтунов» из числа партийных и советских работников, которые много говорят, но мало делают. Оба эти типажа в объединенном виде выражали стандартный образ «старого большевика», прежде всего еврейского большевика. Именно с XVII съезда можно говорить о начале целенаправленного вытеснения еврейских большевиков из сферы государственной власти.

Глубинные изменения в природе большевистского режима можно увидеть уже в событиях 1933—1934 годов. Отказ от антирусских исторических концепций М. Покровского, разгром историков, очернявших всё прошлое России, были своего рода революцией в идеологии, вызвавшей сильную тревогу и даже панику в рядах «ленинской гвардии». Созданные еще при жизни Ленина учебники по истории, написанные большевиками-космополитами, сдаются в утиль, а их место занимают новые, написанные под наблюдением самого Сталина и Жданова, ставшего в 1934 году одним из главных соратников генерального секретаря. Прекращаются репрессии на историков-патриотов, их возвращают к активной деятельности, освобождают из лагерей. Школа русских историков-патриотов, включавшая такие имена, как С. Бушуев, А. Ефимов, П. Смирнов, Б. Сыромятников, Е. Тарле, восстанавливает историческую память о многих событиях русского прошлого. Борьба русских патриотов против историков, стоявших на космополитических, антирусских позициях, не прекращалась все 30—40-е годы.

Разгромив большую часть антигосударственных, антирусских элементов в партийном и советском аппарате, Сталин на какое-то время сузил социальную базу своей власти. Однако это было только временно. Новая политика Сталина опиралась уже не на антирусские силы, а ориентировалась на национальные и патриотические чувства русского народа, правда, понимаемые им довольно своеобразно — в духе византийского царизма.

Серьезным шагом в новой внутренней политике Сталина стало изменение его позиции в отношении верующих. Военственные лозунги Союза воинствующих безбожников о полном запрещении отправления религиозных обрядов и закрытии всех храмов заменяются тезисом о терпеливом разъяснении «вреда суеверия». При разработке новой Конституции СССР Сталин решил учесть права верующих, составлявших тогда около 100 млн. человек из 170 млн. населения России (Алексеев В. «Штурм небес отменяется?» М., 1992. С. 174).

Выступая в ноябре 1936 года с докладом «О проекте Конституции Союза ССР» на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов И. В. Сталин особо остановился на вопросах об отношении к верующим, рассматривая и анализируя поступившие к разработчикам Основного закона поправки:

«Далее идет поправка к статье 124-й проекта Конституции, требующая ее изменения в том направлении, чтобы запретить отправление религиозных обрядов. Я думаю, что эту поправку следует отвергнуть как несоответствующую духу нашей Конституции... Наконец, еще одна поправка, имеющая более или менее существенный характер. Я говорю о поправке 135-й статьи проекта Конституции. Она предлагает лишить избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей и лиц, не занимающихся общепольным трудом, или же во всяком случае ограничить избирательные права лиц этой категории, дав им только право избирать, но не быть избранными. Я думаю, что эта поправка также должна быть отвергнута» (Сталин И. В. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. М., 1936. С. 46—47).

Смена курса по отношению к верующим произошла и по линии возможности их вступления в число членов ВЛКСМ. В своем выступлении на заседании бюро ЦК ВЛКСМ 8 марта 1937 года руководитель комсомола Косарев сказал: «Нужно поговорить и о комсомольцах-верующих. Я не предлагаю давать директиву о приеме в комсомол тех, кто верует, но я не против того, чтобы не отказывать в этом деле... Из числа женской молодежи можно, по-моему, принимать иногда. Из чего я исхожу? Из того, что нам говорил тов. Сталин, что ВЛКСМ терпеливо разъясняет вред суеверий и предрассудков. У нас как этот пункт был сформулирован? А товарищ Сталин все это перечеркнул и сказал: «Терпеливо разъяснять молодежи...» Я боюсь, мы недооцениваем всей силы религиозных организаций» (Алексеев В. Указ. соч. С. 156).

В 1937 году Сталин настоял на том, чтобы в опросный лист Всесоюзной переписи населения был включен пункт о религиозной принадлежности опрашиваемого, тогда как в свое время Ленин требовал исключить этот вопрос из анкет. Однако именно этот пункт опросного листа стал одной из причин неудачи переписи. Многие верующие, опасаясь преследований, боялись признать свою религиозную принадлежность. Известны многочисленные случаи, когда целыми семьями, а то и деревнями жители глухих и таежных мест скрывались в лесах и труднодоступных районах от счетчиков, проводивших опрос населения. Тем не менее, несмотря на уклонение верующих от переписи, результат ее показал, что в сель-

ской местности верующих оставалось примерно две трети всего населения, а в городах — не менее одной трети. Таким образом, общее число верующих составило не менее 100 млн. человек (Антирелигиозник. 1937. № 11. С. 2).

Главный итог 30-х годов — освобождение России от прямого владычества еврейского интернационала, пытавшегося духовно разложить русский народ. Но большевизм был побежден русским народом. Из орудия разрушения России он превращался (хотя и не во всем и не всегда) в орудие русского народа, предназначенное сохранить территориальную целостность и обеспечить государственное могущество России. Вождем этой новой миссии большевизма стал И.В. Сталин, жестоко, но, по сути дела, справедливо расправившийся с прежней командой своего корабля и заставивший остальных служить в исполнение новых целей. Освобождение страны от большей части старых большевиков и революционеров стабилизировало общество.

Коммунистическая партия на какое-то время становится воплощением территориального, национального, духовного и политического единства Советского государства. Государственная русофобия 20-х годов была разрушена и вместо прежней опоры на антирусские, космополитические элементы центр тяжести передвинулся к опоре на русский народ, эксплуатации его национальных ценностей, на основе которых возникло тысячелетнее Русское государство.

Центром государственной власти стало Политбюро, управляемое самодержавным властителем, а партийный аппарат — практическим проводником объединительной государственной идеологии, в которой, безусловно, использовались многие элементы духовных ценностей Русской цивилизации. В стране царил уверенность в правоте своего дела, внешняя политика, безусловно, поддерживалась абсолютным большинством народа не за страх, а за совесть. Вера в границу на замке была вполне искренней.

Доклад Сталина на XVIII съезде партии в марте 1939 года был составлен в большей степени им лично. В нем он уверенно констатировал успехи экономического строительства в СССР, провозгласив, что в результате разгрома «капитулянтов и вредителей» страна стала еще более могучей. В самом деле, успехи СССР были наглядны в сравнении с трудностями, которые испытывали страны Запада. Многие из них только что выходили из экономического кризиса, усиливаемого катастрофическими политическими процессами. Вывод Сталина: мир накануне новых потрясений. Рушится система послевоенных мирных договоров. Экономический кризис

провоцирует военную опасность — «новая империалистическая война стала фактом».

В связи с этими ожиданиями Сталин предлагает продолжать поиск мирных средств предотвращения войны или ее отдаления, идти в направлении выполнения советского плана коллективной безопасности в Европе, не допустить создания единого антисоветского фронта. Стремясь к миру, Сталин вместе с тем призывал всемерно укреплять оборону страны, усиливать боевую мощь Красной Армии. Эти установки Сталина определили советскую политику на ближайшие годы.

Все 30-е годы страна жила ожиданием войны. Официальная пропаганда постоянно твердила о враждебном окружении СССР. И это утверждение было правдой. Западные страны боялись не столько марксистской идеологии, сколько стремительного усиления военного и экономического могущества СССР, который на Западе по-прежнему называли Россией.

Сталин стремится превратить партию в своего рода национальный орден. Недаром именно в 1947 году он дает указание опубликовать свою старую рукопись, где говорилось, что партия — «своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность». Схема ордена такова: 3—4 тыс. — «генералитет», 30—40 тыс. — «офицеры», 100—150 тыс. — «унтер-офицеры», остальные — «солдаты партии».

Сталин проводит последовательный курс на окончательное устранение с политической арены прежних большевистских правящих кланов. В 1947 году он принимает решение о новой депортации в отдаленные районы лиц, уже отбывших наказание по процессам «врагов народа» 30-х годов. Указание пришло из ЦК партии, а выполнять его обязали органы госбезопасности. Есть определенные основания говорить о том, что Сталин готовился разоблачить старые преступления еврейских большевиков. По свидетельству Ф.Ф. Шахмагонова, бывшего личного секретаря М. Шолохова, в 1952 году Сталин просил писателя в очередном издании «Тихого Дона» по-новому раскрыть фигуру Свердлова как организатора убийств русского народа.

Ненависть Сталина к еврейским большевикам приобретает личный характер. В 40-е годы он был потрясен предательством одного из «бойцов ленинской гвардии», специалиста по грязным делам партии, заместителя наркома иностранных дел и посла в США в 1942 году М. Литвинова. Советская разведка получила полную запись беседы Литвино-

ва с одним американским журналистом, работавшим на Управление стратегических служб США. Литвинов говорил: «С этим правительством советским у вас, американцев, ничего не выйдет. Они на таких позициях стоят, что не могут с вами договориться о чем-то серьезном».

Посол СССР в США объяснял американцам, как следует бороться с советским правительством: внутренних сил нет для этого, потому что у народа танков нет, а у правительства есть, у народа нет авиации, а у правительства есть, у народа нет артиллерии, а у правительства есть. У правительства — свои партийные офицеры, и в таком количестве, что народ что-нибудь изменить по своей воле, если он не согласен, не может. Тут только внешние силы помогут, т.е. поход войной. Только внешнее вмешательство может изменить положение в стране (Беседы с Молотовым. С. 96). Фактически это был акт государственной измены.

Как рассказывал член сталинского Политбюро А. Микоян: в последние годы войны, когда Литвинов был уже фактически отстранен от дел и жил на даче, его часто навещали высокопоставленные американцы, беседовавшие с ним на разные политические темы. В одной из таких бесед американцы жаловались, что советское правительство занимает по многим вопросам неуступчивую позицию, что американцам трудно иметь дело со Сталиным из-за его упорства. Литвинов на это сказал, что американцам не следует отчаиваться, что неуступчивость эта имеет пределы и что если американцы проявят достаточную твердость и окажут соответствующий нажим, то советские руководители пойдут на уступки. Эта, как и другие беседы, которые вел у себя на даче Литвинов, была подслушана и записана. О них доложили Сталину и другим членам Политбюро. «Я, — сообщает Микоян, — тоже ее читал. Поведение Литвинова у всех нас вызвало возмущение. По существу, это было государственное преступление, предательство. Литвинов дал совет американцам, как им следует обращаться с советским правительством, чтобы добиться своих целей в ущерб интересам Советского Союза. Сперва Сталин хотел судить и расстрелять Литвинова. Но потом решил, что может вызвать международный скандал, осложнить отношения между союзниками, и он до поры до времени отложил возмездие. Но не забыл о нем. Он вообще не забывал таких вещей. И... решил привести в исполнение свой приговор, но без излишнего шума, тихо. И Литвинов погиб в автомобильной катастрофе». Правда, произошло это уже в 1951 году.

Уже в послевоенный период Сталин начинает подбирать кадры руководителей, которыми он хочет заменить своих прежних соратников, сместив их с высоких государственных должностей.

В 1947 году Сталин выдвинул предложение о том, чтобы каждый член Политбюро подготовил из среды своих работников 5—6 человек таких, которые могли бы их заменить, когда он сочтет нужным это сделать. «Сталин это повторил несколько раз, настаивал» (воспоминания А.И. Микояна в кн.: Прибытков В. «Аппарат». СПб., 1995. С. 81). Конечно, члены Политбюро, боясь потерять власть, под разными предлогами саботировали это предложение.

Формирование новых кадров происходило на русской основе. Рядом со старой сплоченной, преимущественно космополитической руководящей элитой возникала новая, составленная из молодых людей, хорошо проявивших себя в годы войны.

Новые кадры становились определяющей частью национальной реформы, которая бы изменила лицо страны. Однако внутренние враги государства и иностранные агенты сделали всё, чтобы остановить Сталина. После его смерти наступил период национальной контрреформы, которую возглавили наследники старых большевиков.

СУРОВЫЙ УДЕЛ

ПОВЕСТЬ

Светлой памяти родителей моих Григория Григорьевича Гурьянова и Марии Никифоровны Гурьяновой — посвящается.

1

Теперь, милые мои, можно поведать об этом. Время давно поглотило ту жизнь и тех людей. В иной мир унесли они не только великие радости и печали, но и страшные тайны, которые угнетали души, чернили сердца.

Да и деревень тех, в которых под звон церковных колоколов и с верой в Бога шла эта жизнь, нет уже на белом свете. Только бурьян выше, где когда-то стояли дома, только дотлевают чёрные покосившиеся кресты на заброшенных и забытых погостах. А унылые ветры старательно заметают былое.

Это сегодня деревня от деревни — за полдня не дойдёшь. В старину они густо селились, словно тянулись друг к другу. По утрам, бывало, кто из пастухов первым на заре кнутом щёлкнет — три-четыре деревни окрест слышат и тут же откликаются ответным щёлканьем. Петухи ещё раньше меж собой переклик затевали. Теперь же сельскую глубинку так развернуло и перегорбатило, что кличь — не кличь, а до соседней деревни не докличешься. Ушла та пора безвозвратно...

ПРОЗА

Так вот, милые мои, в Плечёвке, что протянулась вдоль берега небольшой светлой речушки, поросшей вёслами и тальником, жили два закадычных дружка. Бедно жили. У Миньки Сарайкина не было отца. Простудился, когда возил с мужиками горшки из Пензы в Саратов. Слёг и не поднялся больше. У Гриньки Григорьева, слава Богу, отец с матерью были в добром здравии. Однако кроме Гриньки в семье было ещё семь ртов. Знамо, не хватало на всех пропитания и одежки. Летом-то ничего: где пескарёй в речке наловит, где шавеля с ягодами в лесу наберёт, где черёмухи с дикими яблоками, а то и грачиных яиц фуражку принесёт. Сам, бывало, поест, но большую часть младшим несёт. Уж как ждали-то они его! Глазёнки так и светились от радости.

Минька тоже был не жадный, заботливый. Самую большую часть добычи нёс домой, своей мамане тётке Фиёне. И Гриньке помогал раздобыть еды для малышей. Как два родных брата были, всюду вместе. Души друг в друге не чаяли. Бедно, а радостно им жилось.

Зимой хуже становилось. Одежки — ни у того, ни у другого. А главное, нечего обуть. Да разве ребятишек удержишь на печи! Гринька был покрепче и начинал первый. Совал босые ноги в печку, прямо к пламени. Калил их до боли. Потом выскакивал на улицу и стремглав летел по глубокому снегу к Миньке. Благо жил тот недалеко, наискось, на другом порядке. У друга он снова совал красные и заледенелые от морозного снега ноги в печку. И они дымились, обсыхая, и поначалу ничего не чувствовали.

Мать, известно, ругалась на Гриньку: заболеешь — всю жизнь клячиться будешь. Но Гриньку простуда не брала. Шустрый и подвижный рос он. И не смотри, что роста невысокого: крепенький был и силёнку чувствовал. Затеется, бывало, ребятня возиться да силу друг друга спытывать, так Гринька всех разбросает и положит на лопатки. А лет в пятнадцать, озоруя, подхватил на плечи годовалого бычка и ну бегать с ним по лугу. С тех пор и прозвище к нему прицепилось — Бык.

Минька послабже был, хотя и ростом выше. Тихий такой, красивый. Светлые кудри почти до плеч. И голос тихий имел, и характер спокойный да покладистый. Словом, курицу не забидит, воду не замутит. Боговерующий был.

Гринька, конечно, тоже осенял себя крестом, но в церкву ходить не любил. Да и некогда было. То в поле с отцом, то в ночном с табуном богатого деревенского мужика дядьки Фёдора Максимкина, то за хворостом в лес, то скотину на дворе поить-кормить. Куда денешься — старший в семье. Так было

заведено в роду. И Гринька гордился этим. По чести сказать, в пятнадцать лет он был уже настоящим мужиком и мог самостоятельно вести хозяйство. Крепкая порода, жёсткая на ука сурового молчаливого отца, который тащил на своих широченных плечах огромную семью, сметливость, разворотливость и трудолюбие Гриньки сделали своё дело. Прослыл он добрым работником. Богатые мужики с охотой брали его в найм то на сенокос, то на жнитво, то на мельницу. Об оплате договаривались с отцом. С ним и расплачивались.

Как-то по весне работал Гринька у дядьки Фёдора Максимикина — загон новый строил для скота. Да так ладно и быстро всё сделал, что хозяин, расчётливый и знающий цену копейке, щедро расплатился с отцом и сказал: «Доброго работника поднял, Григорь Киреич. Не просидит, не провалится. Ухватистый парень. Жнитво начнётся — присылай ко мне. И похарчится вволю и заработает. Я за ценой не постою. И вот ещё что. Передай ему этот пиджак. Не новый, но сукно ещё крепкое. Поносит».

Словом, стал Гринька работником нарасхват. А это любо ему. Везде старался успеть. Где один, где с дружкой закадычным Минькой. Минька, знамо, не такой расторопный. Да и силёнка не та. Но делал всё с любовью, старательно. И никогда работу на полпути не бросал. Бывало, уже качается от усталости, а передыхнёт немного, перекрестится — и снова за дело. Тётка Фиёна не нарадовалась на своего единственного. Смирный, послушный, услужливый. А уж в церковном хору пел — спасу нет, как за душу брало. Отец Тихон как-то погладил его по белокурой головке и сказал: «В семинарию его, Фиёнушка, надобно. Божьим человеком растёт он у тебя. Вон глазки-то какие чистые да кроткие. Вся душенька, как на ладони, светится. И к музыке у него особливая способность. Гармоника-то у него как живая, человеческим голосом так и выговаривает».

Гармоника Миньке от отца досталась. Старенькая двухрядка с потемневшими пуговицами-клавишами и клееными-переклееными мехами. Никто ему не показывал, как с ней обращаться. Лет с пяти-шести он с удовольствием пиликал на отцовском инструменте, старательно расставляя звуки по своим местам. Сначала они были строптивые да непокорные, чехардились и озорничали, а потом вставали в ряд и дружно пели. Знатно выучился играть Минька. Бывало, пробежит пальцами по клавишам, поднимет свою кудрявую головёнку, широко откроет свои голубые глаза и поведёт мотив. А сам уже ничего вокруг не замечает. Пела Минькина душа вместе с гармошкой.

Лет в двенадцать Миньку первый раз позвали играть на свадьбу. Он засиял от счастья. На свадьбе играть — дело нешуточное. Каков гармонист — такова и свадьбка. Знать, признали в деревне Минькины таланты. Только тётка Фиёна — ни в какую! Мальца такого — да на свадьбу? Испугалась за Миньку. Так бы и не отпустила. Да отец жениха уговорил. Пойдем, говорит, и ты, Фиёна. Присмотришь за Минькой. А полмешка ржи — сразу после свадьбы. Да и со стола кое-что перепадёт.

Три дня ухала, гудела и звенела свадьба. Уже полночь уставший и побледневший Минька лез на печку и спал почти до самого полудня, пока свадьба не очухалась, не опохмелилась и вновь не зашумела на все голоса. Тут уж и Минькин черед подходил. Кто-то затянул песню — гармоника сразу же подхватывала её, зазывая остальных. Кто-то топнул ногой — и плеснула жаром Минькина гармошка. Не усидеть никому! И тесно стало от удалого, с присвистом, пляска молодых мужиков, от дружного выстука каблучков зардевшихся девок и молодых баб. А там и степенные бородатые мужики со знанием дела в круг входили...

Осилит Минька свадьбу. Побледнел весь, но осилит. Хозяин остался доволен и слово свое сдержал с лихвой. Мешка ржи не пожалел за Минькину игру и опорки старые, но ещё крепкие подарил. Тётка Фиёна аж заплакала, прижав сынишку к груди: кормилец подросток...

Отец Тихон при встрече сдержанно сказал Фиёне: «Свадьба — дело Божье. И людей веселить — греха в этом нет. Грех, коли к вину сызмальства приучен будет. Разумей, Фиёнушка».

С той поры Минька на многих свадьбах играл. В богатые семьи, знамо, других двурядочников кликали, которые в возрасте были и цену себе знали. Гармоники у них были не в пример Минькиной — звонкие да чуткие. Плату за свадьбу они сами устанавливали. Минька же с матерью никогда ничего не просили. Что дадут. И люди не обижали. Играл Минька от души. Вина в рот не брал. Упаси Боже! Слова отца Тихона крепко легли на душу.

Сколько же песен услышал Минька на свадьбах! И весёлых, разудалых и вольных, как ветер, и задушевно-печальных про долю мужицкую, про судьбинушку женскую, озорных, приправленных ядрёными словами... И все на память взял, ко всем лады подобрал. Словом, годам к семнадцати вышел он в первые гармонисты по округе. Богатые мужики перестали чураться Минькиной игры, в первую очередь его стали звать. Знамо, не часто это случалось. Богатых мужиков в Плечёвке по пальцам пересчитать можно.

Хвалить тогдашнюю жизнь сердце не поворачивается. Почитай, в каждой избе нужда по углам сидела да на печке вместе с малыми ребятишками с голодухи плакала. Но совесть люд имел. Знал, что хорошо, что плохо, и старался в чистоте и согласии сохранять свою душу. Отсюда и силушка, и терпение.

2

А молодость брала своё. Стали на Миньку девки заглядываться. То одна, бывало, подсядет поближе, то другая норовит рядом пойти, то третья семечек каленых за пазуху насыплет, то четвёртая шаловливо наденет венок из пахучих лесных цветов на белокурую Минькину голову. И неспроста: пригож стал собой Минька. Хоть и худенький, а росту высокого, плечистый, глаза голубые, задумчивые, добрые. Голову прямо держит на высокой шее, густые светлые кудри — до плеч. А играть зачнёт — обязательно встанет во весь рост, голову приподнимет, подастся чуток вперёд и устремит взгляд вверх голов. И лёгкий румянец проснётся на его щеках. И льются живые звуки из его гармонии, летят над речкой, над полем, блуждают и прячутся в ближнем лесу. А вместе с ними летит чистая и взволнованная Минькина душа. И поднимается высоко-высоко. Не достать до неё, не дотянуться никому.

Но однажды на гулянье вдруг ойкнула Минькина гармоника и умолкла. А потом сменила мотив и запела так, будто густой хмель ударил в голову гармониста. Рассказывала гармоника о тайном и сокровенном, о желанном и несбыточном, смеялась от счастья и печалилась, остерегаясь чего-то. Чуете, милые мои? То встретился Минька с долгим взглядом красивых карих глаз Маруси Никитиной — первой красавицы в округе. И всё-всё рассказала ей гармошка. Запылали огнём смуглые Марусины щёки, счастливый смех обнажил её ровные белые зубы, чёрная тугая коса бесконечно потекла меж розовых девичьих пальцев. Задорные искорки вспыхивали в её ласковых глазах. А потом вскрикнула гармония и заиграла жарко, зазывая в круг на пляску — разделить предчувствие Минькиного счастья.

С гулянья Маруся пошла рядом с Минькой. И вскоре они остались одни. Никто не заметил, как злобно метнулся им вслед чёрный взгляд отчаянных и дерзких глаз Митьки Косарева. Давно он тянулся к Марусе. Но девица даже намёка на интерес не подала. Была она круглой сиротой и воспитывалась у деда. Мужиком он слыл крепким, хозяйство в справности держал, а во внучке души не чаял. Послушная она рос-

ла, проворненькая и опрятненькая всегда. И — за что ни возмётся — всё огнем горит. Невеститься дед Фёдор до той поры внучке не разрешил. Только на шестнадцатом годку пустил её с подружками на гулянье.

Крутился Митька вокруг неё, старался разными знаками да вниманием склонить к себе сердце девицы. Но не лежало оно к нему. Вроде, и высок, и ладен, и тёмным лицом по-своему красив, а вот нет и всё тут. Побаивалась его Маруся. Смотрит своим чёрным взглядом, и не поймёшь, что у него на уме. Видать, не спроста в ребятишках у него прозвище было — Злодей. За то, что со смехом отрывал головы у грачат, с удовольствием топил котят и кутят. Даже ёжика утопил в реке за то, что поколол об него палец. И дрался злобно, с остервенением. Бил чем ни попадя, не жалея. Остерегались его сверстники, дружбу с ним не водили. Хотя вместе с ними был, а всё особняком, всё с насмешкой, всё свысока, всё — я да я.

Митька глаз не спускал с Маруси. Равнодушие красавицы задело его гордыню. Пользуясь тем, что его побаивались, он отпугивал парней от девки, а некоторых и колотил. Он первый заметил, как по-особому стала смотреть красавица на гармониста. Понял он, куда потянулось её сердечко. Закипела в груди чернота. Начал задираться на Миньку по любому поводу, угрожать. Дошло это до Гриньки. Он тоже любил вечерние гулянья, но бывал на них редко. Сёстры и братья подрастали, и нужды становилось больше. С утра до ночи вместе с отцом Гринька был в работе — то по найму, то на своих десятинах. Пожениться толком было некогда. А тянуло, ух как тянуло...

В тот вечер он выпросил у дядьки Фёдора Максимкина жеребца и верхом поскакал из Плечёвки в Ямпольевку, где за околицей села затевались воскресные гулянья. Привязав коня за цветущую яблоню, Гринька отыскал глазами Митьку, властно вытолкнул его за круг и, стиснув локоть железной рукой, тихо спросил: «На любка пойдёшь?» Митька отшатнулся. Гринька предлагал ему выйти на кулачный бой. И Митька струсил. Он не раз видел, как Гриньку вызывали на любка взрослые и крепкие парни, но все валились наземь от бухающих ударов Быка. Митька решил схитрить и увильнуть от боя, превратив всё в шутку:

— Да ладно тебе. Вон девок сколько. Любую бери — глазом не моргну.

Поняв, что Митька не хочет выходить на честный бой, Гринька как бы в шутку затеял возню с ним. Обхватив Митьку поперёк, он сжал его так, что захрустели кости, и, шепнув: «Слышь! Не замай Миньку... Голову отверну», — грохнул его

через себя о землю. Когда Митька кособочась встал, конский топот раздавался уже далеко за селом.

Дымкой окутались цветущие яблони. Играла Минькина гармония. Весело смеялись девицы. В низине над рекой щёлкали соловьи.

Когда встречи стали постоянными и допоздна, бабаня Матрёна заволновалась и рассказала о своих опасениях деду Фёдору. Тот погладил сухой рукой окладистую седую бороду и, расправив в доброй улыбке суровые морщины на лице, успокоил жену: «Молоды ещё грешить. Душеньки у них чистенькие, как вода в роднике. А уже ликом-то оба — хоть икону пиши. Парень хороший, только бедный...

— Я и говорю про то, — поддакнула бабка Матрёна. — Отпугнёт хорошего жениха. А я уж, чаю, к осени сватов ждать надо. Ты уж поукороти малость внучку с гуляньями-то. Не дай Бог, слухи нехорошие пойдут...

Дед Фёдор, пораскинув умом, согласился:

— В поле с собой брать буду. На гумне некогда хороводы водить. Работы невпроворот. А сватов зашлют — не беда. Всю жизнь под своим крылом внученьку не продержишь. Честь по чести выдадим, коль хороший человек сыщется. Чай, сундук-то уже приготовила? Смотри, Матрёна, она хоть и сирота, да наша внучка. Чтоб в любой дом не стыдно было отдать. А Миньку не гони. Дети они ещё... Да и жалко мне его. Не такой он, как все.

Бабка Матрёна, зная крутой нрав мужа и опасаясь ему перечить, всё же сказала:

— Ты уж, отец, не больно её работой принуряй на гумне-то. Красота бережение да негу любит. Успеет наработаться...

Дед Фёдор недовольно хмыкнул: мол, без тебя, старая, знаю.

3

...Прошёл сентябрь. Тёплый и тихий октябрь поселился в полях. Нежаркое ясное солнышко ласково и грустно смотрело на посеревшую землю. Плеснули ноющей желтизной клёны в лесу, богатые шафрановые шапки надели молчаливые дубы, склонили кроваво-красные гроздья ягод, вошла в пору ранее неприметная калина. Протянуло от неё к раскидистому вязу сверкающие нити бабье лето. Лёгкая тихая грусть нет-нет да и охватит сердце. Осень...

Гринька с отцом, управившись в поле, работали на мельнице у Селезнёва в соседнем Захаркине. Большого помола ещё не было, но с раннего утра у мельничных ворот уже выстраивались подводы с мешками зерна. Гринька играючи под-

хватывал с весов тяжеленные осьминные мешки и почти бегом нёс их к засыпной яме. Мужики восхищенно дивились силе и ловкости парня. «Киреич, — говорили отцу, — ростом не в тебя, а вот силушку от тебя черпанул. Смотри, как мешки тютюшкает! И устал не берёт». Отец добродушно улыбался, радуясь за сына. Но сам никогда не хвалил его. Скупой был на похвалу. В работе и строгости держал своего старшего. Даже на улицу отпускал его с наказом: «Не загуливайся. Завтра чуть свет разбуду». Так что приходилось Гриньке порой и поспать-то часок-второй, когда властный голос отца поднимал с постели. И начинался новый день, наполненный работой без конца и края.

Гринька не роптал. Всегда был весел. Любая работа давалась ему легко, ко всему имел сноровку и понятие. А минувшим летом жизнь его краше стала. Появилась у него зазнобушка — грудастая светловолосая Пелагеюшка из Ямпольевки. Гринька с лица-то не больно казист. Крупный нос, крепкий подбородок, вихрастый непокорный чуб и маленькие синие глаза. Но всегда весёлый, шутливый и светлый, он по душе был многим девицам. Гринька выбрал под стать себе — небольшого роста, крепкую и работающую Пелагеюшку. Два раза подрался из-за неё с ямпольевскими ребятами. Отбил Пелагеюшку и стал её ухажёром.

Молодёжь пользовалась последними тёплыми деньками. Вечером со скотиной уберутся, подфорсят, кто какую возможность имеет — и за околицу. Песни попеть, хороводы поводить, в игры поиграть да ненароком дружка милого или подружку желанную за руку взять и увести в тёплую ночную тишину.

Одна беда — гармония у Миньки совсем расхулилась. Сипеть стала и похрипывать. И как ни клеил её Минька, как ни латал — надолго не хватало. Сверстники знали, что он давно копит деньги на новую гармошку. Да медленно шло это дело. Не с чего было копить-то. Вот Гринька как-то и бросил клич: всем миром помочь справиться Миньке новую гармонию. Откликнулись все, кто мог. Лишней копейки, знамо, ни у кого не было. Но ради такого дела наскребём малую толику. Да и что за жизнь у молодых без гармонии. Ни встретиться, ни повеселиться, ни поплясать, ни песни попеть, ни попечалиться всласть, ни погрустить.

Через неделю, субботним вечером, Гринька снял свой картуз и пошёл по кругу. Плечёвские, ямпольевские, марьевские, захаркинские ребята бережно клали принесённые деньги. Гринька шутил: «Клади больше — Минька своё отыграет на твоей свадьбе». Минька тоже высыпал из красного узел-

ка в общую кучу свои накопленные деньги. Целый картуз набралось! Сообща пересчитали добро. Выходило — в самый раз, даже с небольшим запасом. Весело на душе у всех стало, светло. Довольные улыбки так и сияли на молодых лицах.

Ошарашенный неожиданным счастьем, Минька загорелся в ночь в город на базар податься, чтоб уже завтра порадовать друзей игрой на новой двухрядке. Он представлял её себе уже давно: сверкающую зелёным перламутром, ослепительно-белыми клавишами, с красными бархатистыми мехами, голосистую, отзывчивую, послушную.

— Может, с утра поедешь? — спросил Гринька.

Какое там — с утра! Ошалелый от сбывающейся мечты и переполненный благодарностью, Минька и слушать ничего не хотел: завтра будете веселиться под новую двухрядку — и всё тут.

От Плечёвки до Соболева разъезда версты полторы не более. После полуночи всегда товарные поезда проходят. На подъеме товарник идет медленно. Вскочить на подножку тамбура — дело привычное для плечёвских ребят. А там через полчаса и Петровск. Переждав на вокзале часок-другой можно смело идти до базара — и выбирай себе товар по душе. Не спеши — торгуйся. Базар спешки не любит. Минька хорошо знал это. Не раз бывал там с матушкой и деревенскими мужиками.

Друзья проводили домой Марусю. Потом зашли к Миньке. Сказался матери, куда едет. Завернул деньги в чистую тряпицу и аккуратно засунул в карман старенького пиджака. Тётка Фиёна тоже не хотела отпускать сына в ночь, да разве удержишь, как загорелся. Напоила обоих молоком и проводила до калитки. Гринька хотел было повернуть домой, но ноги сами пошли за Минькой. Так и дошли до кладбища, где дорога круто уходила вправо, к железнодорожному разъезду. Весёлый и возбуждённый Минька то и дело ошупывал в кармане деньги и улыбался. Пожали друг другу руки. Расходясь, стали уже теряться в темноте, когда Гринька вдруг окликнул его:

— Минька! Давай я провожу тебя?

— Не надо! — донеслось из темноты. — Туг рукой подать. А тебе вставать рано. Жди завтра к вечеру!

Гринька постоял ещё, пока друг не растворился в дымке и пошёл домой. Надо было выспаться. Спозаранок они с отцом подрядились ехать за брёвнами в Горелый лес для мельника Селезнёва. Сговорились за три пуда ржаной муки и мешок отрубей. Своя-то рожь не шибко уродилась. Семена засыпали, а остальное смололи. Пораскинув, матушка решила эко-

номить с осени: подмешивала в муку отруби и пекла хлебы. Вкуснющие выходили! Да и каша, слава Богу, не переводилась: хорошие проса в этом году уродились. По праздникам и блины из пшённой муки пекли. Просо обрушивали в ступе, а пшено мололи на муку на ручной мельнице. Пухлые, рассыпчатые получались из неё блины. Ешь — не наешься. А если с кислым молоком — то лучшей еды и не надо.

Заснул Гринька быстро. Но спал беспокойно. Сон нехороший привиделся. Будто спилили они с отцом дуб. Упал он со стоном. А из-под ветвей Минькин голос послышался, жалобный такой, тоскливый: «Помоги мне, Гриня... Больно мне... Я тебе на новой двухрядке сыграю...» Бросился Гринька на голос, раздвинул сучья, а там нет никого. Только листья у дуба чёрные какие-то.

Проснулся Гринька в холодном поту. Отец уже запрягал лошадей, а мать суетилась у печки, выставляя на стол вечернюю похлёбку и пареную тыкву. Чуть занималась заря.

4

А в это время вдоль железнодорожного полотна и желтеющих лесополос ехала подвода. Баба сладко дремала на мешках с шерстью, подрёмывал и чернобородый мужик, изредка трогая вожжи. Сосновские ехали на базар менять шерсть на валенки.

Едва забрезжило, а потому они не торопились. Лошадь, изредка мотая головой, легко тянула телегу по укатанной белой колее дороги. Вдруг она всхрапнула и остановилась. Мужик очнулся от дремы, дёрнул за вожжи и прикрикнул:

— Но! Пошла!

Но обычно спокойная и послушная лошадь храпела и пятилась назад. Мужик пристально всмотрелся в дорогу, сунул вожжи жене и тревожно сказал:

— Держи крепче. Никак человек лежит.

— Ой! Не ходи! Давай уедем от греха подальше, — испуганно проговорила жена.

Мужик нерешительно помялся. Потом нашарил в кармане коробок со спичками, шагнул вперёд. Наклонившись над лежащим поперёк дороги человеком, он чиркнул спичкой и в ужасе отпрянул. В луже крови с перерезанным горлом лежал Минька-гармонист из Плечёвки. Потом, когда рассвело и приехали из милиции, на худом Минькином теле насчитали ещё шесть ножевых ран. Страшно казнили да мучали Миньку за узелок с деньгами...

Потрясла дикая весть всю округу. Это сейчас, прости Господи, антихристово время наступило. Там застрелили, тут

взорвали, здесь зарезали или удушили... И вроде бы так себе, ничего особенного. А в те времена народ хоть и бедно жил, но жизнью дорожил, цену ей знал и берёт, как святую.

Из ближних и дальних деревень пришёл люд хоронить Миньку. Рыдали бабы и девки, не стесняясь, плакали мужики и парни. Отняли у них чистую и светлую часть жизни. Кто же не слышал его гармонику, говорящую человеческим голосом! У кого душа не замирала, когда высокий Минькин голос звучал в церковном хоре, кто не плясал и не пел под его чудную игру! Кто не дивился его кроткости и терпению! В жизни плохого слова не сказал, косога взгляда не бросил. Эх, Минька, Минька! Не сбылась твоя мечта, не играть тебе на новой гармонике, не веселить, не печалить людей своей музыкой, не играть на свадьбах. Не радовать боле тебе матушку Фиёнушку, не ворковать с милой сердечку Марусенькой...

Гринька почернел весь от горя. Казнил себя за то, что не проводил друга, не уберёт от лихого человека. Несколько раз вызывали его на дознание. Всё поведаль: как дружили, как ели-пели с одной ложки, как работали вместе, как женихаться стали. И, конечно, как провожал друга в ту проклятую ночь. Помутузили, знамо, но в конце-концов сняли все подозрения. Сошлась людская молва на одном: Митьки-злодея рук дело. А тот враз пропал, тут же после Минькиных похорон. Искали везде — как сквозь землю провалился. Втайне от всех искал его и Гринька. Ох как искал...

Тётка Фиёна от великой тоски умом тронулась. Встретит Гриньку, возьмёт за руки и, заглядывая ему в глаза, ласково говорит:

— Приходи сегодня, Гринь, к нам. Миня должен с базара приехать. Купил он гармонику-то. Приходи...

Разрывалось сердце у Гриньки. Не вздумай он тогда соби- рать с миру деньги на гармонику, жив бы остался Минька. Как тут себя успокоить, чем утешить, как забыться? Нет, Гринька, жить тебе с этим грузом — не освободиться.

Верно в народе говорят: пришла беда — открывай ворота. Наложила на себя руки красавица Марусенька. Чудом успели вынуть из петли. Неделю металась в бреду и всё шептала: «Хочу к Минечке...» Кое-как оправилась, но красота поблёкла, как вешний цвет после внезапных заморозков.

И пошло-поехало. Беда за бедой в черёд стали. И всё на одну деревню. Отца Тихона зимой за церковной оградой городские люди застрелили, а матушку и троих меньших детишек куда-то увезли. Чем уж им отец Тихон не пришёлся, одному Богу известно. Народ-то его уважал. А вот заступиться побоялся. Отгудели церковные колокола по округе, и саму

церкву разворовали-разграбили. Некуда и не к кому стало сходить очистить душу и силы почерпнуть в Божьем слове.

А по весне невыслымый голод в деревню пришёл. Крепко она пошатнулась. Заросла бурьяном выше крыш. Семьями стали вымирать люди. По неделе лежали трупы в избах — не успевали увозить на погост. Потянулся народ с узелками кто куда: кто в Баку, кто в Ташкент, кто в другие города, где, по слухам, можно было прожить и переждать лихолетье. Многие, обессилев, помирали на обочинах дорог и полустанках. Их свозили на погосты и прикапывали в неглубоких ямах. Случалось, привозили и ещё живых, но не зарывали, а клали поодаль, чтобы отошли своей смертушкой. Эх, жизнь! Как уж ты не кромсала и не уродовала деревню русскую. Где было взять терпезу и силушки? Ну — тогда... А сейчас! Голода нет — это правда. А всё одно по деревне будто мор идёт. Зайди в любую вечером — редко в какой избе огонёк увидишь. Грустно и тихо стоят дома с заколоченными окнами. Кто помер от водки, безденежья и тоски, кто, как в 33-м, уехал пытаться счастья на чужой стороншке. Господи! Да когда же просвететь-то будет для деревенского человека! А?! У него не только кричать, стонать уж мочи нет.

Гринька преж отца понял: не выдержит голода семья, померёт. Братики и сестрички уже пухнуть стали, да и мать с отцом больше лежали, обессиленные. В ночь ушёл он на железную дорогу, где в большой, слитой из паровозного шлака казарме жили путейцы — семей десять. Они тоже не досыта ели в ту пору, но хлебушек на столе появлялся и похлёбка была хотя и жиденькая, но с крупой. Даже маслица постного в чугуна деревянную ложку добавляли. Так что масляные блёстки в большом общем блюде всегда плавали. Вот сюда-то и пришёл ночью Гринька в надежде заработать чего-нибудь из еды. Просидел на крыльце до самого утра, пока рабочие не позавтракали и не вышли на наряд. Бригадир, большущий чернобородый мужик, увидев Гриньку, сердито спросил:

— А этот ещё откуда?

Некоторые рабочие знали Гриньку, пояснили:

— Плечёвский он. Семья десяти человек. Того и гляди, сгинет. Гринька-то — старший сын. Работник он золотой, Макар Николаич. Может, возмёшь?

— Куды я его? Он ноги еле носит...

Бригадир почесал затылок, ещё раз посмотрел на парня, который, опустив голову, ждал приговора, и сказал врасстяжку:

— Не могу на путь взять — слаб больно. Вот если пока бабам в помощники: дрова рубить, воду носить. А там видно будет...

Гринька от радости аж подскочил и спросил, где топор и дрова. Рабочие, довольные исходом разговора, рассмеялись. И бригадир тоже улыбнулся:

— Ишь, шустрый какой... Иди в казарму, скажи тётке Фросе, чтоб покормила тебя. А потом уж за топор.

Разомлевший от горячей похлёбки и кусочка чёрного хлеба, Гринька метался по двору казармы, как оголтелый. Из глубоченного колодца накачал бочку ледяной воды, расколол штук десять старых шпал. Часть отнёс к печке, где тётка Фрося — жена бригадира — готовилась варить обед для бригады, а остальные аккуратно сложил в штабель. Нашёл под крыльцом старые грабли и метлу, очистил от мусора и подмёл двор. Заглянул в конюшню — и здесь навёл порядок. Потом соскоблил лопатой грязь на полу в сенях казармы и на широком крыльце, вымыстал их ледяной водой, отдраил метлой и вытер старыми лохмотьями. Жена бригадира не нарадовалась на помощника. А рабочие, придя на обед, подивились порядку на дворе.

— Я же говорил, этот даром кусок есть не станет, — довольно сказал рабочий, хлопотававший с утра за Гриньку.

Умывшись, рабочие уселись за широкий и длинный обеденный стол. Гринька в это время сидел на крыльце.

— А ты чего сидишь? — прогудел бригадир. — Марш за стол.

Тётка Фрося дала ему старую деревянную ложку, хороший ломоть хлеба, подвинула поближе миску с похлёбкой и, взглянув на мужа, сказала:

— Здесь будешь сидеть, сынок. Посмелее ложкой-то... Чай вон как набегался.

У Гриньки в груди захолонуло. Приняли! За столом место дали. Да я... я... Вот увидят ещё, как я работать буду. С такой еды я быстро за силу возьмусь, думал он, глотая горячую похлёбку. А хлеб не тронул, незаметно сунул его в карман. Но тётка Фрося, стоя у печи и наблюдая за столом, увидела, подложила ему ещё маленький кусочек. Но и его Гриня не взял в рот, а спрятал. В ночь решил сходить домой и отнести хлеб семье. Тётка Фрося поняла это и вечером, переговорив тихонько с мужем, насыпала в тёмный платок пригоршни четыре крупы, сверху положила большую горбушку хлеба, завязала в узелок и дала Гриньке: «Неси. Да полем лучше иди. По дороге-то разные люди ходят... Сохрани тебя Бог», — и погладила Гриньку по взъерошенным волосам. Вишь, своих детей-то тетке Фросе Бог не дал, а так уж хотелось приласкать-приголубить дочку или сыночка. Вот, глядя на Гриньку, и заговорило в ней материнское. Ему на счастье, а семье во спасение.

Через день по ночам ходил домой Гринька. Приносил то крупички немного, то сухариков, то свёклы пареной, то с десятком картофелин. Поднял-таки семью на ноги. А когда отец отошёл немного и потянулся к делам, привёл его на железную дорогу к бригадир. Тот посмотрел на отца и сказал:

— Помню тебя по мельнице. Ох, и здоров же ты был.

Отец грустно улыбнулся.

— Но ничего, — продолжил бригадир, — пока в себя приходишь, подпарывать траву на полотне будешь. А подкормишься — нам твои плечи понадобятся. Скоро рельсы менять начнём. А парень твой хорош — за двоих тянет, да и всё хозяйство казарменное на нём. В ведомость его включил, скоро уплату получит. Быть вам железняками!

Так оно и произошло. И отец, и все четыре сына, и дочери стали железнодорожниками. А потом и их дети пошли по стопам родителей. Будто в благодарность за спасение рода от голода они любили железную дорогу и были незаменимыми работниками.

Разметала беда деревню. Выжала силы и соки, обезлюдела. Спас Григорий свою семью, а сохранить Пелагеюшку не успел. Прямо у него на руках, отщипнув чёрным сухим ртом крошку принесенного им хлеба, тяжело вздохнула и ушла навсегда. Один хоронил её Григорий. Некому больше, никого не осталось в ее семье. Выкопал могилу, где погуще кресты стояли: пусть не скучает Пелагеюшка. На руках принёс её на погост, завернул в старенькое лоскутковое одеяло и бережно опустил на вечное поселение. Ещё одна звонкая струнка оборвалась в сердце. Не нарожает ему Пелагеюшка, как обещала, кучу здоровеньких ребятишек...

Из Ямпольевки Григорий зашёл к себе в Плечёвку проведать Марусю. Свою семью он вот уже месяц как перевёз на железную дорогу, в казарму. Сподручнее так было. Отец с Григорием уже устроились на постоянную работу, но и подросткам дела находились, баклуши не били, а каждый старался хоть что-то да принести в семью. Дружно жили. Отца почитали, и упаси Бог его послушаться! Да и Григория слово было законом для младших. С ним даже отец говорил по-особому, вроде как с ровней. Младшие и за то любили Гриню, что играл с ними, дурачился и хохотал до упаду, заражая весёлостью даже хмурых да обиженных. Да вот времена настали горькие, и посуровел Григорий, помрачнел. Не до весёлости. Невесту свою схоронил. А пришёл навестить Марусю — нашёл лишь заколоченный дом.

Чудом продолжавший жизнь сосед дед Семён рассказал, что пришли какие-то люди и угнали со двора деда Фёдора лошадь, овец, да из сундука всё повытащили. Дед Фёдор слёг и через неделю помер. Вскоре за ним и бабка Матрёна представилась. Внучат разбросали кого куда. В основном по родственникам. А Марусю отдали в люди, в город. Живёт она там у мельника за кусок хлеба, работает с утра до ночи и терпит побои и издевательства от полоумной мельниковой дочери. В холодных сенях босиком полы моет...

Занозой засела в душу Григория эта весть. Задумал он навестить Марусю, а может, и помочь чем. Хотя сам не знал, чем мог облегчить её жизнь. Отпросился у бригадира. Тот к тому времени уже души в Григории не чаял. Мало того, что сильный и работающий — но и сообразительный парень на поверку оказался, во всё вникал, до всего доходил, ко всему свой подход имел. Совсем зауважал его бригадир, когда убедился, что силён Григорий в грамоте. Писал чисто и красиво — что твой дьяк. Умножал, делил быстро и безошибочно. А уж когда взял старенькие счёты с почерневшими костяшками и лихо защёлкал ими, ведя подсчёт, — бригадир рот раскрыл от восхищения.

— Где же ты этой премудрости выучился? — спросил он.

Григорий, не отводя взгляда от счёт, ответил:

— На мельнице. Сначала присматривался, а потом и сам пробовать стал. Да здесь просто всё...

Бригадир покачал головой. С той поры стал держать Григория поближе к себе и с удовольствием рассказывать про бригадирскую науку. Вскоре пришла бумага, что произведён Григорий в старшие рабочие с прибавкой к жалованию.

Вот тогда-то и поехал Григорий в город к Марусе. Двухэтажный дом стоял рядом с мельницей. Григория на порог не пустили: вертлявый мужичок долго выпрашивал, кто он и откуда, и зачем ему понадобилась прислуга Маруся. А потом закрыл дверь. Рассердившись, Гринька долбанул дверь ногой и нос к носу столкнулся с приземистым толстым мужиком. Это был сам мельник. Он осмотрел Григория внимательным взглядом холодных блёклых глаз и сказал:

— Проходи под лестницу. Но ненадолго. У Маруси работы много.

Григорий еле узнал красавицу. Почерневшая, с потухшими ввалившимися глазами, в стареньком платышке, исхудавшая и не улыбкающая, она и близко не напоминала ту Марусю, от которой у парней дух перехватывало. А ещё руки... Они от кистей до плеч были покрыты кровоподтёками. Ма-

русая заметила недоумённый взгляд Григория, слабо улыbnулась и, накинув на плечи нечто подобное пальто, сказала:

— Дочь хозяина щиплет и бьёт. Она умом тронутая. Щиплет и смеётся. А то заплачет и кланяется мне в ноги...

Григорий развязал мешок, в котором привёз Марусе немудрёные гостинцы, но выкладывать не стал. Осмотрел тяжёлым взглядом жалкую каморку, согнувшуюся фигурку Маруси на низенькой кровати из полосового железа и, тряхнув головой, решительно сказал:

— Собирайся!

— Куда? — испугалась Маруся. — Хозяин меня из дома не выпускает.

— Не хозяин он тебе больше. Со мной поедешь. Домой. У меня четыре сестры — будешь пятой.

— Ой, Гриня, не надо! Вас самих десять человек — да ещё лишний рот. Мама с тятней осерчают на тебя. Я уж как-нибудь здесь... Кормят ведь... А что приехал — спасибо тебе, Гриня. Светлее у меня стало на груди. Потерплю ещё.

Но Григорий, милые мои, если уж чего решил, то решил. Вилять не любил.

— Собирайся, говорю! Где твои монатки? Я же работаю сейчас на железной дороге. Деньги получаю. И тятя там же. Спаслись мы, Маруся, от голода. И тебе сгнбнуть не дам. Что мы, чужие?

Ещё сомневаясь, не веря своей радости, Маруся стала складывать и завязывать в узелок свои немногочисленные вещи. Григорий засунул их в мешок, завязал его верёвкой и, взяв Марусю за руку, вышел из каморки. На лестнице стоял мельник.

Покрутив серебряной цепочкой карманных часов, он назидательно сказал:

— Смотри, Маруся, назад придёшь — не возьму.

Маруся поклонилась ему и вышла на улицу, крепко держась за руку Григория. Солнце светило им в глаза, на тёплых крышах ворковали голуби, из садов доносился аромат зреющих яблок.

6

До казармы на 42-м километре дошли только вечером. Григорий подвёл Марусю к отцу с матерью и твёрдо сказал:

— Тятня, мама! Пусть она поживёт у нас. Я Миньке обещал защищать её, когда его нет. Теперь его совсем нет. А она сгибает в чужих людях. Пусть поживёт у нас.

Маруся не выдержала, разрыдалась и упала на колени перед отцом и матерью. Мать тоже опустила перед ней на

колени, крепко обняла её голову и тоже зарыдала. Захлюпали носиками и младшие сестрёнки.

Отец быстро прекратил эту слезомойку:

— Ну, хватит. Хватит, говорю! Подавай, мать, на стол. Проголодались с дороги.

Вечно побаиваясь сурового мужа, мать была довольна таким исходом и с удовольствием занялась ужином. Постояв в нерешительности, Маруся подошла к матери и спросила:

— Я могу помочь тебе, маманя. Я всё умею...

Так с первого дня и стала она главной помощницей матери. Не ждала, пока укажут. Сама всё вызывалась делать. И у печки стояла, и обстирывала семью, и за сестричками-подростками приглядывала, следила, чтобы опрятненькими ходили. И когда скотинёшка завелась, уход за ней тоже на себя взяла: и почистит, и напоит, и накормит вовремя. А уж когда нетель первенького принесла — тёлочку — так от них не отходила. Появилось молочко в семье. Мало, конечно, на всех-то, а всё равно полезно для здоровья.

Миновало голодное время. Посмелее стали на жизнь смотреть, наперёд думать.

Младшие тела набрали, щёки румянцем покрылись. Откуда всё взялось! Сестрички перед стареньким зеркальцем крутиться стали, косы свои и так, и эдак заплетать да глазами играть. И младшие братья вдруг в рост пошли, как грибы после дождя.

Вымахали на голову выше Григория, забасили и втихаря скоблили старенькой отцовской бритвой нежный пушок на розовых подбородках. В мужики хотелось быстрее. Э-хе-хе...

Про Марусеньку сказ особый. Прижилась она в семье. Успокоилась. Отпустило её душеньку лихушко. Никто её ничем не укорил — не попрекнул. За старшую дочь стала. Да и любимицей общей. Отец, бывало, за столом никому есть не даёт, пока Марусенька не займёт свое место. А она, в свою очередь, поперёд Григория за ложку не возьмётся. В уважении жили. А самое главное, снова похорошела Марусенька, налилась молодостью, в зрелую пору вошла. Бывало, редкий парень не вызовется подсобить, когда, склонив гладко зачёсанную чёрную головку, она несла от колодца ведро с водой на коромысле. Улыбалась она в ответ своей кроткой улыбкой — и всё вокруг будто светлее и чище становилось. Не скрыть такую красоту, не спрятать.

Людская молва привела в дом сватов из Ямпольевки. Отец, Григорий Киреевич, выслушал всё молча, а потом сказал:

— За честь спасибо. Как дочь она мне, но слово своё сказать не могу. Не моя кровушка, не я пестовал да поднимал.

Саму спросите — она уже в поре, рассудливая. Захочет — неволить не стану. И на свадьбе посаженным отцом буду.

Ни с чем уехали сваты. Отказала Маруся. К ужину вышла из-за занавески бледная и заплаканная. Григорий тоже сел за стол мрачный и угрюмый. Он ещё только пришёл с работы, а сестрички уже нашептали на ухо, что сваты за Марусей приезжали. Понять, милые мои, парня можно: головой понимал, что Минькина это невеста, что не пара он ей. И ростом ниже, и лицом грубоват. Да ничего с сердцем не подделаешь. Тянулось оно к Марусе. Тихонько, опасаясь и тревожась, а потянулось.

Если уж по чести, то и Маруся потянулась к Григорию. Бывало, мужики возвращаются с работы, а она уже на стол всё поставит, поправит перед зеркалом свои гладкие и чёрные, как смоль, волосы, одёрнет чистенькую кофточку и с ласковой улыбкой встречает их на крыльце. И обязательно украдкой взглянет на Григория, который всегда ждал этого взгляда. Переглянувшись, обоим становилось так хорошо, что со временем это стали замечать не только мать с отцом, но и сестрички-хохотушки.

Вечерами, когда по обыкновению семья выходила на крыльцо и рассаживалась на широких ступенях отдохнуть после дневных трудов, подышать перед сном загустевшим прохладным воздухом, место рядом с Марусей никто не занимал. Здесь всегда садился Григорий. Обычно весёлый и шутейный, он вдруг умолкал рядом с девушкой. Но порой уступал уговорам младших и рассказывал про жизнь-бытьё сельчан. Да так похоже, с добрым юмором изображал их в лицах и подражал голосу, что все покатывались со смеху. Звонче всех смеялась Мария. В эти минуты она как бы ненароком слегка прижималась к плечу Григория и смеялась ещё громче. Озорные искры метались в её карих глазах, жарко пылали смуглые щёки, радостно и гулко стучало девичье сердце.

А раз, было дело, свозили сено с покоса. Навьючили на фуру добрый воз, прижали гнётом, стянули верёвкой. Григорий стал уже отвязывать вожжи от дерева, когда матушка сказала:

— Маруся, ты тоже поезжай, поможешь Грине сено в омёт уложить. А мы к вашему приезду валки скатаем.

Григорий молча воткнул вилы в сено — как бы ступеньку на возу сделал, помог Марусе взобраться наверх, забросил ей вожжи, а сам взял лошадь под уздцы и скомандовал властно и в то же время дружелюбно: «Но, милая-а!» Изогнув шею, коняга напряглась, стронула воз с места и бодро пошла по дороге.

Было жарко. В траве, прыгая и резвясь, трещали кузнечики, гудели большие слепни, донимая лошадь, остро пахло сухим разнотравьем. Воз, мягко покачиваясь, легко шелестел железными шинами колёс по дорожному песку.

«Как же здорово, — подумала Маруся, — что маманя догадалась отпустить меня с Гриней. Хорошо-то как! Ехать бы так долго-долго, далеко-далёко. А дух-то, дух-то какой от сена! Аж голову дурманит...»

— Держись за гнёт крепче, — раздалось снизу, — под гору съезжаем!

Она крепко схватилась за гнёт, уткнулась лицом в мягкое луговое сено и тихонько радостно засмеялась. Много горюшка хлебнула девица, но сейчас не было жизни краше, чем у неё. А всё оттого, что рядом был её верный друг, с которым она чувствовала себя свободно и уверенно. Вон он какой: идёт шустро, будто не работал с раннего утра, хотя серая рубашка потемнела от пота, облегла покатые широкие плечи, а загорелая мускулистая рука властно и твёрдо держит конягу под уздцы, не давая ей пуститься под гору вскачь. О ней заботится...

Мария давно почувствовала, что Григорий с каждым днём становился ей больше, чем друг, что её постоянно тянет к нему, к его неунывающему и весёлому характеру. Чего там говорить, она уже не представляла свою жизнь без него. Предаваясь мечтам, не заметила, как подъехали к казарме и остановились у незавершённого омета.

— Не уснула там? — весело спросил Григорий.

— Ой! А как же я теперь слезу? — спросила в ответ Мария.

Григорий привязал лошадь к забору, подошёл вплотную к возу и, вытянув над головой руки, скомандовал:

— Смелее скатывайся. Я поймаю.

Мария закрыла глаза, протянула руки, ойкнула и сразу почувствовала, как крепкие руки легко подхватили её и бережно отпустили на землю. Григорий ощутил раскалённое солнцем тело девушки, упругую грудь, прерывистое дыхание, близко-близко увидел влажные тёмные глаза, полуоткрытый рот... И впервые поцеловал её. Да таким жарким и долгим поцелуем, что, обессиленные от волнения, они сели на землю и смущенно-радостно смотрели друг на друга, понимая, что произошло великое и неповторимое в их судьбе.

Вот так, милые мои, жизнь брала своё. А как иначе? Неужто кручине волю давать и себя губить? Коль кровушка молодая заиграет да так друг к другу потянет, что светом Божиим весь мир озарится — засияет, грешно душе от такой благодати отказываться. Счастья-то на земле не так уж и много отмерено людям. Далеко не каждому оно на судьбу выпадает...

А тут сваты...

Загорелось всё в душе Григория, закрутилось, защемило, вынырнула тоска и связала по рукам и ногам. А вскоре, как на грех, подхватил малярию и свалился в жаркой лихорадке. Позеленел весь, бредить стал. Бригадир остановил товарный поезд. Открыли пустой вагон, постелили соломы и положили на неё бесчувственного Григория.

Кто поедет сопровождать? И разговора не было. Марусенька уже три дня не отходила от мечущегося в жару парня. Она быстро собрала в узелок необходимое, мужики подсобили ей залезть в вагон, закрыли дверь. И поезд тронулся. В Аткарск, в железнодорожную больницу.

В Аткарске Григория сняли с поезда и положили на деревянном перроне. Осталась Маруся одна в чужом городе рядом с бредившим Григорием. Понимала, что надо скорее в больницу. А как, куда, на чём? Обращалась к первым встречным. И нашла отзывчивую душу. Пожилой железнодорожник, узнав, что больной парень — рабочий с путейного перегона, нашёл подводу и довёз до больницы. Григория положили на зелёные носилки и по широкой каменной лестнице понесли на второй этаж.

— А вам сюда нельзя, — строго сказала женщина в белом халате.

Ну откуда у Маруси такая смелость взялась и настойчивость — диву даешься. Только сказала она так твёрдо, что женщина в белом халате удивлённо подняла брови:

— Никуда я от него не уйду. Он же слабенький, ему помочь надо. Можно я на полу рядом с ним буду? А? Не помешаю я. Полы мыть буду, стирать. Я всё умею. Оставьте меня с ним.

Женщина помолчала, разглядывая девушку, а потом спросила:

— Вы кто же ему будете?

Ни секунду не помешкала Маруся с ответом:

— Невеста я его. А Гриня жених мой.

Врачиха ласково улыбнулась и сказала:

— Ладно, оставайся. Сейчас халат и тапочки тебе принесут. Но спать придётся где угодно — койки все заняты. На стульях можно — одеяло найдём. А помогать придётся. И по кухне, и в палатах.

— Да я всё сделаю, только вылечите его! — горячо ответила Маруся.

Через две недели их провожали домой всей больницей. Докторша не хотела выписывать, слаб ещё. Но Григорий прошёлся по палате на руках, кувыркнулся через голову и, вы-

соко подпрыгнув, дотянулся до висящей лампочки. И счастливо засмеялся. Докторша развела руками и сказала:

— Так и быть. Выпишу. Но тяжёлую работу пока не делай. Надорваться можно после болезни. А ты, Марусенька, поспеши за ним. Вам ещё жить да жить...

7

На подъеме товарняк сильно сбавил скорость, и Григорий с Марусей без труда спрыгнули с подножки вагона на железнодорожную насыпь. В небе занималась алая заря. Густая роса высеребрила разноцветье трав. Отяжелели гибкие ветви берёз, свисая почти до земли.

Перед казармой они умылись, смачивая ладони холодной росой, порозовели, посмотрели друг на друга долгим взглядом и, взявшись за руки, ступили на крыльцо.

Отец с матерью уже не спали. Он скоблил жёсткую щетину на подбородке, очищая лезвие бритвы о кусочек газеты. А она готовилась топить печь. На столе, накрытые чистой тряпкой, подходили хлебы. Увидев сына с Марусей, отец отложил бритву, протёр подбородок полотенцем и весело сказал:

— А ты, мать, все глаза проплакала. Слава Богу, вернулись.

— Тять, маманя, — начал Григорий, не выпуская руки Маруси, но она шепнула ему: «На колени надо...»

Держась за руки, они встали на колени, и Григорий закончил:

— Благословите нас, пожениться мы решили.

Отец снял старенькую иконку из угла и, как умел, благословил молодых на совместную жизнь. Мать, более сведущая в этих делах, заставила молодых целовать икону, а потом друг друга. Словом, когда заря занялась в полнеба, Григорий и Маруся были мужем и женой. И перед Богом, и перед людьми. А свадьба... Эх, не до свадеб в то время было.

К вечеру отец поставил в угол кровать, отгородил её синей ситцевой занавеской — и это было для молодых пределом счастья. Можно было и поворковать вволю, а как заснут все — и честным делом заняться. Слаще мёда жизнь у них пошла. Плохое-то не забылось, но отступило подальше в памяти, и они старались не вспоминать его, не тревожить. Правда, оно само давало о себе знать помимо воли.

Когда стали люди возвращаться в родные края из дальних стран, прошёл слух, что кто-то видел во Владивостоке Митьку-злодея живым и здоровым. Сказывали, будто со шпаной связался и ведёт нехорошую жизнь, распутничает. Так это

или не так — неведомо. Может, обознались. Столько лет прошло, а весточки на родную сторонку Митька так и не дал.

Начала выправляться деревня от мора. Землицу стали пахать да засевать, замычали коровы по утрам, заблеяли овцы. Земля, знамо, крепко держит людей при себе — не оторвёшься.

Не мог свыкнуться с работой по часам на железной дороге и отец Григория. Вернулись в родной дом всей семьей. Но работать Григорий с братьями остался на железной дороге. Понравилось ему это дело, многому научился, стал помощником бригадира. Это ничего, что за два километра ходить приходилось. Успевал Григорий и отцу по хозяйству помогать.

А Маруся — дай Бог каждому такую супруженьку! Если Григорий за один конец бревна взялся, она тут же норовит за другой ухватиться и пособить. Любо было на них смотреть в работе. Но хмурость в жизни всё же имелась — детишек Бог не посылал. Но надежды не теряли. Должно сотвориться. Верили.

Однако не успела деревня насытиться да приодеться, как громыхнула война. Где солдатушек брать? Знамо, в деревне. Толпами уводили новобранцев. Сначала молодых, а потом и тех, кто в возрасте. Возвращались редкие да покалеченные. И четыре страшных года сердце у Маруси обрывалось при каждом стуке в дверь. Одного за другим увела война и младших братьев. Две сестры ушли на фронт сами. А потом призвали и Григория Киреевича. Опустел дом. Но на чудо человек надеется всегда. Однако оно на то и чудо, чтобы редко-редко показываться людям. Не обошла беда стороной. Сначала оплакали отца, потом среднего брата, затем сестру, потом матушку — не выдержала она, задавило её громадное горе. Но война, будь проклята на все века, кончилась. Вернулся Григорий домой в золотых погонах, вся грудь в орденах и медалях. Когда зашёл в комнату, Маруся упала в обморок. Обомлело сердечко от счастья.

Что же теперь поделаешь, милые мои! Тяжело, знамо, а жизнь вести дальше надобно. Живой человек не должен одной печалью и тоской жить. Круче за дела браться надо. А за делом и временем и печаль растворится, и тоска отстанет. Поверьте, милые мои, правду говорю. И сам пожил — помытарил, и людей бывалых встречал — выслушивал.

Через неделю принесли в Плечёвку телеграмму. Григория срочно вызвали к начальнику дистанции пути, в Аткарск. Тоже бывший фронтовик, только постарше, он обнял Григо-

рия, потом открыл тяжёлый сейф, достал два гранёных стакана и бутыль со спиртом. Налил по полстакана, положил перед Григорием кусочек чёрного хлеба с ломтиком пожелтевшего сала и, подняв стакан, сказал:

— С бригадирством тебя, Григорь Григорич. И за то, что с ногами-руками вернулись оттуда.

Чокнулись и дружно выпили. Начальник расспросил о семье, покачал сочувственно головой и налил ещё по полстакана:

— Давай помянем их: твоих и моих.

Выпили. Помолчали. Потом начальник убрал стаканы и сказал в напутствие:

— Сейчас забирай приказ, все инструкции и завтра на работу. Ждут там тебя уже. Лучше, конечно, тебе снова на казарму переехать. Сподручнее. А работы, Гриша, невпроворот. За эти годы ни шпалы, ни рельсы толком не меняли, да и полотно расползлось — размылось, просело местами. Того и гляди, крушение случится. А за это, сам знаешь, нам с тобой головой отвечать придётся.

Переезжать в казарму Григорий не стал. Двое младших братьев и сестра ещё с войны не вернулись. Хотел их встретить в родительском доме, честь по чести, чтоб оттаяли душой. А там видно будет. Маруся тоже была за это. Да и хозяйством снова обзаводиться требовалось. Коровку — в первый черёд. Без жиров на тяжёлой работе долго не продержишься. Привычный Гриня к молоку-то. Бывало, возьмёт из рук жены горшок и выпьет до дна.

Закрутилась жизнь — передохнуть некогда. Вернулись два младших брата — Ефим и Виктор: высокие, плечистые, немногословные и суровые — в отца. Григорий тут же зачислил их в свою бригаду. А там и сестричка Натуля объявилась. Не сразу признали в рослой черноволосой девице в солдатской форме и с двумя медалями на высокой груди смешливую и егозливую Наталку. Да и пришла она не одна. Опирался на её крутое плечо высоченный костистый старшина. Видно было, что нелегко ему дался путь от железной дороги до деревни.

— Кажись, изранетый весь, — сокрушённо переговаривались бабы, глядя вслед солдатам.

Не ошиблись. Полгода валялся старшина по госпиталям, пока вынимали из него железо, сращивали перебитые кости, сшивали разодранные мышцы. Выжил солдат. Главное, разыскала его зенитчица Наташа, с которой крепко сдружилась на фронте, и вернула солдатскую душу к жизни, увезла к себе домой. Старшина Павел Штыров, как и многие в те времена, был один-одинёшенек на белом свете.

Григорий, ставший всем за отца, по-доброму принял Павла. Запретил строго-настрога заниматься делами, подливал ему в миску похлёбку погуше, со дня чугуна, а мясо случалось — лучший кусок оказывался у Павла. Утром Маруся, тоже ставшая всем за мать, приносила Павлу кружку парного молока и заставляла выпить. Прошли месяцы, и повеселел солдат, пробился на сухих щеках румянец, окреп голосом, уверенней стала походка. Радовались за него всей семьёй. А вскоре нашлось и ему дело в деревне, как раз по его состоянию — учётчиком в поле. Мужики шутили:

— Ему и аршин не нужен. Как ходульнёт своими ножищами — так тебе и аршин.

8

Жизнь новая потеснила старую, заметала её следы. Да разве всё заметишь? Каждая живая душа, хочет она этого или нет, выпитывает память о прошлом и выносит её на белый свет снова и снова. И не властен никто над этим. Глубоко вросли корни жизни. Думаешь, пропало всё, исчезло, ан нет. Вынесут корни на поверхность былое, и обернётся оно жизнью уже сегодняшней. Как обернётся — Бог рассудит. Но без следов ничего не остаётся, от каждого деяния нынешнего уходит тропинка в прошлое и обязательно протянется в будущее. Погодите, милые мои, поясню, о чём говорю.

...Появился он в деревне уже после войны. В блестящих хромовых сапогах, в чёрных шерстяных брюках навывпуск, в голубой плисовой рубашке-косоворотке, в чёрном пиджаке внакидку и с жёлтым чемоданчиком в руке. Не сразу признали в щёголе с завитками чуть седеющих волос Митьку Косарева. А он шёл по деревенской дороге и свысока- снисходительно посматривал по сторонам. Отец его с матерью и две сестры сгибли в голодовку, брат с фронта не вернулся. Осталась только дальняя родственница. К ней и направился Митька гостевать. На другой день собрал оставшихся в живых сверстников и загулял с ними — дым коромыслом. Сколько самогонки попили — страх один. Но песен слышно не было. Сорил Митька деньгами и бахвалился своей роскошной жизнью в далёком Владивостоке. Однако деревенской жизнью интересовался, расспрашивал, что да как. Дико удивился и грязно выругался, когда узнал, что в голодовку Григорий фактически спас Марусю, а потом женился на ней.

И живут они сейчас душа в душу. Одна беда у них — ребятишек Бог не даёт. А Григорий-то с войны офицером приехал — вся грудь в орденах. Сейчас большой человек — бригадир в

пути. Уважают люди его. На это Митька опять грязно выругался. Не по нутру пришлось вести.

Через неделю засобирался домой. Дела, говорит, ждут, работать надо. А что за работа такая — не сказывал. Послал родственницу в дом к Григорию предупредить, что зайдёт вечером повидаться — попрощаться. Родственница хотела отговорить Митьку. Но тот жёстко сказал: «Иди! Не затем ехал. Хотел посмотреть на свою зазнобу».

Вечерело. Григорий пришёл с путей, сбросил с плеча тяжёлую кувалду, умылся, надел чистую серую рубаху и сел за стол. Жена выставила на стол дымящийся чугунок с картошкой, крупные зелёные огурцы, не размешивая, слила из горшка в жестяную кружку холодное молоко.

Прижав к груди непочатый ситный каравай, Григорий бережно отрезал три куса хлеба и спросил:

— А сама чего не садишься?

— Я, Гринь, уже повечеряла...

— С чего это? Знаешь, не люблю я один есть, — и вопросительно-сердито посмотрел на Марусю. Она смутилась и выпалила:

— Митька Настёнку присылал. Передал, что зайдёт повидаться. Нехорошо мне стало, Гриня, боязно. Я с ним за стол не сяду...

Григорий нахмурился, потёр короткую мощную шею, тяжело вздохнул и сказал неторопливо, с расстановкой:

— Незванный гость, а куды денешься? Не думал, что осмелится... Да, видно, сам Бог ведёт его ко мне... Жарь яичницу, Маруся. И бутыль самогона из подпола вытащи. На сухую-то, чаю, разговора не будет. А потолковать есть о чём...

Он залпом выпил кружку молока, встал, заложил руки за спину и, пока Маруся, испуганно поглядывая на мужа, разжигала огонь на шестке, медленно и угрюмо шагал по просторной избе. Половицы настороженно поскрипывали под его тяжёлыми шагами.

За четыре года после войны Григорий налился зрелой мужской силой. Маруся, бывало, сама кусок не съест, а мужу в сумку на обед сунет. Ругал он её за это. Она покорно винулась, но своё так и гнула. Жили дружно, в уважении друг к другу, в заботе. Только один червь постоянно точил сердца — обоим за тридцать, а ребятишек нет. Бабы втихомолку поговаривали, что испортила себя Маруся, когда руки на себя наложила.

9

Митька постучал в дверь неожиданно и резко. Встал у порога, опустил на пол чемоданчик, быстро окинул цепким

взглядом скромное убранство комнаты, чуть задержался на висевшей офицерской гимнастёрке с золотыми погонами, орденами и медалями, шагнул вперёд и уверенно, как бы свысока, сказал:

— Вечер добрый, земляки. Уезжаю сегодня с пассажирским. Вот решил зайти. Как-никак, вместе ведь без штанов бегали. А вы, гляжу, ужинать собрались?

Григорий не сделал шага навстречу, но ответил:

— Здорово, Митяй. Угадал. Подходи к столу. Упредили меня. Тебя жду...

Григорий налил по гранёному, вскользь чокнулся о Митькин стакан и молча выпил до дна. Митька посмотрел на широкие массивные плечи Григория, загоревшую бычью шею, заметил:

— Эх, какой ты здоровенный стал.

— Пей! — мотнул головой Григорий.

Митька вытянул стакан до дна, хрустнул огурцом и крикнул:

— Как шпирт! Аж дух захватило.

Григорий коротко ответил:

— Первач. Ешь, а то развезёт.

— Да я привычный по этому делу, — ухмыльнулся Митька и, щёлкнув себя по выступающему кадыку, спросил, с интересом разглядывая Марусю:

— А хозяйка-то что не присядет? Марусь, иди садись рядом с нами. Всё-таки в соседях жили...

Маруся в нерешительности замешкалась, не зная, как ей поступить, и взглянула на мужа. Григорий суровым взглядом остановил её и сказал:

— Она повечеряла. Да и скотину пора встречать, — и взглядом указав жене на дверь, добавил, — воды в колоду не забудь налить.

Поставив на стол пышущую жаром чугунную сковородку с яичницей, Маруся с тревогой посмотрела на мрачного мужа и вышла во двор.

Налили по второму. И тоже до дна. Без слов. И яичницу ели молча. Хмель ударил в голову, растёкся по телу. Григорий побагровел, но вёл себя сдержанно. А Митьку повело, язык развязался. Свысока поглядывая на Григория, он расплылся в надменной улыбке и сказал:

— Не думал и не гадал я, что Марусенька тебе достанется. Сколько парней-то околя её вертелось! Она и сейчас как королева. По ней бы не такую одежонку носить...

— И я не думал. Да вот Бог свёл. Не жалею. А одежонку — не беда, наживём, — ответил Григорий и, давая понять, что незваному гостю пора уходить, спросил:

— Ты на поезд не опоздаешь?

Но захмелев, Митька не понял намёка. До прихода поезда оставалось ещё часа два с половиной, а ему до смерти хотелось поговорить. Кто знает, придётся ли снова вернуться на родную сторонушку. Вор он был. Дерзкий и удачливый вор. Тянулась за ним и ещё одна дурная слава, про которую даже прожженная портовая шпана помалкивала и держала язык за зубами.

Дожив почти до сорока лет, Митька по-крупному не попался. Только раз ему приварили два года. За драку. Топтал он зону от звонка до звонка.

Хотя жизнь Митьки, не в пример деревенской, была роскошной, а при удаче — и шикарной, сейчас он втайне и злобно завидовал Григорию. За то, что красавица Маруся стала его женой, за то, что уважительно отзывались о нём деревенские, за то, что сидел перед ним глыбой и веяла от него на Митьку какая-то непонятная власть. За то, что не он, а Гринька пришёл в деревню с войны в золотых офицерских погонах и с орденами во всю грудь. За то, что даже старики величают его в деревне по имени-отчеству.

— Ты, похоже, хорошим воякой был. Вона вся гимнастёрка в орденах. И погоны офицерские, — выплеснулось у Митьки.

— Воевал — не прятался. В разведке. А там, коли жив остался, каждый в орденах. Младшего мне уже после войны дали. А так я старшиной воевал, — спокойно и с достоинством ответил Григорий.

Митька почувствовал, что проседает его разгульная жизнь куда-то в пустоту от скромного достоинства и уверенности в себе этого человека. И будто чёрт тянул его за язык. А может, хотел показать, что и он не лыком шитый. Словом, опять полез с хмельным языком к Григорию.

— Слушай, а приходилось немца убивать не издаля, а так, чтобы друг против друга. Ножом, скажем...

Григорий нервно поморщился, снова налил, залпом осушил стакан, зажевал хлебом с яичницей. Потом уставился на Митьку серым немигающим взглядом и скомандовал:

— А ну, пей!

Митька понимал, что ему уже хватит перед дорогой, но отказать под жёстким взглядом Григория не смог. Осушил.

Григорий, подперев голову чёрным мозолистым кулаком, наконец ответил на вопрос Митьки.

— Приходилось и ножом. Говорю же, в разведке воевал... Но вспоминать про это тошно...

— Ха-ха! — хохотнул Митька. — А мне человека зарезать — нет ничего.

Митька снова хохотнул и, гордо задрав голову, свысока и дерзко посмотрел на Григория.

— А ты сам-то воевал? — угрожно спросил Григорий, самопроизвольно скручивая в спираль железную ложку.

— С девками я воевал. Эх, и жизнь была, Гринька! Не жизнь, а малина, — и он самодовольно и нагло захохотал.

Набычился Григорий. А потом, упёршись в Митьку потемневшим недобрый взглядом, тихо выдавил:

— Митяй, а ведь друга моего закадычного Миньку... ты тогда...

Митька не смутился, дёрнул головой и, недобро сверкнув глазами, ответил:

— Нашёл что вспоминать. Двадцать лет прошло. Ну я. Всё давно былём поросло. Вон сколько люда сгнуло в голодовку да на войне...

— Не поросло, Митька, не поросло... Как же у тебя рука поднялась на такую душеньку? Скольких людей радовал на своей двухрядке! Божий он человек был. Светло от него шло. А ты ножом по горлу... из-за денег...

— Да он всё «мама» кричал. Вот я ему горло и перехватил, чтобы не мучился.

Григорий всхрапнул так, что Митька отшатнулся и стал трезветь. Чувствуя ненавидящий взгляд, он понял, что сболтнул лишнего. Поднялся, щёлкнул серебряной крышкой карманных часов, сказал:

— Пойду я. А то совсем стемнело. В пору до поезда дойти. За угощение — спасибо. Крепок ты пить.

Григорий поднялся следом за ним. И мирно сказал:

— Успеешь. Провожу я тебя. Вдоль речки пройдем. Так короче. Чай, помнишь эту тропинку?

Уходя из дома, он остановился у порога, обернулся и перекрестился на образ. Митька заметил это и насмешливо сказал:

— Штой-то ты больно божливый стал.

Григорий не ответил. Пройдя огородами, они спустились к речке и пошли берегом. Потянуло холодом. Взошла луна и проложила наискось через неширокую водную гладь серебряную дорожку. На берегу омута Григорий тронул Митьку за плечо и остановился.

— Ты чего? — спросил тот.

— Ставь чемоданишко. Я с тобой за Миньку квитаться буду. Хотел ещё тогда, после похорон. Не успел — скрылся ты... А я сразу понял, кто его сгубил. Ты и к гробу не подходил, и глаза не поднимал. Держись, Митяй!

Митька отбросил чемодан, отступил на шаг и зловеще сказал:

— Гринька! Я предупреждал... Со мной шутки плохи!

Но Григорий и не думал шутить. Размахнувшись, он ударил Митьке в левый висок. Тот успел закрыться рукой. Но удар был настолько мощный, что оглушённый Митька, крунувшись, упал на землю. Однако быстро вскочил и в ярости бросился на Григория. Тот отступил назад и снова ухнул Митьке в висок. Тот не успел закрыться, шмякнулся на землю и затих. Из уха потекла кровь.

Григорий подождал немного, потом пнул Митьку ногой и властно сказал:

— Вставай! Ты знаешь, лежачих не бью. Вставай!

Митька постепенно приходил в себя. Сел, ощупал голову. А потом стал медленно подниматься с земли и незаметно сунул руку за голенище сапога.

Э-гей, Митька! Не в добрый час ты схватился за нож. Это тебе не тёмной ночью в подворотне грабить насмерть перепуганных прохожих. Ты ещё только переступил порог дома, а фронтовой разведчик сразу приметил характерный бугорок на правом голенище и подумал: с ножом пришёл в гости землячок. И сторожко следил за каждым твоим движением.

Когда в лунном свете блеснуло лезвие финского ножа, Григорий стремительно бросился вперёд и со всей силы хряснул Митьке снизу в лицо. Митька коротко «акнул», запрокинулся и плетью рухнул на спину.

Нож отлетел в сторону. Григорий поднял его, попробовал пальцем остро отточенное лезвие. Долго смотрел на неподвижно лежащего и булькающего кровью Митьку, стиснул наборную рукоятку финки, размахнулся и... швырнул нож в тёмную воду реки. Коротко всплеснув, он исчез в глубине омета.

Григорий ещё раз посмотрел на обливающегося кровью Митьку:

— За Миньку я поквитался. Теперь Бог тебе судья, — сказал он и, круто повернувшись, размашисто пошёл домой.

За околицей заиграла гармошка и сильный девичий голос запел «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...» Минькина песня, подумал Григорий и глубоко вздохнул.

10

Когда фигура Григория растворилась в дымке вечера, из тени старой ветлы, росшей на берегу реки, на лунный свет вышли двое и, оглядываясь по сторонам, подошли к неподвижно лежащему Митьке.

— Живой? — спросил один у наклонившегося над Митькой.

— Вроде дышит. Берём его под руки. Надо успеть к поезду. Иначе беды не оберёшься. Ухандакал его брательник. Смотри, морды-то нет, одно месиво. Обмыть надо, может, очухается.

— Речку будем переходить — окупём. А пойдём полем, напрямик. Чтоб не повстречать кого...

Залязгав буферами, пассажирский поезд остановился. К последнему вагону из придорожной лесополосы двое высоких плечистых мужиков почти волоком подтащили третьего. Он еле передвигал ногами, голова болталась из стороны в сторону. От него густо разило самогонкой. Проводник, пожилой железнодорожник, запротестовал:

— Куда мне такого пьянющего. А морда-то, морда! Страх один! Нет, я его не возьму. А ну оклемается да буянить начнёт.

— До утра точно не оклемается, отец, — сказал тот, что постарше, — доведи его до Саратова, а там — как сам знает. Вот его кошелёк. На билет возмёшь, а остальные вернёшь. Ему далеко ехать — до Владивостока. Давай-ка мы его на полку положим.

Митька силился открыть затёкшие глаза, мычал, с трудом шевелил разбитыми губами, но вскоре впал в забытьё.

Лязгнули буфера, вагон дёрнулся с места и, постукивая колёсами на стыках рельсов, стал тихонько набирать скорость. Двое выпрыгнули из тамбура на мягкую гальку железнодорожного полотна и быстро скрылись в лесополосе. Сначала стих шум уходящего поезда, а потом исчез в темноте и красный хвостовой фонарь.

Добрался всё-таки Митька до своего Владивостока. Но с поезда сойти не смог. Ноги подкашивались, мотало из стороны в сторону. Отвезли его в больницу. Пролежал там с месяца, оклемался немного и ушёл домой. Недели полторы не выходил на улицу. Уж не Богу ли душу отдал, — подумывали соседи, испуганно поглядывая на занавешенные окна. Но стучать не решались. Боялись они его. Скрывай не скрывай, а всё уже знали, что тёмную воровскую жизнь ведёт этот одинокий человек.

Когда он наконец вышел, трудно было узнать в нем прежнего щёголя, надменного и дерзкого Митьку. Исхудал, виски стали белыми, голова с перебитым носом опустилась на грудь, чёрные глаза потеряли дерзкий блеск и равнодушно смотрели на белый свет. Хотя к нему продолжали наведываться по ночам тёмные люди, сам Митька перестал исче-

зять по ночам из дома. А вот днём брал палку и, опираясь на неё, уходил в город. Возвращался лишь к вечеру. Только потом до соседей дошло, что тёмный человек Митька как на службу ходит к церкви, раздаёт милостыню нищим и убогим, кои обосновались за церковной оградой. А потом часами сидит на лавочке, отрешённо смотрит в землю и изредка шевелит губами. Но в церковь не заходил ни разу.

Примелькался Митька за церковной оградой. Однажды богомольная старушка под села к нему и сочувственно сказала:

— Вижу, дитятко, чёрная мука ест тебя. Зайди, дитятко, в церковь, попроси прощения у Бога. Полегчает.

За долгие годы Митька впервые и остро почувствовал человеческое участие к своей судьбе и дрогнувшим голосом тихо ответил:

— Не могу в церковь, мамаша. Туда идут хоть и грешные, но всё — чистые. А я душегуб... убивец я...

Старушка испуганно перекрестилась, встала, собираясь уйти, но что-то удержало её. Подумав, она перекрестила опущенную Митькину голову и сказала:

— Бог милостлив. Замаливай грехи, проси прощения.

Но так и не смог зайти Митька в церковь. Раз, правда, пытался, но споткнулся на каменном крыльце, сел на ступени, и отчаянная мука отразилась на его лице. А месяца через три он освободил землю. Угорел до смерти в своём доме. Хоронили его дружки. Никто не плакал. Лежат теперь Митькины кости в далёкой стороне. Поросла бурьяном могила.

Видать, правду люди говорят, что зло обязательно вернётся к тому, кто его сделал. А не успеет, то к детям или внукам его, но вернётся обязательно. Так что, милые мои, берегите душеньку свою от зла и чёрной зависти, сохраните её такой, какой матушка с батюшкой дали. Тогда и получится жизнь праведная да чистая. И ребятишкам вашим, и внучатам такой достанется.

А в Плечёвке всё шло своим чередом. Не вдруг, знамо, но стал крепнуть местный колхоз. Земли вокруг — сплошной чернозём. Мало-помалу стали привыкать люди к новым порядкам. Даже вкус почувствовали к ним. Что ни говори, а важные колхозные дела решались сообща. Каждый свой голос имел. Хотя часто на поверку выходило: как scomандуют из района, так и делали. Но мужики не были бы мужиками, если бы над землёй зачали дуроломничать. С опаской да оглядкой, но делали так, как считали нужным. И в убытке не оказывались.

Сватали в колхоз и братьев Григорьевых. От добра добра не ищут, рассудили они, и решили не пытаться судьбу в колхозе. Тяжёлая и ответственная была работа на железной дороге, но за неё платили деньги, а не палочки-трудодни ставили. К тому же путейцев одевать и обувать стали за счёт железной дороги. Каждые полмесяца на разъезде останавливался вагон-развозка, в которой по сносной цене отпускали пропитание и мануфактуру, чтобы обшить семью. Что и говорить, заботился дорожный профсоюз о рабочих, стоял за них горой и власть имел большую.

А к земле Григория тянуло. Может, и вернулся бы к ней. Но тёмная недобрая память осталась у него в душе от коллективизации, когда силком вершили судьбу над единоличником и всех загоняли в колхоз. До сих пор не мог взять в толк и понять, за что вечного труженика Марусиного деда Фёдора, который один со своей старухой, вытягивая жилы, воспитывал семерых сирот, раскулачили. Отняли лошадь, корову, овец. И свели деда Фёдора с бабкой Матрёной в могилу. А сирот, детей, двух сыновей, погибших в Первую мировую, безжалостно пустили по миру. Выжили, к счастью, все, но лихушка-то хватило столько — не приведи Господь никому. Да мало ли таких семей было! И вот что горько: не чужаки это творили, а свои же, деревенские. Некоторые совсем совесть теряли. Зайдут в дом — и в первую очередь к печке. Выставят оттуда всё, съедят, а уж потом за сундуки да сусеки принимаются, по сараям да подвалам шастают. И выла обобранная до нитки семья от невесть откуда свалившегося горя. У некоторых, бывало, и взять-то нечего, так скамейки и столы вытаскивали.

Терзали деревню, не оставляя живого места... Будь ты хоть ангелом, а время то добрым словом не вспомнишь.

Увёл Григорий семью от этой напасти. Вывела его железная дорога в люди. Другую жизнь познал. А сердце нет-нет да захолонёт тоской. Особливо когда попевала земля под сев и колыхалось над ней синеватое марево, или когда начиналось жнитво и стучали перепела в спелых хлебах...

11

Через полгода с небольшим дошёл до Плечёвки слух, что на чужбине угорел до смерти Митька-злодей. По недосмотру или сам закрыл заслонку горящей печи. Неведомо. Дверь в дом не была заперта. В деревне никто не опечалился. Угорел и угорел. Даже единственная дальняя родственница встретила нехорошую весть равнодушно. Никому не сделал он добра.

Бригада путейцев, многие из которой были плечёвские мужики, как раз перекуривала, сидя на штабеле тёплых от весеннего солнца старых шпал. Завели разговор про Митьку. Один из его сверстников, попыхивая козьей ножкой, задумчиво сказал:

— Да-а-а... Думал от себя скрыться... Вона в какую далищу укатил... Но разве с таким грехом от себя спрячешься. Это он Миньку-то — гармониста...

— Если бы только Миньку одного, — поддержал разговор второй. — Он здесь спяну такое выболтал, что волосы дыбом вставали. Бахвалился, что на заказ, за деньги людей резал. Угорел — туда и дорога. А вот кто-то из наших ему перед отъездом всю голову разбил и нос проломил — это поделом.

Братья Григорьевы переглянулись. Чтобы прекратить дальнейшие разговоры, Григорий скомандовал: «А ну! Кончай перекур». Он схватил тяжёлый молоток на длинном черене и с криком, с одного раза вогнал костыль в шпалу по самую шляпку. И махал, вгоняя костыли до тех пор, пока серая выгоревшая на солнце рубаха не потемнела от пота.

Не сказать, чтобы Григорий возрадовался пришедшей издалека вести. Нет. А вот чувство, что свершилось справедливое и неизбежное, всколыхнуло его. К тому же он сильно верил, что успокоится теперь Минькина душа, простит за то, что не остерег друга в ту страшную ночь. Облегчилось сердце у Григория, будто невидимая тяжесть свалилась с него.

А дальше, милые мои, было вот что. Не прошло и двух месяцев после вести из дальней стороны, как в разгар рабочего дня прибежал на путь запыхавшийся деревенский парнишка и сразу к Григорию:

— Дядь Гринь! Тётя Маруся упала у колодца и не дышит! За тобой послали...

Руки и ноги отнялись у Григория. Лицо, тёмное от загара, вдруг стало серо-белым. Он медленно спустился с насыпи, продрался сквозь колючие заросли лесополосы и что есть мочи побегал полем к деревне. Два километра отмахал на одном дыхании. Забежал в дом. Первое, что увидел — бледное лицо Маруси с закрытыми глазами. Около неё хлопотала старушка. Сердце у Григория болезненно сжалось:

— Жива? — с надеждой выдохнул он.

Услышав его голос, Маруся открыла глаза, слабо улыбнулась и протянула руку. Он схватил её, крепко прижал к груди, и скупые слёзы потекли по щетинистому лицу. А Маруся приклонила его голову к себе и взволнованно прошептала:

— Гриня! У нас ребёночек будет.

Григорий потерял дар речи. Сколько лет ждали! Сколько надеялись, сколько Марусиных слёз пролито, сколько угрюмой и безысходной тоски таилось в сердце у Григория. Бежал через поле — готовился к беде. А тут! Будто солнце в ночи вспыхнуло. И верить, и не верить запоздалому, но оттого ещё более желанному и великому счастью. У них будет ребятёночек!

Старушка, тоже всплакнув на радостях, подтвердила, глядя на Григория добрым просветлённым взглядом:

— Правда, истинная правда, Гриня. Понесла она. Что голова закружилась да обмерла — у баб такое бывает. Впервой ей, вот и испугалась. Отойдет. Вон, видишь, щёчки-то розоветь стали. Погоди, разрешится — ещё краше станет. А пока береги её. Особенно чижолого не давай подымать.

Счастье к человеку, милые мои, по-разному приходит и по-разному плачет и смеётся от радости. Но, чаю, в тот момент не было людей более светлых, переполненных долгожданным и великим, чем Григорий с Марусей. Крути — не крути, а без ребятишек жизнь на месте топчется, не идёт дальше, не звенит, не переливается детскими голосишками. Чего говорить-то: хоть так раскинь, хоть эдак — ради них и живём.

...Маруся гладила жёсткую мозолистую руку мужа и счастливо улыбалась. Лицо её покрылось лёгким румянцем и выражало великое благодарение.

Морозной январской ночью в доме Григория раздался детский плач. Бабка-повитуха вынесла из-за занавески ребёнка и осторожно положила на руки Григорию:

— Смотри, сынок, какого она тебе бутуза выносила. Весь в тятку!

Несказанная нежность охватила Григория. Будто шире и добрее он стал душой, будто всё в жизни приобрело смысл и значение, будто алая заря выкрасила всё вокруг чистым золотом. И ещё. Он почувствовал, что крепче стоит на земле, что ему хочется сделать много-много добра людям, чтобы они были такими же счастливыми, как он сам.

Григорий тихонько и нежно прижал к груди сынишку и спросил повитуху:

— Как она?

— Всё хорошо, сынок. Здоровая она у тебя баба. Иди на улицу, не мешайся, потом зайдешь... Наговоритесь ещё, — лукаво подмигнула бабка.

Григорий набросил телогрейку и вышел во двор. Хватанул колючего морозного воздуха, весело засмеялся и, раскинув

руки, упал спиной в мягкий сугроб. Не чувствуя жгучего снега за воротником, улыбаясь, он долго смотрел, как в морозном небе ярко блистали крупные звёзды, полыхая по краям изумрудной зелены. Потом вскочил, сложил руки рупором и протрубил во всю силу лёгких:

— Люди! Минька родился!

...Вслед за Минькой чередой пошли Стёпка, Гринька, Кирюшка, Федянька. Последней родилась черноглазенькая Марусенька. И на всех материнского молока, любви и заботы хватило у ставшей дородной и пышущей здоровьем матери Маруси.

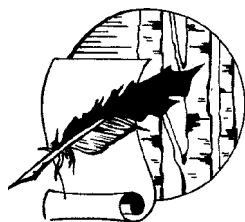
Григорий с годами вошёл в обличье отца, да и норовом, строгостью в него удался. А ребятишек любил без памяти. За какое бы дело ни брался, сыновей около себя держал, учил с малолетства тому, что сам умел и разумел. Не пришлось потом краснеть за них. Добрые люди выросли, работающие и душой желанные. До самого конца покоили в уважении, чистоте и сытости родителей своих.

Вот, милые мои, как оно всё обернулось да сладилось. Выходит, не пропадает добро. И поверх зла неминуемо остаётся. Не осилить его, не одолеть. Воскресает оно в жизни и в памяти людской. Не даёт сердцу очерстветь, зарости колючим кустарником, затмить ласковую светлость бытия нашего. Добро к добру всегда руки тянет и помогают они друг другу. А на этом и душа человека растёт да крепится, расцветает силой и свежестью ярких красок весеннего утра, которое радостно обещает много-много хорошего...

Вот и сегодня прошла тёплая весенняя ночь и в полнеба разгорелась алая заря. С добрым утром, милые мои! Поведал я вам о том, что было. Надеюсь, что кто-нибудь хоть изредка да вспомнит дорогих сердцу моему Миньку, Гриньку и их возлюбленную — красавицу Марусю. И то далёкое и тяжёлое время, в котором они жили. Вспомнит, опечалится, задумается и посветлеет взором.

А зорька-то какая... Жить хочется! Знамо!

г. Саратов

Николай АЛЕШКОВ

К 80-летию поэта

Эта подборка — из итоговой книги стихотворений и поэм Николая Алешкова «Единственный август», изданной к его 80-летию. Поэт родился в июне 1945 года в селе Орловка, которое ныне оказалось в самом центре полумиллионного города Набережные Челны. Здесь и живёт поэт в доме, построенном им недалеко от родительского очага. Николай Петрович имеет звания заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан и Почётного гражданина своего родного города. Он член Союза писателей СССР с 1984 года, автор более десяти поэтических книг. Несмотря на возраст, продолжает заниматься литературной работой, более пятнадцати лет редактируя литературный журнал «Аргатак. Татарстан».

ОГЛЯНУСЬ НА РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

* * *

Начинается мир за порогом,
А за печкой сверчок верещит.
Вечер. Мама беседует с Богом.
Под иконой лампадка горит.

Я лежу на скрипучих полатях.
У святых озаряются лбы.
И сливается мамино платье
С полумраком вечерней избы.

Мамин шёпот доносится еле.
Просит: дружно жила бы родня,
И чтоб раны отца не болели,
И ещё что-то там... про меня.

За окошком звезда-недотрога.
Я шепчу ей: подольше свети!
Засыпаю. И снится дорога,
По которой мне скоро идти.

УРОКИ РУССКОГО

Самовар остывал неохотно.
И беседа, как речка, текла.
А лиловые сумерки плотно
Опускались на крыши села.
— Ночевать-то оставишь, Мариша?
— На ночь глядя, куда ж ты пойдёшь?..
Вот и жизнь пролетела, а слышу
На два голоса оканье сплошь:
— Понесёт — не догонишь на паре, —
О соседке судачат они:
Наша мама и тётя Варя —
Наша гостья из дальней родни.
Мне давно уж пора за тетрадки.
Утром в школу. Что ж, делаю вид.
Не могу не подслушать украдкой —
Тётя Варя опять говорит:
— Пусть Петруха поправит тычинник —
В огурешнике вашем дыра.
— Сам-то в кузнице. Борька починит.
Или Санька. Обоим пора.
— Трудно с ними? Семья-то большая:
Трое неслухов, пара невест.
— Нет! Живём, никому не мешая —
Бог не выдаст, а нехристь не съест.

Чашку чая с гостинцем откушав,
Я залезу на тёплую печь.
Пусть вливается в детскую душу
Деревенская русская речь.

В НОЧНОМ

Луга за Камой. Полночь. Блеск зарниц.
И бьль, и небыль!

И над рекой отсутствие границ
Между землёй и небом.

На крыльях сна в ту ночь душой вспорхнуть —
Там ангелы летали!
И вспыхивал над миром Млечный Путь
Не для меня ли?

Ведь я же помню всю-то жизнь не зря,
Как небо пело,
Как надо мной волшебная заря
Горела...

* * *

Сбруя лентами вся разукрашена.
Кони ждут у ворот. Не грусти
И о будущей встрече не спрашивай!
Я частушку спою — подхвати:

Рекрута-рекрутики
В лесу рубили прутики,
На дорожку ставили,
По милочке оставили...

В мой затылок, остриженный наголо,
Дышит белая печь горячо.
Завтра жизнь переломится надвое:
Карабин перехватит плечо.

Вот уж гривы по ветру полощутся.
Оглянусь на родительский дом:
Мать, не плачь, отслужу, как положено,
Но не знаю, вернусь ли потом.

Может, надвое сердце расколется.
Я почувствую это, когда
Мне приснится родная околица
Так, как снятся теперь города.

До свиданья! Под ветром напористым
Я впервые прощаюсь всерьёз...
Врассыпную, напуганы поездом,
Разбегаются стайки берёз.

* * *

Морозно. Предвечерняя пора.
В родном селе затапливают печи.
А мне из дома уходить пора.
Мать обниму. «Куда ты, сын?» «Далече...»

Под стук колёс: «Куда ты, сын, куда?» —
Берёзы тянут ветки, как ладони.
Меня зовёт Полярная звезда,
Мигая на январском небосклоне.

Чернеет ночь, но манит белый свет.
Куда, зачем? Я ничего не знаю.
В скитаниях объявится поэт.
Всему свой срок — вернусь к родному краю.

Что я узнал? Что мир суров и прост.
Что жизнь и смерть — великая поэма.
Земная тяга и мерцанье звёзд —
Поэзии единственная тема.

* * *

Пройду босиком вдоль оврага,
Пройду босиком вдоль плетня.
Зазвякает цепью дворняга,
Не сразу узнает меня.

Я буду беспечен и весел.
Сестрёнка накроет на стол.
И, кланяясь, голову свесит
Подсолнух, от зноя тяжёл.

Я выпью холодную водку,
Горячих пельменей поем.
И брат меня спросит: «Ты в отпуск?»
Отвечу: «Теперь насовсем».

Как будто вчера расставался,
Как будто на крыльях летел!
От отчей земли оторвался,
С чужою срастись не сумел.

А мама заботливо встретит,
Согреет теплом дорогим
И только печально заметит,
Что сын возвратился другим.

РОДОСЛОВНАЯ

«В лесах зверьё, а в Каме рыба.
Богат мой край — и ешь, и пей!
Пойдём со мною, не улыба,
Жить вместе будет веселей.

Не видишь разве — ты мне любя?
Уйду, коль я тебе не мил...»
Мой дальний предок не был грубым.
Слова медовые дарил:

«Цыганка ты или татарка,
Поверь, мне это всё равно!»
И целовались двое жарко
В былых веках, давным-давно...

Алешковы русоволосы.
У Пашенковых кудри — смоль.
Каких кровей они? Вопросы
Задать столетиям изволь.

Вот мой отец двадцатилетний
На снимке — чистый славянин.
А в маме тюркское заметней.
В большой семье я — третий сын.

Храню их свадебное фото —
Его дороже — сердцу нет.
Красивы оба. Жить охота.
И до войны аж восемь лет.

Отцовский дом. Сажу на камне
У речки, названной Челной.
Разноязыкое Закамье,
Где жизнь прошла — мой край родной.

Я сам себе слуга и барин.
Я не чуваш и не мордвин,

И не удмурт, и не татарин,
А равный с ними гражданин.

И на прищур прицельно-узкий,
Не опуская глаз, смотрю.
Кто я такой? Конечно, русский.
Не видно разве, — говорю...

* * *

Вымучиваю заполночь стихи.
Застопорилось дело, рвутся строчки.
Уже видны в окошко лопухи,
Орут по всей деревне петухи,
И мне пора сворачивать листочки.

Поэту тоже надо отдохнуть.
Польною пахнут бабушкины сенцы.
Но мне и тут, пожалуй, не уснуть,
Пока в стихах не завершится путь
От сердца к сердцу.

Вот каторга! А рядом жизнь села,
Меня совсем как будто не касаясь,
Разумное движенье обрела.
Не могут ждать крестьянские дела,
Пока в грехах я на бумаге каюсь.

Но с детства я с деревней заодно.
Строка как борозда. Сутулю плечи...
А майский день врывается в окно,
Чтоб и моё заветное зерно
Проклюнулось на ниве русской речи.

ЗДЕСЬ

Роману Солнцеву

Правый берег, поросший лесом,
Левый берег — цветущий луг.
Здесь крестьянским ржаным замесом
Был я втянут в житейский круг.

От истока реки до устья
Рыба плещется под волной.

Если вдуматься, каждый кустик
Мне с рождения здесь родной.

Здесь отец мой всю жизнь трудился.
Здесь мой дом и моя родня.
«Где родился — там пригодился» —
Эта присказка про меня.

Долго смерти ждать иль недолго —
Здесь меня похоронят пусть!
Я по Каме впадаю в Волгу
И взлетаю на Млечный Путь.

Зачерпнув из реки небесной
Благодати, увижу вдруг
Правый берег, поросший лесом,
Левый берег — цветущий луг.

* * *

Не спрашивай, что за порогом,
И ждёт ли небесная Русь...
На звёзды в молчании строгом
Я с детства смотреть не боюсь.

Меж них — молодой и тверёзый —
Пойду по траве луговой.
Густая листва на берёзах,
Шумы над моей головой!

Увижу — в просторе весеннем
Восход над рекою пунцов.
Со мною Серёжа Есенин
И рядышком Коля Рубцов.

Пусть мы на земле не встречались,
Поверю, что встретимся там.
Стихи о любви и печали
Ведут к заповедным местам.

А встречные если б спросили,
Куда нас пути привели,
Ответим, конечно, в Россию,
Откуда на небо взошли.

ВЕРТИКАЛЬ

Звезда дрожит среди вселенной...

Иван Бунин

Глубок колодец деревенский.
На самом дне
Горит звезда свечой вселенской,
Сигналил мне,
Чтоб смог догадкой уколоться
Без всяких книг:
Путь от звезды до дна колодца —
Всего лишь миг!
Звезда горит, как Божья тайна.
И светел лик.
И отраженья не случайны:
Господь велик!
Догадка спать не даст сегодня.
И как уснуть,
Поверив — к милости Господней
Недолог путь?

Я в тишине зарю встречаю,
Чтоб на заре
Понять — колодец не случаен
В моём дворе.
Я вглубь смотрю, как будто в детство —
Там брезжит свет.
Колодец этот мне в наследство
Оставил дед.
Сквозь чернозём и сквозь суглинок —
Пласт за пластом —
Копал он землю до песчинок,
Молясь о том,
Чтоб для людей сочилась влага
На самом дне,
И чтоб к звезде небесной тяга
Жила во мне...
Пусть держат мир, не разрывая,
Лучом одним —
В колодце том вода живая,
Звезда над ним!

г. Набережные Челны

ОСКОЛКИ ВОЙНЫ

Пашка

17 апреля 2022 перестало биться Пашкино сердце...

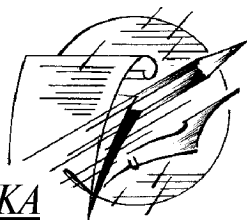
Сегодня утро приходило нехотя, зная, что его будут вспоминать недобрым словом. Хмурое, дождливое, оно сливалось с общим настроением.

Ребята говорили, хоронить приходят немногие — некому. Дончане знают, с февраля 2022-го в городе почти не осталось мужчин. Все ушли на фронт. Старики да бабы на хозяйстве, как в Великую Отечественную.

На отпевание Пашки собралось много людей. Кажется, никто не мог поверить, что этого улыбчивого парнишки двадцати с небольшим лет больше нет. Ни жены, ни деток не осталось. Не успел. Защищал Родину.

Ветер шевелил его пшеничные волосы. Рыдала женщина в чёрном платке. Это мама Пашкиного лучшего друга. Любила парня, как родного. Пашка — детдомовец. Хоронил его старший родной брат, недавно оставшийся без ноги.

Троекратный прощальный салют ввысь, будто стук в небо: «Примите лучшего из сыновей, ушедшего раньше срока».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Подумалось, нам теперь молиться о живых и погибших защитниках. И каждым своим поступком доказывать, что не зря они сейчас там, на передке стоят за нас. И не напрасно сложили головы, и принимают муки, стонут в госпиталях, растерзанные.

Плачу. Не останавливаю себя. Каждый должен быть оплакан...

Защитить дитя

Донецк в огне. Новостные ленты переключек меняются с частотой в полминуты. Ракеты летят по мирным кварталам.

Позвонила сестре, живущей через дорогу, узнать о самочувствии после утреннего артоналёта.

— Мы спали, когда раздался оглушающий взрыв. Четыре утра. Окно на проветривании. Я не закрываю, чтобы если что, ударной волной не вынесло. Катя пронзительно закричала: «Мама, мамочка! Нас сейчас убьют?»

Ребёнок вжался всем тельцем в маму, дрожал и плакал. Мать обняла дочку, крепко прижала к себе:

— Тихо, моя хорошая, тихо, всё прошло. Спи.

— Мама, я боюсь спать, мы закроем глаза, а нас убьют.

— Я рядом, я смогу тебя защитить, я посторожу твой сон.

— Мамочка, я не могу спать, послушай, у меня вырывается сердце через горло.

— Ч-ч-ч-ч-ч-ч-ч, моя птичка, — мама тихонько гладит дитя по спине, убаюкивает.

Слушаю сестру и замираю. А она продолжает:

— Мы две недели назад возобновили занятия танцами. У нас такая хорошая руководитель, переживает, чтобы дети не забыли движения и не отвыкали работать. А два дня назад, после прилёта на рынок Майский, погибли и ранены мирные, в том числе, дети. Кадры убитой женщины, прижимающей к себе бездыханного восьмилетнего сына, заставили содрогнуться весь город. Собрались с родителями в рабочем чате и спрашиваем: «Кто поведёт своих детей на танцы?» Все говорят: «Боймся». И преподавательница сказала, правильно будет сделать перерыв до августа. Там посмотрим по обстановке.

Форпост на могиле сына

Школьная пора — самое замечательное время. Сегодня, спустя много лет, друзья из параллельных, из старших, и даже

младших классов кажутся чуть ли не роднёй. Поэтому случайные встречи через годы всегда приятны.

Как всегда, не шла — летела. Непрекращающаяся канонада придавала ускорение.

— Вик, привет, — окликает меня незнакомец.

Оглядываюсь. Натыкаюсь на серое, будто завядшее лицо, ссутулившуюся фигуру. Кажется, человек специально втягивает голову в плечи, чтобы стать незаметнее.

— Не узнаёшь, что ли? Серёга из 10-Б, — облегчает он мне задачу.

— Ой, не узнала, богатым будешь, — пытаюсь пошутить.

— Твои все как? — и не дожидаясь ответа, выпалил, как со скалы бросился, — Мой Максим погиб. На Промке. Вчера позвонили. Завтра похороны.

Чувствую, как забивается дыхание, кружится голова. Господи, что же это? Мальчишка только два года назад школу окончил. Серёга не мог нарадоваться, такой толковый парень, на биофак собирался поступать.

— И главное, — продолжает однокашник, — когда он пришёл ко мне за благословением, я не запретил ему идти добровольцем. Страшно было за сына, да как ему в глаза смотреть, если стану отговаривать?

Повисла пауза. Я взяла Серёгу за руку, стараясь поймать его взгляд. И он поднял на меня глаза. Я ужаснулась. Это не глаза, а воронка от снаряда, убившего его сына. Единственное дитя.

— Вик, ты при случае, молись обо мне. Через два дня меня ждут в военкомате, заявление написал. Вот только проведу Максима, и в часть. Защищать, значит, его могилу. Сам лягу, но не пушу врага.

Блокадная вода

Иногда кажется, пишу какую-то незначимую ерунду, никому ненужные заметки. Но перечитываю написанное девять лет назад и сама себе говорю «спасибо». Пусть эти мелочи не растворятся временем.

Утро. Посматриваю на часы. Наконец за окном раздаются два отрывистых сигнала.

— Ой! — бросилась к окну.

Так и есть, белый грузовик привёз питьевую воду. Очередь идёт быстро. От машины отделяется пожилая женщина с палочкой. Весенний ветерок подхватывает её серебристые волосы, чуть подталкивает в спину, помогая идти. В её руке советский металлический бидончик, наполненный водой.

— Стой, ты куда, остановись! — кричит она вослед пареньку лет семи. Тот быстро перебирает тонкими ногами в сторону дома, стараясь скорее доставить драгоценную ношу — две пластиковые пятилитровки. — Тяжело, дай мне одну! — кричит бабушка.

— Ба! Мужчина я в семье или кто? — звонкий голос обращает на себя внимание очереди, люди улыбаются. — Ты, ба, не спеши, я сейчас бегом отнесу и к тебе вернусь, помогу. Иди тихонько!

Отходит ещё одна старушка с наполненной тарой. Проходящий мимо молодой человек в камуфляжной футболке без правой руки подхватывает баллон:

— Я точно знаю, нам по пути. Вы к этому дому идёте? Так я вам до лифта донесу!

Женщина ойкнула, растерянно обернулась на очередь и куда-то в небо выдохнула:

— Спасибо... внучок, дай Бог тебе здоровья!

Удивительное... удивительное время... В людях проявляется настоящее. Отшелушивается наносное и не имеющее ценности.

Я тебя люблю, мой Донецк. Вместе справимся.

Победить

Бегу по зebre. Чёрная полоса, белая, чёрная, белая, чёрная... Научилась радоваться тихо — мудро. Не салютую, благодарю за свет, пролитый в мой день.

Весь прошлый месяц как-то особенно волновалась о нём. Как он там? Здоров ли? Непокойно было на сердце. И вдруг в последних числах февраля 2022 весть из госпиталя.

Когда узнала о его тяжёлом ранении, о страшных увечьях, проревела сутки. За эти военные годы он стал родным человеком, братом. Погоревала, а потом сказала себе: «Эй, остановись! Парень жив. И он сейчас один. Его дом в России. Ему сейчас помочь некому».

И потянулись наши разговоры...

— Теперь ни одна девушка на меня не посмотрит. Кому я нужен безногий? — тоска в голосе и нестерпимая боль.

— Да мы с тобой ещё на твоей свадьбе спляшем, красавчик! — когда говорила, уверена была, так и будет.

Ещё бы, он человечие с огромным сердцем. Настоящий воин.

— Потерпи немного, вот раны заживут. Ты выжил, это самое главное.

— В бою главное не выжить, а победить, — отвечает боец.

Мыльные пузыри

Отправилась я за продуктами для раненого друга. Рынок, небольшие киоски. Бегу вдоль дороги, тороплюсь. В нескольких шагах замечаю мальчика лет пяти. Автоматически осматриваюсь (привычка за столько лет войны быть предельно внимательной), вижу в открытом проёме магазинчика молодую женщину, она стоит в очереди за крупами и следит глазами за сыном. В подтверждение, тут же кричит ему: «На дорогу не выходи, стой там, уже скоро».

Где-то начинается обстрел. Раскаты канонады доносятся тревожно и отчётливо. Оцениваю ситуацию — для нас это не опасно. В глазах ребёнка испуг. Дальше мысль срабатывает автоматически. Замечаю у него в ручонках пластмассовый длинный узкий сосуд.

— Это мыльные пузыри? — быстро задаю вопрос.

— Пузыри! — моментально отвечает мальчик.

Воздух продолжают разрывать зловещие раскатистые звуки.

— А можешь показать? — заинтересованно спрашиваю.

— Могу! — парнишка тут же срывает крышку и вытаскивает длинную планку с отверстиями. Резко рассекает пространство «волшебной палочкой» и в мир вырываются невесомые прозрачные шары, расцвеченные радужным градиентом.

Мальчонка подпрыгивает на месте от нахлынувшей радости.

— Ух ты-ы-ы-ы-ы-ы! — неподдельно восклицаю я, — Ничего себе!

— Посмотришь ещё? — малыш включается в игру. Точнее, переключается от оглушающих звуков войны в выдуманый мир.

Боковым зрением отмечаю, что мама складывает пакеты с покупками в сумку.

— Я уже иду! — кричит сыну, продвигаясь к выходу.

Ребёнок смотрит на меня восторженно, а я на него и на мыльные пузыри. В небо летят и летят посланцы сказочного мира...

Шла домой и думала, кому из нас важнее эта встреча? И где у нас продаются эти пластиковые коробочки с чудесами?

Время героев

Время героев — оно всегда. Не особенное какое-то, а в каждом дне. Кто-то шёл с работы и защитил девушку, бросился

голыми руками на нож злодея. Кто-то входит, не задумываясь, в пылающий дом, успевая вынести старушку. Другой — встаёт на защиту Родины. Спокойно, без пафоса, понимая: это крайне опасно.

Знаю таких ребят. Честные, толковые. Жили, как все: дом, работа, друзья. И всё-таки, что-то в них особенное.

Поездка в госпиталь — это всегда безумная боль, смешанная с радостью. Война — это крошечный ад: кровь, боль, грязь.

Мой друг спрашивает:

— Как дальше жить без ног?..

Я отвечаю:

— Ты поцелован Богом, ты выжил. Значит, на тебя у Него есть планы.

Я не кривлю душой, я плачу и радуюсь одновременно. Жив... Жив. Жив!

Во вторник прошла вторая операция. Кажется, его не вывозили из оперблока вечность. Закончили только в полчетвёртого дня.

Друг говорит:

— Так хорошо, ещё ничего не болит, не отошёл от наркоза. Каждая перевязка — это испытание на прочность. Не было так больно, когда ноги оторвало, как сейчас, когда чистят раны.

Держу в руках четыре снимка. Это не рентген человеческого организма. Это какой-то атлас звёздного неба. Только все эти многочисленные точки — не сияющие странники, это осколки, полученные в бою. Они гуляют по организму, цепляют сосуды, нервы, органы. Из-за них воспаляются ткани, случаются нагноения. Это хорошо, когда осколки выходят, разрывая кожу. Пока вышли три. Вспомнила рассказы ветеранов Великой Отечественной об осколках, которые напоминали о войне всю жизнь.

Возвращаюсь домой и плачу. Но другу об этом не скажу. Для него другие эмоции и особые слова:

— Привет, командир, как сегодня настроение?

Когда устаю и, кажется, уже ни на что нет сил от этой затянувшейся лавины горя и потерь, вспоминаю глаза ребят из госпиталя. Госпиталь. Пристанище физической боли и торжества духа. Когда видишь бойцов, хочется сделать всё зависящее и сверх того, только бы облегчить страдания.

Главное, не оставлять наших мальчиков один на один с болью. Им очень нужно видеть наши глаза, полные благодарности и любви. Хочется много о чём написать, но лучше — действовать.

Весна. Любовь

Сейчас пронзительно чувствуешь оголённым нервом всё: от пения птиц, до обжигающего гула снаряда. Весна и война сошлись в одной точке.

Вчера снова не пришла вода. Это уже которые сутки?

Зато питьевую привезли с утра даже на пять минут раньше графика. Людей собралось много, больше, чем обычно. Стояли под начинающимся дождём. Нашла удовольствие — наблюдала за капающей водой из водосточной трубы в обрешеченную пятилитровку. Кто-то снова собирает дождь...

Сегодня питьевую воду привёз новый водитель. Водовоз озорно посматривал на меня.

— Привет, мы с вами в одной компании красных! — парень подмигнул.

О, да, он тоже в красной куртке, как и я. Улыбаюсь в ответ:

— Да, надо как-то обозначить свою позицию в мире.

У него дребезжит телефон.

— Кто же это меня так настойчиво хочет? — парень одной рукой наливает воду, другой быстро кликает по монитору телефона.

— Вас столько людей хотят, стоит ли удивляться? — делаю жест рукой в сторону длинной очереди.

— Это да, главное, не выбиваться из графика, ждут всюду. Но, хочу я заметить, — он щурит глаза и смеётся, — я вообще у девушек пользуюсь повышенным вниманием.

— Даже не сомневаюсь, — смеюсь в ответ, — спасибо за водичку.

Ташу свою драгоценную поклажу, руки немеют, плечи, спина попискивают. А на душе так хорошо. Весна. Любовь.

Горько!

О них можно написать роман.

Эти двое сегодня поженились. Прямо в госпитальной палате принесли обещание верности.

Мой друг шлёт фотографию: её рука лежит на его, на безымянных пальцах серебряные кольца, а рядом — свидетельство о браке.

— Привет! Викусь, ну всё, она меня окольцевала.

Мои глаза увлажняются.

— Совет да любовь! Крепкого здоровья вам, мои дорогие. Будьте счастливы.

А через неделю они приехали в гости. Мой друг и его жена — боевой товарищ. Всматриваюсь.

Он. Более бледен, чем обычно, до ранения. Належался и насиделся, готов бежать. Каждый жест выдаёт, он не смирился с ограничениями. В глазах физические страдания, усталость. Всё время благодарит за новое уличное инвалидное кресло, оно дало возможность передвижения.

Она. Маленькая, стройная, крепкая. Смотрит на мужа влюблённо, по-девичьи. Каким чудом она вышла из мясорубки под Мариуполем, где тяжело ранило её любимого?

Рассказывает, как могла его потерять, когда он истекал кровью и не было возможности оказать первую помощь. Как добралась к нему в госпиталь в Донецк только через три недели и увидела сплошную рану.

— Тогда у меня впервые в жизни начал дёргаться глаз, — её глаза цвета крепкого кофе заблестели, — но я знала, не время горевать. Я тогда лежала в соседней больнице после ранения. Приму лечение и еду к нему. Сама обрабатывала, промывала раны. Нагноение. Воспаление. Бегала ко всем врачам, консультировалась с теми, кто из меня осколок доставал.

Говорили долго. О пережитом, о планах. Пусть скорее заживают раны. А там и с протезированием сложится.

Прощались.

— Ребята, вы берегите себя. Я вас люблю.

Обняла их. Они смущаются. Тут война, а тут я — со своими нежностями. И у всех слёзы остановились в глазах.

Ещё один шаг

Наш разговор по телефону длится больше часа. Напряжение буквально искрит. И, наконец, он взрывается:

— Ты не понимаешь, ты не понимаешь меня! Я один раз уже прошёл через это. Мне вогнали в спину иглу и отпилили ногу. Потом вторую. Я всё слышал! Я понимал, что это всё.

— Хороший мой, ты столько пережил... Ещё один шаг, и ты встанешь на ноги. Ну никак без этого нельзя обойтись, — стараюсь говорить как можно более мягко.

— Скажи мне, Вик, скажи, почему они сразу не сделали всё как надо, почему отпилили так, что теперь нужно всё поновой делать?

— Да потому что тогда тебе спасали жизнь! — не выдерживаю я и начинаю кричать в ответ. — Никто тогда не думал о протезировании, только о том, чтобы вытащить тебя! — говорю со знанием дела, потому что с первого дня его ранения рядом и знаю, какой путь за эти два года ему пришлось пройти. — Ты был в таком состоянии...

Друг перебивает:

— В нормальном я был состоянии, даже ни разу сознание не потерял, — он понижает накал, погружаясь в пережитое.

— Да, крепкий ты орешек, — память демонстрирует картины пережитого. — Только сначала два часа истекал кровью на поле боя и некому было, кроме тебя самого, наложить жгуты. А потом каким-то чудом нашлась машина с медиками, которые гнали прошитую осколками железяку на полной мощности из Мариуполя в Донецк, едва успевая передать тебя живым в госпиталь. Как разговаривали с тобой и всё время пути просили не засыпать, помнишь? А мне сказали, что с такой кровопотерей шансы невелики. Да что говорить! Это было самое начало штурма Мариуполя, раненых было столько, что врачи не уезжали домой, так и спали в своих кабинетах между операциями. Тяжёлый был февраль...

— Ладно, не ругайся. Просто, как подумаю, что всё сначала. Да и жалко ещё кусок себя терять. — Он вздыхает.

— Теперь всё иначе. Плановая операция, качественный наркоз. Сам знаешь, без правильно сформированной культуры о протезировании речь не ведётся. А у тебя уже и документы все готовы. Чтобы встать на ноги и пойти, непременно нужно сделать этот шаг.

Повисает пауза. Он, будто, очнувшись от тяжёлых мыслей, выдаёт:

— Я, собственно, чего звоню, меня тут наградили. Сказали, какой-то высокий офицер был свидетелем того боя. Он-то и написал рапорт, сказал, что я подвиг совершил.

— Да что же ты молчал! Я знала, знала! — мой голос звенит колокольчиком. — Герой. Наш Герой. Поздравляю!

Через две недели он позвонил из Ростова.

— Лежу и ем. Ем и лежу. Тихо тут. — Чувствую по голосу, что улыбается. — Вик, я это, — он делает паузу, раздумывая, как правильно подать новость, — до операции я не был уверен... — Он снова замолкает.

— Да говори, пожалуйста, не испытывай мой ангельский характер. — Чувствую, как ускоряет бег моё сердце.

— Я же не уволился после ранения. Вот встану на ноги... — голос его становится твёрже и увереннее. — Я решил вернуться на службу.

Быть нужным

Снова осень. Девятая военная осень Донбасса.

Безостановочно накрывает 155-ми. Окна недоумённо пожимают рамами. Сколько можно? Уши... Барабанные перепонки вибрируют на пределе.

Что это за сила, заставляющая одних свозить самое страшное оружие в точку невозврата, а других — посылать боевые ракеты в школы, больницы, рынки, жилые дома? Что это за сила, спрашиваю, если люди, которых родила женщина, у которых есть дети, не могут сопротивляться этому давлению и безропотно, бездумно уничтожают себе подобных?

Да, это война добра и зла. Главное, не ошибиться с выбором стороны. Время такое, эти ошибки не исправить.

Такие мысли приходят под эхо разносящейся канонады в очереди за питьевой водой. Где-то близко громыхнуло. Старенькая женщина пронзительно ойкнула и схватилась за сердце. Водитель, тот самый, что был в красной куртке, невесело смеётся:

— Что вы такие пугливые? Не так близко прилетело. Вот в моём районе неделю назад... — покупатели замерли, — прилетело прямо в мою квартиру, сгорела она.

— Да как же это? — горестно воскликнула одна из женщин.

— Живой я, что ещё нужно. И улыбаюсь. — Голос парня стал выше и готов был сломаться.

Когда подошла моя очередь, я увидела: нет его красной куртки. На нём изрядно потрёпанный бушлат размеров на пять больше и непокрытая голова.

В груди заныло. Дотащила воду домой и бросилась к сумке. Сколько там у меня на хозяйстве? Две тысячи, не густо. А много ли мне нужно? Хлеб есть, воду купила. Сунула в карман тысячную купюру и побежала вниз по ступенькам. Очередь к белому грузовику значительно уменьшилась. Я обошла машину и позвала водителя. Он обернулся, а я, срывающимся от волнения голосом, выдохнула:

— Я понимаю, что это не решит проблему глобально. Но это даст вам понять, что вы не один. — И сунула ему в руку купюру.

— Да вы что, я этого никогда не возьму! — парень сделал отчаянный жест в мою сторону, стараясь вернуть деньги.

— Пожалуйста, не отнимайте у меня возможность почувствовать себя нужной, — проговорила я твёрдо и быстро зашагала в сторону подъезда.

— Спасибо, — услышала вослед.

После Победы

Прилёт случился вот только что, ещё нет ни полиции, ни спасателей. Парень в футболке и шортах лежит на тротуаре. Откинуты назад волнистые волосы, будто сильный ветер вне-

запно дунул ему в лицо. Неловко разбросанные худые длинные ноги в кедах, казалось, продолжали бежать. Весь его облик — движение, остановился мгновенно, и не желал мириться со случившимся. Из-под тела появился ещё живой рубиновый ручеёк. Юноше только исполнилось девятнадцать.

Какая-то странная-странная полоса. Будто снова окунулась с головой в сюр. Живёшь какой-то внешней жизнью, нарезаешь и складываешь цветные летние бутерброды с сочными листьями салата и даже жуёшь их с удовольствием, а сам чувствуешь: всё это почти ненастоящее.

Сколько ни бейся рыбой «здесь и сейчас», ничего не выйдет, если внутри не выстроишь систему, по которой идёшь. А потому снова заныриваешь туда, проводишь ревизию. И смотришь с лёгким прищуром на внешнюю жизнь. В подтверждение видишь, как расправляются с нами, негодными, легко, как с пластилиновыми игрушками.

А может, нужно сказать психике «спасибо» за её сокрытие и демонстрацию совсем другого экрана? Мыслимо ли без передышки десять лет из минуты в минуту рвать сердце? Кажется, восприятие всё тоньше, всё ближе самые мелкие детали и чувства. И кричит всё существо от невозможности вместить в себя испепеляющую боль. И хочется всех укрыть, сберечь. А после Победы забыть весь этот ужас и выпрыгнуть единомоментно в другое измерение и прожить на полную катушку в счастье и радости всё, что отведено.

Да только не забудется. Никогда. Никогда! Никогда не стереть из памяти пережитое. У нас навсегда отобрали полноценное чувство человеческого счастья. Теперь я понимаю, почему ни дед, ни бабушка никогда не рассказывали о войне.

г. Донецк

От редакции. Виктория Семибратская в 2024 году стала лауреатом Всероссийской литературной премии им. А. П. Платонова «Умное сердце».

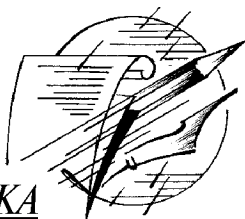
СОЛДАТСКИЕ ИСТОРИИ

История первая. Адреналин

Вечером, поужинав и устроившись в спальном мешке поудобнее, я стал сладко погружаться в сон. Примерно в 22 часа по рации командир сообщил, что в распоряжение нашей роты выдвинулся автомобиль с продуктами, который необходимо встретить. Темень вокруг, тропинки не видать, фонарь не включишь — вражеские дроны могут заметить, да и минное поле рядом, как идти... Но приказ есть приказ, его не обсуждают.

Вдоль лесополосы до дороги примерно двести метров. Тьма кромешная! На ощупь, придерживаясь левой стороны, дошел, на обочине стояла машина. Молодой солдат-водитель помог всё сгрузить. Пожав друг другу руки, мы распрощались. Машина только собралась рвануть в темноту, как неожиданно над нами завис вражеский дрон. Где спрячешься на дороге?

Обхватив голову руками, присел на корточки. Повисев несколько секунд надо мной, дрон исчез. Я немного расслабился, толком перевести дыхание не успел, как он вновь закружил воздухе. До лесополосы бежать около ста метров. Никогда с такой скоростью по пересеченной местности я не бегал! остано-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вился на минуту, прислушался к звукам, тихо вокруг. Видимо, он потерял меня из виду в темноте. Оглядевшись по сторонам, понял, что пробежал мимо лесополосы прямо в поле, усеянное минами всякого калибра и назначения. Оставаться опасно! Что делать? Размышлять было некогда! Собравшись с духом, перекрестившись, стремительно рванул в сторону видневшегося темного пятна леса. Слава Богу, минное поле позади! Цел и невредим! Задание выполнено. Вот и блиндаж. По земляным ступеням спустился, стоило только прилечь на деревянные нары, как мгновенно уснул. Адреналина в эту ночь я получил сполна.

Ранним утром, только засветлело, отправился с бойцом переносить продукты с дороги в лес. Мы шли осторожно, вдоль лесной тропы лежали разнообразные мелкие предметы, похожие на колокольчики, цоколь обычной бытовой лампы, но несущие в себе смертельную опасность, способную в одно мгновение разорвать на части человеческую плоть. Вот такая необычная ночная история. Жизнь в эту ночь сохранил мне незримый ангел-хранитель воинства небесного!

История вторая. Встреча на лесной тропе

Я, старший сержант в закрепоте. В блиндаже вдвоем. Ежедневно переносим продукты с тыла на передовую. Случается, и с провожатыми работаем для тех, кто дорогу не знает. Профессия называется «ноги», наверное, поэтому и позывной мой — Топотун. В день приходится в среднем проходить 15—20 километров, а то и больше, груз еще на себе в 25 килограммов, обмундирование, оружие, да еще маскировка, без которой никак не обойтись, накинута поверх всего. В полной боевой экипировке, с грузом на спине мы отправились с напарником на передовую. Утро выдалось солнечное, безветренное. Знакомой дорогой двинулись в путь. Идем осторожно, за ночь «подарков» прибавилось. Неожиданно заметили ползущую нам на встречу гадюку. Змея, замерла, приподняла головку. Мы остановились. Она смотрит на нас, мы на нее.

— Ну, здравствуй, красавица лесная, мы тебя не тронем, а ты нас. Договорились? Давай, ты в одну сторону ползи, а нам прямо надо идти, — обратился к змее Кукуруза (позывной моего напарника). Змея, будто поняла, что зла не желают. Долго ждать себя она не заставила, проползла мимо в высокую траву. Из всего того, что мы постоянно встречаем на тропе, это, пожалуй, было самое безопасное, потому как встреча с «колокольчиками», «лягушками» и прочими минами намного опаснее, если не заметить вовремя. А враг на это дело не скупится.

История третья. Опорный пункт

Командир нашей роты получил приказ на передислокацию. На два дня меня и двух моих бойцов отвезли в тыл. Наконец-то можно вдоволь напариться в бане, поесть настоящего ароматного шашлыка и рассыпчатого плова. Ни с чем не сравнимое блаженство ощущаешь в эти минуты, и целых два дня тишины!

В ночь третьего дня нас снарядили боекомплект. Каждый взял с собой самое необходимое: только один вещевой мешок весил примерно двадцать два килограмма, плюс броня да разгрузка с боевым комплектом. В таком снаряжении друг за другом мы двинулись в путь. Прошли уже более тридцати километров. Шли не то чтобы уставшие, но силы незаметно покидали. Двигались медленно, осторожно, ведь слева и справа от лесной тропы можно было встретить неразорвавшиеся мины, а их за всё это время мы повидали немало. Из полученного опыта я уже знал: если первая мина взорвалась сзади, вторая впереди, и нужно очень быстро убежать.

В сумерках пришли к месту назначения. Мне и двоим бойцам с позывными Борода и Япон предстояло занять опорный пункт в лесопосадке. Что такое опорный пункт в лесу? Лунка размером полтора на полтора метра и полметра в глубину, накрытая сверху ветками. Ночью над нами летала «баба Яга», здоровенный металлический дрон, скидывающий на землю смертоносные мины. Метались вражеские броневики «Хаммеры». Но только лишь забрезжил рассвет, как мы услышали над головами звук дрона-разведчика. Вслед за ними появились дроны- сбросники и дроны-камикадзе. Первым взрывом снесло ветки с нашего блиндажа, далее последовало еще три взрыва. Землей засыпало глаза, нос. В ушах звенело, как в колокольне. Только собрались было бежать, тараном на нас пошел дрон-камикадзе. Прямое попадание в стену блиндажа. Яркая вспышка и глухота. В это мгновение я понял, что шансов больше может и не быть, и мы побежали. Через некоторое время слух вернулся. Следующий дрон-камикадзе застрял в ветках дуба, потом упал, но каким-то образом не взорвался. Казалось, всё стихло. Смотрим на неразорвавшийся дрон, надо бы найти свои вещи, но ничего нет! Всё, что несли на себе тридцать один километр, сгорело в один момент.

Упавший дрон, хоть и не взорвался, но продолжал съемку. Не прошло и минуты, как налетели еще несколько аппаратов с бомбами, щедро нас ими посыпая. Мы запрыгнули в покинутый кем-то окоп, прикрывшись сверху веткой. Разбомбив всё вокруг, дроны улетели. Нам ничего не оставалось, как найти подходящее убежище. Вскоре оно было найдено.

Им оказался густой кустарник. Чудесным образом мы уцелели! Два дня пришлось нам укрываться в нем. За эти дни ни капли воды, дикая жажда! Дроны целыми днями патрулировали, любые подозрительные места мгновенно бомбили. Ночью, разбрасывая мины, летали «бабки-ежки».

По установленному в телефоне специальному приложению определил, что мы находимся на берегу какой-то небольшой речушки, до которой метров двести по полю в сторону врага. В сумерках совершили вылазку на ближайшее болото. Это была серая и дурно пахнущая жидкость, но мы пили ее с таким удовольствием, будто это нарзан. Напившись вдоволь, прихватили с собой еще несколько бутылок. На утро проверил висевшую на броне аптечку, но на месте ее не оказалось, по-видимому, разорвало осколком снаряда. Такой же осколок прошел навывлет в лодыжке левой ноги, но он и большого вреда не причинил. Это был кусочек свинца, я вытряхнул его из ботинка. Такая травма здесь не считается ранением. В боевых условиях ранение — когда боец не способен воевать, а я же могу и воюю дальше, стараясь не погнупуть и не пропустить врага мимо опорного пункта.

История четвертая. Накат

В тот день было по-осеннему тепло. Как обычно, раздавались звуки выстрелов и взрывов — привычная для войны обстановка. Группа бойцов приводила в порядок позиции, отбитые у врага несколько дней назад. Окапывались, готовили огневые точки, раскладывали боекомплект. В середине дня с западной стороны послышался гул моторов. Сразу стало понятно — идет бронетехника противника. Звук приближался. Трое бойцов, среди которых старшим был лейтенант с позывным Громкий, замерли в тревожном ожидании. Твердым и решительным голосом Громкий скомандовал: «Противник на двенадцать, к бою!» Это означало, что противник прямо по курсу. Действия бойцов были слаженными и проработанными. Один занял позицию с гранатометом, другой привел в готовность пулемет. Бойцы ждали команды «огонь!». На лицах ни страха, ни тревоги, только решительная готовность.

Враг не заставил себя долго ждать. На опушке леса, в пятидесяти метрах от нашей позиции, остановились три броневика «Бредли, из них быстро выпрыгнули двадцать вооруженных солдат. Не видя замаскированную позицию Громкого, они побежали вперед, не особо стараясь встать в боевой порядок. Грянул оглушительный выстрел нашего гранатомета. Заряд попал прямо в борт одного из вражеских броневиков. Не давая врагу опомниться, застрекотал пулемет и автомат Гром-

кого. Наши бойцы стреляли из закрытых, тщательно подготовленных позиций, что давало преимущество в бою. Солдаты противника явно не ожидали такого поворота событий и, забывая отстреливаться, побежали обратно к своим броневикам. Но их замешательство было недолгим. Из двух оставшихся «Бредли» по нам заработали крупнокалиберные пулеметы. От их пуль скашивались, как косой, тонкие деревья, вздымалась земля, разбрасывая во все стороны комья. Очередной выстрел из гранатомета, после смены позиции нашим бойцом, превратил второй «Бредли» в огненный факел. Третий броневик не стал дожидаться такой же участи и, развернувшись, стал быстро удаляться в западном направлении. Третий выстрел из гранатомета пришелся по пехоте противника. Уцелевший враг, в количестве четырех человек, отполз в соседнюю лесопосадку. Вернувшийся «Бредли», забрал оставшихся.

Война есть война. Через некоторое время в небе появились дроны противника, сбрасывающие на наших ребят бомбы. Ранее подготовленные укрытия помогли избежать потерь, но враг стал применять крупнокалиберные минометы. В небе раздался пронзительный свист от летящих снарядов. От оглушительных разрывов дрожала и разлеталась в клочья земля. Падали от осколков ранее уцелевшие деревья, некоторые просто вырывало с корнем. Спрятаться или убежать не было никакой возможности. Оставалось лишь прижаться к земле и уповать на чудо. Наконец взрывы прекратились. В эфире радиостанций раздался голос командира батальона с позывным Ясень: Громкий, Громкий! Доложи обстановку!» Все замерли в ожидании. Воцарилась тишина. И вдруг отчетливо услышали: «Я Громкий, я Громкий. Ситуация стабильна. Атака врага отражена. Потерь нет».

Вот она, главная фраза! Потерь нет! Так держать, ребята!

История пятая. Танкист

Бой начался на рассвете. Рев моторов бронетехники нарастал с каждой минутой. Пехотинцы-штурмовики следовали за танками, в радиостанциях звучали жесткие команды и приказы командиров. Те, кто не принимал участия в атаке, затаив дыхание, слушали радиоэфир. Каждый желал нашей победы от этого решительного штурма. Плотный минометный огонь противника из крупногабаритных орудий сотрясал воздух. Одна из мин разорвалась рядом с нашим танком. Осколками минометного снаряда разорвало гусеницу. Танк замер. При данных обстоятельствах это означало его полное уничтожение противником, что, к сожалению, и произошло. Мгновенно на него тут же налетели вражеские дроны-комикадзе. Для врага вывод из

стройка нашего танка весьма легкая добыча. От множественных попаданий сначала задымился мотор, чуть позже детонировал находящийся внутри боекомплект, и танк взорвался, сорвав с себя башню, будто с досады. Сожаление овладело наблюдавшими за боем. В сердцах защемило за наших танкистов. Было очевидно, выжить им никакой возможности не было. Из горловины танка, в том месте, где была ранее башня, вырывалось пламя. Продолжал взрываться боекомплект пулемета, превращая всё в адский фейерверк. Остальные машины и штурмовики вынуждены были прекратить наступление и отступить под шквальным огнем противника, но огневые точки врага не остались незамеченными и были подавлены ответным огнем артиллерии. В какой-то момент всё стихло. Не слышно взрывов, шума моторов, затихли выстрелы стрелкового оружия, и в этот момент тишины по радию все отчетливо услышали: «Помогите! Я, позывной Солтан. Я ранен. Одна нога сломана, вторую оторвало осколком». На помощь выдвинулась группа эвакуации, но ее тут же заметили вражеские дроны. Потерь могло быть еще больше, командир отдал приказ прекратить эвакуацию. По его голосу всем было понятно, как трудно далась ему данная команда, но другого выхода не было, он лишь добавил: «Потерпи, браток, мы тебя обязательно вытащим». И снова голос в эфире: «Я Солтан, меня атакуют вражеские дроны, помогите». Голос был тихим и утасующим.

Примерно через три часа вражеские дроны улетели, и над полем вновь повисла тишина. К танку выдвинулась группа эвакуации, но раненого танкиста найти не удалось, на запросы по радию он не отвечал. Видимо, погиб...

Ближе к вечеру в эфире вновь: «Помогите, я Солтан, я ползу в сторону лесополосы». Посылать группу эвакуации не безопасно, в это время суток активизируются вражеские дроны, снабженные тепловизорами, да и найти в темноте в высокой траве лежащего человека не так-то просто. С рассветом поиски танкиста вновь продолжились, но найти живого или его тело не смогли. Утром третьего дня разведчики обнаружили на краю лесополосы лежащего человека. Это был наш танкист, и, о чудо, он был жив! Обескровлен, обезвожен, тяжело ранен, с едва уловимым дыханием, но жив! Каждый хотел помочь танкисту. Прибывший батальонный врач, тут же оказал медицинскую помощь. На носилках танкиста эвакуировали в госпиталь. Уже по дороге он пришел в себя, и было понятно, что танкист с позывным Солтан будет жить всем смертям назло!

г. Ногинск Московской обл.

ДВА РАССКАЗА

ДАЛИ ДАЛЬНИЕ

Иван Фокин неторопливо шагал по едва заметной колее. Взглянул на чистое небо. Там и сям тянутся легкие перистые облака. Солнце яркое. Он зажмурился. В носу засвербело. Громко чихнул. Фыркнули воробышки из-под ног и возмущенно расчирикались, а потом умчались вдаль. Рассмеялся. Впереди него, не убегая и не отставая, трусил небольшой пёс, то и дело оглядываясь на хозяина. Иногда взлаивал и садился на траву, а потом опять бежал подле него.

— Что, Грэйка, устал? — зашмыгал носом Иван, глянул на солнце и снова протяжно чихнул. — Чуток потерпи. Немного осталось. Заглянем к рыбакам, поздороваемся, а потом доберемся до Антошкиной старицы и там отдохнем...

Сказал, вздохнул и нахмурился.

Собака тонко заскулила, услышав про Антошкину старицу, и снова пустилась в дорогу.

Иван оглянулся на город. Окрина города. Дома, если взглянуть со стороны, росли вместе с городом. Одноэтажные и частный сектор, ба-

ПРОЗА

раки с вечно открытыми дверьми — заходи, кто хочет, гостям всегда рады, а следом дома в два этажа, три и четыре, потом пошли пятиэтажки и среди них, как свечи, торчат высотки, а дальше опять потянулись хрущевки, но уже облагороженные, можно сказать, не высотой меряются, а подъездами — ключики и шайбы, как в простонародье называют эти дома. И до самой окраины тянутся. Глянешь вдоль нее и кажется, будто один дом стоит от края и до края...

Иван Фокин половину жизни прожил в бараке. Когда стали сносить, выделили однокомнатную квартиру в новой пятиэтажке на другой окраине города. Хорошая квартира, просторная. Не то, что комнатуха в бараке. Он вышел на балкон. Виды, только картины рисовать. Такие просторы, аж дух захватывает! Там темнеют Уральские горы, а вдалеке горбатится Зирганская гора. А там, где сплошь стоят деревья, река Белая протекает — быстрая и говорливая. А перед ним множество озер и стариц в обрамлении камыша и зарослей кустарника. И теперь всё это — его! Иван даже не стал делать ремонт в квартире. Так, обои переклеил и всё на этом. И переехал.

Прошло несколько лет с той поры, как он перебрался в новую квартиру на городской окраине. Как-то не сложилась личная жизнь. Так и жил один, пока не подобрал на улице брошенного щенка. Пожалел. Хотел было его накормить и выпустить, а щенок наелся, чуть животом до пола не доставал. И тут же возле чашки уснул, поскуливая во сне. Долго смотрел Иван на него. Жалко стало. Тоже один в жизни. Отпусти его на улицу, он погибнет. Повздыхал и оставил у себя. Грэйкой назвал. Имя громкое и как-то не вязалось с неброской внешностью собаки: черно-белая, местами рыжеватая шерсть видна. Уши почти до земли. И лапы широкие, мужицкие — шлеп-шлеп-шлеп...

Иван Фокин с собакой неторопливо шагали по едва заметным дорогам, которые накатали там и сям. Островки кустарника. Редкие деревья тянулись ввысь. Порывами ветра доносило пение птиц. Не хотелось торопиться. Выходной день, и можно гулять до вечера. Погода позволяла. И они шли по разбитой колее. Иной раз останавливались, если Грэйка видел что-то, и приходилось его ждать, а потом снова шагали.

За спиной зашумела машина. Иван отступил в сторону. «Жигуленок» притормозил.

— Здоров был, Иван! — выглянул водитель. — Опять в дали дальние собрались? Может, подвезти до Антошкиной старицы? Что ноги-то сбивать...

— А, здорово, Федор! — махнул рукой Иван. — Да, отправились в долгую прогулку. А ты на рыбалку? Поздно собрал-

ся. Там наверное, всю рыбу переловили. Ладно, езжай. Сами доберемся.

И снова махнул рукой.

Мотор взревел. И машина рванула по дороге, поднимая пыль.

Грэйка смешно чихнул, неуклюже стал чесать лапой морду, а потом с громким лаем бросился вслед за маленькой пичужкой, но остановился. Сунул морду в траву и несколько раз клацнул зубами, пытаясь схватить кузнечика. Взбрыкнул задом и понесся по дороге, но снова застыл, прислушиваясь, а потом опять ткнулся носом в придорожную траву.

Тонко пахло нагретой пылью. В траве стрекотали кузнечики, которых Грэйка безуспешно пытался поймать и фыркал негодуяще, а потом торопился вслед за хозяином.

— Что, Грэйка, улепетывают от тебя кузнечики? — добродушно посмеивался Иван над собакой. — Эх, ты, охотник!

И Грэйка виновато юлил лохматым хвостом, поглядывая на него, а потом снова срывался с места, словно хотел доказать хозяину, что он ошибается, что он умеет охотиться. Но вскоре снова возвращался с виноватым видом и, понурился голову, плелся возле него и жалобно поскуливал.

— На вот за усердие, — Иван остановился, достал из пакета кусочек колбасы и сунул собаке. — Кушай, Грэйка, кушай. Молодец! Ух, эти кузнечики!

Иван погрозил пальцем.

И собака с благодарностью слизывала широким влажным языком лакомство, в одно мгновение проглатывала его и уже весело виляя хвостом, бежала впереди Ивана, то и дело поглядывая на него, словно поторапливала или хотела удостовериться, что он идет следом.

Иван остановился возле небольшого озера, что расположилось в низинке. Словно блюдце с ровными краями, а в нем отражались облака, плывущие вдаль. А по краю сплошь заросло камышом, в котором видны узкие проходы к воде — это любители рыбалки пробили себе дорогу. И ловят карасиков, и перекликаются друг с другом. Одни про улов спрашивают, а другие нескончаемые новости рассказывают. Таких озер-блюдце много было в округе. В любую сторону иди и обязательно наткнешься на озеро или безымянную старицу, где сидели рыбаки.

Иван присел на бережку. Достал сигареты. Закурил. И сидел, посматривая на голубое блюдце воды в обрамлении камыша, да слушал рыбаков. А Грэйка носился по берегу. Коротко взлаивал, словно хотел сказать: что вы спрятались в камышах, если мы пришли в гости? И мчался дальше.

Сюда приезжали одни и те же рыбаки. Иван успел со всеми познакомиться, и его с собакой хорошо знали в этих мес-

тах. И сейчас, услышав взывание, на берег выбрался уже немолодой рыбак, на ходу вытирая тряпицей грязные руки.

— Здоров был, Иван! — рыбак ткнул широкую мозолистую ладонь. — Слышу, Грэйка гавкает. Ага, думаю, вы появились. И точно! Опять в дали дальние отправились?

Рыбак добродушно захмыкал. Уселся рядышком. Закурил и запыхал вонючим табаком.

— Выходной же наступил, — сказал Иван. — Здрасьте, дядь Петь! Утром поднялся. Грэйке говорю, мол, пойдем в дали дальние? А он, дурашлеп такой, заскулил, запрыгал. Потом притащил поводок и смотрит на меня, что же ты, хозяин, за столом сидишь? Пора в дали дальние отправляться. И не отходил от меня, пока я не стал собираться. Собака, а ума побольше, чем у некоторых людей будет. Всё понимает, только не говорит.

— Знамо дело — умнее, — закивал рыбак, снял фуражку, вытер тряпицей вспотевшую голову и снова нахлобучил по глаза. — Я ведь тоже держал собак. С малых лет с ними возился. Каких только не притаскивал домой!..

И начинался долгий разговор про собак. Иногда к ним подсаживались еще рыбаки. И каждый вспоминал какую-нибудь историю. И каждый норовил сунуть Грэйке какое-нибудь лакомство.

— Как там бабка Дарья поживает? — запоздало сказал пожилой рыбак. — Выберу время, загляну к ней. Рыбки занесу.

Он вздохнул.

— Плачет баба Даша, — нахмурился Иван. — Антошу вспоминает. Одни разговоры о нем. Ладно, мы пойдем. На его место собрались...

Он поднялся и позвал собаку.

И они отправились в дали дальние. Некуда торопиться. Выходной день. Погода ясная, тихая. Радуетя природа опущенным теплым дням, и всё в природе радуется. Вон неугомонные воробьи промчались стайкой. Расчирикались. Посмотришь на них, ну чисто ребятишки носятся. И эти куда-то торопятся. Воробьи — стайная птичка. И ни один воробей не станет есть в одиночку, а обязательно позовет всю семью. Наверное, и сейчас кто-нибудь из них нашел на дороге просыпанное зерно и позвал остальных. А потом еще куда-нибудь полетят. И так до вечерних сумерек...

Иван вздохнул. Да, природа радуется, а у него душа болит. Уж сколько времени ноет, и не успокоишь. Он растер лицо руками, крикнул собаку и зашагал дальше.

Они шли по едва заметной колее. Здесь мало машин. Ну, разве какой рыбак отправится напрямки к своему месту на

каком-нибудь озере или на старице, которых тут было видимо-невидимо. И вот на одну из таких стариц шагал Иван. Он случайно наткнулся на это место. Таких много в округе. И на всех побывал Иван, а сюда он стремился попасть всегда, если с собакой отправлялись в дали дальние.

Старица непримечательная. Копия других. По берегам заросшая кустарником да видны редкие березки, что росли по краю обрыва. Каждую весну в половодье прибывала вода в старицу. Рыба попадала и тут же оставалась, когда спадала вешняя вода. По краю камыш тянулся. Кувшинки видны местами. Вода тихая, словно зеркало, и в ней отражаются облака. Редкий раз проскользнет ветерок по поверхности, зарыбит воду, но немного времени пройдет и снова зеркалом смотрится поверхность. И всегда, когда бы они ни пришли, на берегу сидели два человека. Один ловил рыбу, а другой просто сидел рядом с ним и смотрел на воду. А теперь никто не приходит сюда...

Грэйка, бежавший возле него, остановился. Прислушался. А потом кинулся с лаем к берегу старицы. И заскулил, заюлил хвостом, словно пропеллером, а потом вернулся и снова заскулил, но уже протяжно и жалобно, а в глазах застыл вопрос, где же мой друг Антоша?

— Нет твоего Антоши, — уж в который раз сказал Иван. — Нет его. И не будет. Ушел он в даль светлую, куда нам еще рано отправляться, но когда-нибудь там окажемся...

И собака будто поняла его. Заскулила, словно заплакала. Улеглась на краю обрыва и смотрела на старое бревно, где когда-то сидел Антоша со старым рыбаком, а теперь никого нет. Не стало Антоши, и старый рыбак перестал сюда ходить.

Иван нахмурился. Достал из пакета бутерброд, горсточку конфет и положил на край обрыва. Всякий раз, когда приходил сюда, прихватывал гостинчик для Антоши. Потом спустился к старице и присел на старое бревно, посматривая на тихую воду.

Антоша-дурачок, как его называли в районе, с бабкой Дарьей жил неподалеку от Ивана. Он постоянно пропадал на старице или бродил по округе. Присаживался к рыбакам и смотрел, как они ловили рыбу. И по-детски радовался, когда кто-нибудь давал с пяток-другой мелочевки, чтобы домой отнес. И Антоша тут же бежал домой, держа в руках пакет, где лежали несколько рыбок. А потом возвращался. Шмыгал носом. Вытирал нос рукавом рубашки или потрепанной куртки. Снова усаживался на бревно и застывал, посматривая на воду.

Антоша был неуклюжим, с несуразной фигурой, которая больше походила на грушу. Потрепанные штаны с крупны-

ми латками на коленях. Рубашка наружу выбилась из штанов. Ворот рубахи всегда расстегнут, а может, пуговиц не хватало. Растоптанные туфли на ногах. А на круглой голове кепка, которая едва держалась на затылке. Крупная круглая голова с реденьким пушком, такая же щетина. Лицо маленькое, всего лишь с ладошку, на котором небольшие мутные глаза, нос-пуговка и губы, которые постоянно шевелились. Станный взгляд, когда он смотрел на тебя. Вроде смотрит, но в то же время казалось, что он глядел сквозь человека, куда-то за спину, а может, он заглядывал в души людские. И невольно поежишься, вспоминая этот взгляд...

Говорили, будто дочь еще по молодости привезла Антошу к матери и оставила. Ей нужно было свою жизнь устроить, а не каждый мужик согласится воспитывать дурачка, как она сказала, и укатила, но пообещала, что станет помогать деньгами и одеждой, ну и еще чем-нибудь. Неопределенно покрутила рукой и умчалась, напрочь позабыв о нем, как и о матери тоже. Редкие письма или открытки, а потом и вовсе перестала писать. Видать, личная жизнь куда дороже, чем родные души.

Бабка Дарья лаялась. Всяко поносила и родную дочь, что такой хомут повесила ей на шею, и на Антошку ругалась, что вымахал оглобля оглоблей, а ума боженька не прибавил. И всё просила врачей, чтобы ей помогли. Пусть не пилюлями, а хоть совет дадут, что делать, чтобы у него хоть капелька умишка появилась. Как же он будет жить, если я помру? Вы уж подсобите... А врачи только разводили руками. Ну какой совет, баб Дарья? Если твой боженька ума не дал при рождении, мы ничем не поможем. Таблетками ума не прибавить, а в интернат не хочешь его сдавать. Жил бы с такими же, как и сам. Ты уж терпи, баб Дарья, если внука не хочешь отдавать. И выпроваживали из кабинета.

Антошка жил в своем мире. Радовался каждому человеку. Улыбался, подергивая губами. В такие моменты его лицо расплывалось. И без того маленькие глазки прятались на широком лице. Нос пуговкой торчал и широкая улыбка. Тянул руку к прохожим, словно хотел поздороваться, и всё пытался что-то сказать или рассказать. Махал руками, куда-то показывая, стучал в грудь и снова махал, словно говорил, что он был там, а может, звал за собой, но люди не понимали его. Одни проходили мимо, будто не замечали его, другие дурачком называли и крутили пальцем у виска и шарахались от него, как от прокаженного, словно опасались заразиться. А Антоша не понимал. Он смотрел на людей и радовался им, и всё пытался помочь, но люди не принимали его помощь. Зато

его любили животные, которые жили в районе. Не успеет выйти во двор, как к нему отовсюду тянулись с десяток кошек и собак. Антоша усядется на лавку. Они облепят его со всех сторон, а он заливается. Гладит животных, прижимает к себе и что-то нашептывает. И, как ни странно, они словно его слушали. А потом он поднялся и вихлястой походкой шагал в сторону озер. Бывало, животные вслед за ним тянулись. А Антошка остановится, погрозит пальцем, начнет быстро лепетать и, глядишь, животные отстали. А потом возвращаются. Вот и задумаешься, глядя на людей и животных...

— Что, Грэйка, скучаешь по Антоше? — повернулся Иван, когда рядом с ним послышалось тихое поскуливание. — Вот и я скучаю.

Иван потрепал за холку собаку и прижал к себе.

Антошка с баб Дарьей проживали неподалеку, но Иван увидел его впервые на этой старице. Как обычно, шагали с Грэйкой в дали дальние, как он называл долгие прогулки. Заметили рыбаков. Остановились на берегу. Грэйка был осторожным псом. Чужих не подпускал к себе. А тут словно его подменили, когда услышал, как Антоша стал звать к себе. Заскулил, заюлил хвостом и кинулся к нему, словно родную душу повстречал. И Антоша обнял его за шею, гладит, а сам что-то нашептывает ему. И Грэйка стоял, не шелохнувшись, словно понимал, о чем он говорит, а потом принялся лизать его грязные руки, облизывать щетинистое лицо, а Антошка заливался в счастливом смехе, и прижимался к собаке, и гладил ее, и снова что-то говорил, им одним понятное.

— А это еще что за чудо чудное? — удивленно сказал Иван, кивая на Антошу. — Откуда он взялся? И не боится же собаку.

Он качнул головой.

— Это местное чудо зовут Антошей, — усмехнулся старый рыбак. — Главный специалист по кошкам и собакам. Ни одна животина не укусила его. И старица тоже Антошина. Набрел на эту старицу. Глядь, он сидит и даже не замечает меня. Я присел рядышком. Рыбу ловлю. С ним поделился. А потом оказалось, он тоже на окраине живет. Так и рыбачим вдвоем с той поры.

Иван надолго в тот день застрял на старице. С рыбаком разговаривал. А Грэйка с Антошей наиграться не мог. И уходили тогда, а собака всё оглядывалась, словно Антошу за собой звала, и поскуливала, поглядывая на хозяина, что же ты не берешь его с собой. И взлаивала, обратно просилась. Никак не хотела расставаться с Антошей. Животные чувствуют душу человека. Светлая она, чистая была...

И с той поры, как только уходили с Грэйкой в дали дальние, собака утягивала его на старицу, словно чуяла, что Ан-

тошу повстречают. И правда, Грэйка ни разу не ошибся. В любое время приди на старицу и увидишь под обрывом Антошу, который сидел возле старого рыбака и смотрел на воду. Он не разговаривал. Да и понять его нельзя было. Речь неразборчивая, отрывистая. Редкий раз слогами скажет, а ты сиди и думай, что он хотел сказать.

Зато Грэйка понимал его без слов. Наступал выходной, и с утра пораньше Грэйка собирался в дали дальние. Иван не мог понять, как собака угадывала, что сегодня выходной, и они отправятся в долгую прогулку. Ранним утром Грэй начинал метаться по квартире, словно подгонял Ивана: что ты лежишь? Ведь нам пора отправляться в дали дальние, где нас уже ждет Антоша. И приходилось подниматься. Собирались. Иван делал бутерброды. И они отправлялись на прогулку. И куда бы ни шли, но все равно оказывались возле старицы. И Грэйка останавливался на мгновение, поводя ушами, а потом срывался с места и с лаем мчался под обрыв.

— Ге-ка, Ге-ка... — донесся неразборчивый голос, и опять загекал. — Ге-ка...

Так Антоша называл Грэйку.

Иван подошел к краю невысокого обрыва, под которым в тени куста сидели два человека. Один рыбачил. А другой обнял за шею Грэйку и что-то бормотал ему, что-то рассказывал, а сам наглаживал собаку и та, прижимая уши, слушала его, а потом начинала лизать руки и лицо Антоши.

— Здравствуй, Антоша, — ласково сказал Иван. — Кепка красивая. Подарили, да? А кушать хочешь? Айда, я тебе кусочек колбасы дам. Здравсьте, дядь Лёнь! Снова на пару рыбачите?

— А, Ванюшка, здоров был! — повернулся рыбак. — Я слышу, собака гавкает. Так и подумал, что вы идете. А мы с Антошкой давно уж тут. Он каждый день поджидает меня возле подъезда. Так и ходим вдвоем. Я ловлю, а он развлекает меня. Хе-х!

Старый рыбак мелко засмеялся. И снова взгляд на неподвижный поплавок.

Иван покопался в пакете и достал бутерброд с колбасой и протянул горсточку конфет. Антоша взял и закивал головой — спасибо говорил. А у самого взгляд мутный, плавающий. Вроде на тебя смотрит, но в то же время словно сквозь тебя или в душу твою заглядывал.

— Кушай, Антоша, кушай, — провел Иван по его плечу. — На рыбалку пришел? Это хорошо! Рыбку наловите. Баб Дарье отнесешь. Пожарит со сметанкой или уху сварит. Вкусная она — рыбака-то!

Он причмокнул.

И Антоша радостно закивал. Уселся на берегу. Хвастается перед старым рыбаком. Потом стал торопливо жевать, роняя крошки на колени. А Грэйка рядом сидел, слизывая крошки с него, и вилял лохматым хвостом, словно еще выпрашивал.

А вскоре Антоши не стало. Ушел из дома и не вернулся. Через два дня нашли в другом конце города. В овражке лежал. Мальчишки наткнулись. Сказали, сам погиб. Сорвался вниз, ударился головой. И всё — не стало Антоши.

А потом были похороны. Тянулись старухи к дому, где жил Антоша с бабкой Дарьей. Заходили. А потом возле подъезда вытирали слезы и всё вспоминали его — Антошу — эту светлую душу.

Иван тоже пришел. Постоял возле лавки, на которой сидели старухи, парой слов перекинулся с хмурыми соседями, которые стояли тут же и смолили одну за другой сигареты и папироски. Потом Иван медленно поднялся в квартиру. Убогая обстановка. Вязкий запах тлена и воска. Тяжело пахло корвалолом и валерьянкой. И еще стоял какой-то запах, но Иван не мог разобрать. Он шагнул в полумрак квартиры. Посреди стоял простенький гроб на табуретках. Антошка лежал, руки на груди, на губах застыла едва заметная улыбка, словно он, мертвый, усмехался над ними — живыми, что вы еще здесь, а я уже далеко, в даль светлую ушел. Глаза полуоткрыты. И взгляд, от которого не скрыться. Как будто в душу заглядывал. Не по себе становилось от него, словно Антоша хотел о чем-то спросить, но ответа так и не дождался.

Возле него сидела бабка Дарья. Покачивалась на табуретке, не отрывала взгляда от Антоши, а сама потихонечку поглаживала темными шишकाстыми пальцами его лицо, проводила по сложенным рукам, потом опять начинала гладить его лицо.

Иван постоял рядом. Старухи топтались возле него. Всхлипывали. Зажигали свечи. О чем-то шептались. Тянуло запахом еды и тлена. Иван закрутил головой. Рванул ворот рубашки, словно воздуха не хватало, и медленно вышел.

— Как же бабка Дарья станет жить без него? — хмуро сказал кто-то из соседей. — Она и жила-то ради него, а теперь... Как же будет жить, а?

Но все молчали.

Вопрос ни к кому, но Иван растер грудь. Засаднило. Душа заболела.

А когда пришло время и простенький гроб вынесли к подъезду, отовсюду заспешили кошки и собаки. И закрутились возле людей. И казалось, сейчас донесется Антошин смех, и он станет обнимать их, что-то нашептывая.

И завывла бабка Дарья, когда подняли его и понесли к до-
роге, а следом потянулись соседи...

... — Как же бабка Дарья жить-то станет? — повторил Иван
и поднялся с бревна, выбрался на обрыв и медленно зашагал
в сторону дома. — Как жить станет без Антошки-то? Одна
радость для нее была, а теперь...

Он вздохнул и замолчал.

Собака глянула на него. Тонко заскулила. Понурила голо-
ву и затрусилась рядом с ним.

Иван невольно остановился и развернулся, когда за спи-
ной, как показалось ему, раздался голос:

— Ге-ка! ге-ка!.. — молчание и снова. — Ге-ка...

Грэйка остановился, гавкнул. Хотел было кинуться обрат-
но, но поник головой, коротко заскулил и побрел по зарос-
шей колее, то и дело оглядываясь...

СВЕТЛАЯ ТИШИНА

Было раннее утро, когда Петр Воронин вышел на крыль-
цо и невольно прислушался. Солнце едва показалось над
лесом, но уже по деревне разносились голоса, в основном
женские, и редкий раз слышались мужские. Жители торо-
пились на работу. Доносились разговоры, смех, а там кого-
то окликнули. Он протяжно зевнул. Потянулся. Передер-
нул плечами. На гимнастерке звякнули медали в два ряда.
Босым прошлёпал по влажным доскам и уселся на ступень-
ку. Достал махру. Закурил. Попыхивая сизым дымком,
взглянул на утреннее солнце и заулыбался. Всё, наконец-то
он вернулся домой...

Он смотрел на родную Васильевку, что пораскинулась по
отлогим холмам, прячась среди кустов да черемушника. А
там извилистая, но быстрая речка Ветвянка протекает. И все
они — речка говорливая да деревня всякий раз приходили в
снах, а еще молодая жинка Анютка снилась. Очнется, а сам
губы трубочкой тянет, словно целовался с ней, а бывало, что
сын, Василек приходил во сне и даже голос его слышал.
Тянется к нему, чтобы на руки взять, а сынок скользнет меж-
ду руками и исчезнет. И тоскливо становилось на душе, что
не удастся на сына посмотреть, которого никогда не видел.
Потом доставал листок бумаги, на котором была обведена
детская ручонка, приложит к своей широченной ладони и
сидит, улыбается, словно Васятку за руку подержал...

Да, слишком долгим оказался его путь домой. Всю Европу
пешим ходом прошел. И отступить приходилось. И в окру-

жение попадали, но с боями выходили и снова стояли на смерть за свою Родину. И друзей-товарищей хоронил, и сам в госпиталь попадал. Потом снова в часть. А потом уж пошли в наступление. До самого Берлина прошагал с боями.

Вволю с Анюткой нажиться не успели. Словно чуяли, что война начнется. Негоже вёснами свадьбы играть, как все говорили. На это осень есть. Мы не станем ждать вашу осень. В райцентр поедем и распишемся. Ладно, Петру некому было советовать. Рано остался без родителей. А Анюткина мать была не против такого работающего зятя. Петр столкнулся с председателем. А что тот мог сказать, если сам ставил Петра бригадиром механизаторов. Парень серьезный. Двадцать пять лет и бригадир — это серьезно. Постояли, поговорили, а потом председатель махнул рукой: мол, женись. В мае — маяться, а вот в июне свадьбу сыграем, а колхоз поможет.

— А почему до осени не хотите ждать? Осень — время свадеб. Эх, погуляли бы!..

— Не знаю, — мотнул головой Петруха. — что-то души наши тревожит. Кабы чего не случилось.

Он неопределенно покрутил в воздухе рукой.

...Две недели прошло после свадьбы, как началась война. Завыли бабы по деревне, провожая мужиков и сыновей на фронт. Всё меньше и меньше оставалось мужиков в деревне. А вскоре принесли первые похоронки. Заплакали бабы, получая их. И закружились журавушки над родными домами. И закурлыкали протяжно и печально...

А Петруха устал обивать пороги военкомата: какую-то хворобу у него нашли. И принялись мытарить его по врачам. Хотели уж вовсе списать подчистую, но Петруха на дыбы поднялся. Какая хвороба? Врачи ничего не понимают. Да я подковы в руках гну. Да я бычка на колени одним ударом ставлю. Было и такое с ним. С Анютой шли, а бычок вырвался и ринулся на малышей. Растоптал бы, да Петруха проворнее оказался. Подскочил к бычку. Рванул за рог. И кулачищем врезал промеж глаз. Бычок качнулся. Повело его, словно пьяного, и сунулся он на колени. Потом только и разговор было по деревне, что он быка одним ударом чуть не пришиб. Едва отлили животину...

— Петь, а может, врачи правы, что не пускают на войну? — сказала Анютка. — Хворью не шутят. Подлечился бы, а с Гитлером бы другие управились...

— Что ты болтаешь? — взбеленился Петруха. — Мужики на фронт, а я подле юбки буду сидеть? Да ни за что! Они не пустят, сам уйду. Собирай вещмешок, пока в военкомат хожу. Ишь вы!..

Он погрозил пальцем жене и выскочил на улицу.
А через несколько дней он ушел на войну.

Скрипнули половицы. Хлопнула дверь. И рядом с ним присела его Анюта — худенькая, словно тростиночка. Следом за ней вышел малыш и остановился, поглядывая на них. Нет, в основном он глядел на Петра, отца своего, не решаясь подойти. Василек родился уже после того, как Петра забрали на войну. И сейчас стоял он и исподлобья смотрел на него, а потом раскинул руки и неуклюже затопал к нему.

— Васька, подь сюды, — оглянулся Петр. — Вчера даже времени не нашлось тебя потискать. Только и смог, что понынькать тебя ночью. Накось, я гостинчик тебе из самой Германии привез.

Он покопался в кармане и достал оттуда сверкающую на солнце губную гармошку. Потер об рукав, поднес к губам и заливчато пропиликал на ней.

— Васенька, глянь, какую гармошку привез твой папка, — сказала Анюта и прижалась к мужу. — Айда к нам, сынок!

Василек не удержался. Подошел. Отец подхватил его. Посадил на колено. Теплом пахло от него, а еще молоком. Сбоку притулилась жена. А Петр сидел, вдыхая запах молока от сына, слушал его щебетание, искоса поглядывал на Анюту, а в душе была радость. Господи, как же хорошо!

Петр вчера вернулся в деревню. Долго добираться пришлось от самого Берлина. На каждой станции останавливались. И везде песни и пляски, а уж как гармони заливались — тоскливо было слышать. И везде были слезы и радость. А когда показались знакомые места, он заторопился. Распрощался со всеми, состав притормозил на минутку, Петр спрыгнул на землю. Вышел и рассмотреться не мог на родные леса и перелески, на поляны и речушки, на холмы и низины, затянутые молочным туманом, а над ними там и сям кружились журавушки...

Он постоял, глядя вослед составу. Помахал рукой, прощаясь с боевыми друзьями, и казалось, что вместе с ними обрывается нить, связывавшая их всю войну. Вот сейчас состав скроется за поворотом, и он останется один в этой жизни и уже не будет рядом с ним плеча, которое поддержало бы в минуту опасности. Там была война и боевые друзья, а здесь его ждет мирная жизнь, от которой он отвык. И поэтому растерялся в первые мгновения...

А потом вскинул на одно плечо вещмешок, на другое повесил трофейный аккордеон и зашагал по дороге. Он не умел играть. Говорил, проще фашисту голову отвернуть, чем меня научить нажимать на эти пуговки да клавиши. И кивал на

кнопки, а потом смеялся, рассматривая огромные лапищи. А аккордеон прихватил для своего дядьки, которого после госпиталя списали. Пусть играет, людей веселит. А губную гармошку — новенькую совершенно, выменял на тушенку. Васильку своему вёз, которого еще не видел. И про Анюту свою не забыл. Тоже гостинчики прихватил.

Он шагал по дороге. Редкий раз останавливался. Курил, а сам головой крутил во все стороны. Каждую мелочь рассматривал, словно впервые видел. А когда добрался до речки Ветвянки, запела душа его. Еще немного, и покажется родная деревня. В коротких снах приходила. И Анюту свою видел, обнимал ее и целовал...

— Петруха, ты, что ли? — зашумела машина и, поднимая клубы пыли, остановилась. Хлопнула дверца. — Садись, солдат! Мигом домчу до твоей Анюты. Заждалась она. Каждый день с сыном на дорогу выходила и ждала тебя. И так каждый раз...

— Колька, здоров был, солдат! — Петр забрался в кабину и принялся тискать Николая Гаврилова, который ушел на фронт одним из первых, умудрившись приписать себе лишние годы. — Я вышел на станции, а на душе тоска, словно нить с прошлым оборвалась. Как сам-то поживаешь?

И только сейчас заметил покалеченную кисть, на которой едва виднелись обрубки четырех пальцев.

— Во, живу! — Николай поднял большой и единственный палец на покалеченной руке. — И рюмку держу, и баранку кручу. Жениться успел. И даже мальца сострогали, а жинка уже второго ждет. Сказал ей, будем навестывать, что в войну не успели.

Захохотал. Сам во весь голос смеется, а голова то и дело дергается. Видать, контузия...

— Давно вернулся? — спросил Петр, а сам то и дело поглядывал по сторонам. — Кто еще возвратился домой?

— Сам понимаешь, первыми вернулись покалеченные, — покосился Николай. — Вон у Ерохина Алешка погиб, а старшие пропали без вести. Так Ерохин в госпитале подобрал мальчика. Как две капли на Алешку похожий, даже имя и фамилия такие же. Сыном стал... Да, что говорить, во время войны возвращались покалеченные в боях, а сейчас потянулись остальные. Сам всё увидишь, когда приедем.

— Заглядывай вечером, — сказал Петр. — Отметим мое возвращение. Останови тут. Я напрямки доберусь.

— Загляну, — сказал Николай. — Все придут, когда узнают, что ты вернулся. Жди гостей, Петруха! Новости быстро разнесутся.

Сказал, громко захохотал, голова задергалась, и он помчался, поднимая тучи пыли.

Петр постоял возле мосточка через Ветвянку. Когда-то сюда с дружками бегали ловить пескарей да верховок. Много рыбьей мелочевки собиралось подле мостка, хватая с поверхности всякие соринки. И он с мальчишками, вооружившись кривыми удилишками, стояли на мостике, дергая пескаришек.

Он вздохнул. Хорошие были времена, беззаботные. Петр закрутил головой. Решал, какой дорогой податься к дому. Взглянул на солнце. Чихнул. Засмеялся. Потом вещмешок на одно плечо, аккордеон на другое, пилотку на бровь и зашагал по тропке за кустами, что разрослись вдоль речки.

Он шагал, посматривая по сторонам. По правую руку холмы, сплошь заросшие густым лесом. А за речкой, вдоль которой он шагал, была его родная деревня, которая мелькала в прогалах между кустами. Отсюда было слышно, как гавкали собаки по деревне. Редкий раз голосили петухи. А там мукнула корова, и Петр удивленно мотнул головой — кормилица.

Остановился. Отсюда едва была заметна крыша его дома. Хотелось бросить всё и помчаться к нему. Николай говорил, что Аюта ждала его. Каждый день выходила на дорогу и подолгу смотрела вдаль. Наверное, и сегодня засобиралась бы. Но всё, ожидания закончились. Он вернулся.

Петр спустился к речке. Узкий мосток так и стоял. Когда-то очень давно, как ему казалось, они с Анютой любили стоять на нем. А то садились, свесив ноги в воду и бултыхали, пугая рыбью мелочь. Давно это было. В той, в мирной жизни.

Он докурил, но не стал выбрасывать окурок в воду, а вытрусил в кيسет остатки махры, выбрался на обрыв и вот он — его родной дом. Аж дыхание перехватило, когда его увидел. Он на мгновение остановился. Поправил пилотку, вещмешок на плече и по меже заторопился к дому. А сам невольно подмечал, что со дня на день нужно убирать картошку. Неважная уродилась. И огород не полностью засеяли. Оно и понятно — война...

Петр подошел к задним воротцам. Остановился, осматривая прибранный двор. Поперек веревка натянута, подпертая длинной палкой. На веревке детские вещички. С некоторых еще капает вода. Видать, Анюта затеяла постирушки. Он приоткрыл воротца. Тихо прошел по двору и уселся на ступеньку крыльца. Все, вернулся, и для него война закончилась, но в снах так и будут приходить они — друзья-журавушки с душами солдатскими. И снова пойдешь с ними в атаку, как уже не раз бывало...

Петр закурил. Поставил вещмешок и аккордеон на ступеньку. Прислушался. Вроде тишина в избе. Ан нет, донес-

лись легкие шаги. Медленно заскрипела дверь, и на пороге появился малец в рубашонке и с голыми ногами. Увидел его — незнакомого дядьку и заревел, а потом снова скрылся в доме. Опять шаги. И Анютин голос. Снова распахнулась дверь. И на пороге появилась она. С недоумением взглянула на него. Покачнулась. Махнула рукой, словно привиделось. Сделала шаг-другой и медленно стала валиться вдоль стены.

— Анютка, очнись, — Петр подхватил ее, невысокую и худенькую, словно тростиночку, и прижал к себе — крепко и надежно. — Я вернулся, Анюта. Вернулся...

И принялся целовать ее, а сам говорил и говорил, пока не раздался плач сынка.

— Василек, вот ты каким большим стал, пока твой папка на войне был, — он подхватил сына на руки и потерял щетинистой щекой. Раздался громкий плач, и малец стал вырываться. — Васька, упадешь же!

— Васенька, это же твой папка с фронта пришел, — и смеялась, и плакала Анюта, а сама продолжала прижиматься к нему. — Живой... живым вернулся. А я уж боялась, когда в последнее время перестали письма приходиться...

И заплакала, прижимаясь к нему. А потом всплеснула руками.

— Что же мы стоим на пороге? — она принялась подталкивать его. — Ты же устал с дороги. Пройди в дом. Потом поговорим, потом...

Он поднялся и шагнул к двери. Всё, он вернулся...

А вечером потянулись гости. Весть, что вернулся Петр Воронин, быстро разлетелась по деревне. И потянулись жители к ним. И каждый приносил узелок или сверток, а мужики доставали из кармана бутылку и ставили на стол, где уже к тому времени виднелось несколько — разнокалиберных. Женщины собирали на стол. Другие просто топтались в задней избе. А мужики расположились в горнице, где во главе стола сидел Петр в гимнастерке с наградами на груди, а остальные расселись подле него и неторопливо вели разговоры, ожидая, когда позовут за стол.

— Ну, солдат, с возвращением! — поднялся худой, изможденный дядька Илья, который до сих пор не оклемался после тяжелого ранения. — Выпьем, братцы, что живым вернулся. Дождалась Анютка своего мужика. Вымолила перед боженькой. Выпьем...

И медленно выцедил из стопки.

— Ты чего болтаешь, старый? — одернула его жена, тетка Наталья. — Не поминай Господа нашего всуе.

— И правильно сделала, что вымолила, — повысил голос дядька Илья. — И не одергивай меня, когда говорю, в рот пароход!

Он грозно посмотрел на жену, погрозил пальцем и уселся на лавку.

Петр Воронин засмеялся, услышав любимое дядкино — в рот пароход. Это выражение он применял везде. Он часто вспоминал на фронте, как дядька ругался.

— Ну а теперь помянем всех, кто не вернулся с войны... — кто-то сказал за столом.

Снова налили. Выпили. Потянулись к закуске. Брали понемногу, для вида только. Снова выпили. Бабы — они слезливые. Одна захлюпала носом, вспоминая погибшего мужика. За ней другая заплакала. И третья, и пятая... много васильевских мужиков полегло на полях сражений...

Мужики потянулись на перекур. И каждый старался угостить Воронина табачком.

— Ну, молодец, что вернулся живым, — отовсюду говорили мужики. — Нашего полку прибыло. Это хорошо. И твоя Анюта радуется, что не вдовой осталась в свои годы.

Они стояли на крыльце и степенно разговаривали. Вроде обходили тему войны, а глядишь, о ней опять говорят.

— Мне повезло, я считаю, — попыхивая самокруткой, сказал Петр. — Отделался малой кровью. За всю войну три легких ранения да несколько царапин. И за спины товарищей не прятался. И в атаки ходили. И отбивали атаки. Даже в рукопашной бывал. Помню, в атаку пошли. Фашисты надоедали на этом участке. Нам приказали выбить гадов, занять их позиции и удержать до подхода наших сил. Поднялись в атаку после артподготовки. А фашист лупит и лупит. Залегли. Потом снова вперед. И опять нас к земле прижимают. Уж близко окопы фрицевские. Кричу, мол, братцы, а не надоело ли кланяться? Вскочил и кинулся к окопам. Фрицы не успели глазом моргнуть, как мы свалились им на головы. И тут я понял, почему атаки захлебывались. Там фашистов, как тараканов было. Не развернешься! Автомат за спину. Нож выхватил. Одного успел ударить, а нож застрял. Тут кинулся другой на меня. Увидел, что я без оружия. Решил, что справится. А я схватил за грудки, как врезал по башке, тот дух и испустил. Я второго хватаю и снова одним ударом отправил на тот свет. И еще одного... Фрицы дважды стреляли, но, видать, с перепугу промахнулись. В общем, заняли позиции. Пленных отправили в штаб, а они там лопочут и показывают, как от моих ударов головы лопались. И смех, и грех, как сейчас вспоминаю. А тогда было не до смеха, когда фашистам на головы свалились. Не все вернулись из того боя живыми...

И Петр нахмурился, вспоминая.

— А я до сей поры не могу забыть взгляд паренька, когда освобождали небольшой городок. В дом заскочил. Темно. Слышу шорох в одной из комнат. Крадусь туда. Хотел, было, гранату кинуть, а там два испуганных пацана стоят и что-то лопочут. Я автомат едва опустил, как чья-то тень мелькнула, и удар ножом в спину. Развернулся и полоснул из автомата. А передо мной подросточек, пацан еще. В руках нож зажат, а сам медленно съезжает по стенке, а в глазах удивление и боль. Знать бы, что пацан, я бы ни за что не выстрелил...

— Он же ножом тебя, — кто-то перебил. — А ты жалеешь...

— Да чёрт с ней — этой спиной, — заматерился мужик. — Он в подсумок попал. По спине едва чиркнул. Но ведь же пацана застрелил, а не фашиста. У него ума кот наплакал, а их кинули против нас. Ребятишек заставили воевать — это страшно. А я до сих пор не могу забыть его взгляд...

Он сказал и замолчал, поглядывая на руки.

— На, Корней, закури, — кто-то толкнул его и протянул кисет. — Война сволочная! Гитлер этот... Столько горя принес людям — и не счесть.

— Я тоже считаю, что отделались малой кровью, — задумчиво сказал дядька Илья. — у нас в семье на войну ушли все мужики. Федор погиб на Курской дуге — в танке сгорел. Да младший пропал без вести. Может, еще отыщется. А остальные раненые, контуженные да покалеченные вернулись. Главное, войну прошли и живы остались. А у других все полегли в этой страшной войне...

Вздохнул и взгляд в землю.

— Братцы, айда, выпьем за всех, кто не дожил до нашей победы, кто лёг во сыру землю, — сказал Петр Воронин и принялся подталкивать мужиков. — Пока мы живем, и они будут жить. Айда, мужики, помянем!

Они уселись за стол. Выпили. Помолчали. Каждый думал о своем. Опять разлили по стопкам. Выпили. И потянулись к закуске.

Кто-то затянул протяжную песню. Другие подхватили. И в избе уже запели, а другие сидели и слушали. Вроде недолго сидели, но некоторых развезло. И жены подхватывали их и уводили домой. А на их места приходили другие. И опять поднимали стопки за возвращение, за победу и за тех, кто остался лежать на земле. И всякий раз мужики выходили на крыльцо, чтобы покурить и в который уж раз вспомнить всех, кто не вернулся с войны...

Петр заметил Ефима. Ему уже шепнули про его горе. Немного не дождалась Марийка своего солдата. По весне утонула в Ветвянке, спасая детдомовских ребят, которые отправились на станцию, чтобы ехать на фронт. До станции не

добрались. Под лед провалились. А Марийка слышала крики. Кинулась на помощь. Спасла ребят, а сама ушла под лед. Искали мужики, но бесполезно. А ночью начался ледоход. Так и не смогли найти ее. Лишь крест поставили на берегу в том месте, где она утопла...

— С возвращением, солдат, — к Петру подошел Ефим, который заметил его взгляд. — Радость для Анютки. Живым вернулся.

Сказал, а на лице словно маска.

— Как ты поживаешь, Ефим? — запнулся Петр, стараясь не напоминать о беде. — Давно вернулся?

— В начале лета приехал, — помолчав, сказал Ефим. — Говоришь, как живу... Пршлым живу, настоящим, а в будущее не заглядываю, потому что его нет для меня.

Петр стоял и не знал, что сказать. Наверное, и он бы стал так жить, будь на месте Ефима. Слишком тяжелый груз лег на его плечи, а получится ли этот груз скинуть — неизвестно...

— Да уж, война проклятушая, — вздохнул Ефим, а потом кивнул на Ерохина, который опирался на костыль, а рядом с ним стоял малец. — Вот, кому досталось. Трех сыновей проводил и ни один не вернулся. Младший, последышек, погиб. А старшие пропали без вести. Сам Ерохин пошел на фронт, чтобы отомстить за сыновей, а в госпитале мальчика повстречал. Сыном стал для него. Сейчас избу ставит. Надеется, что старшие отыщутся и вернуться. Пусть надеется. Пусть этим живет, потому что без надежды человек помрет. Вон, глянь на двух Иванов — большого и малого. Сына потерял. И половину страны прошел, чтобы его найти. И нашел, и двух племяшек разыскал. У нас остались. Видишь, Петро, что вера с человеком делает. И войну мы выиграли, потому что верили в нашу Победу. Верили, понимаешь...

Сказал, взглянул на Петра, а в глазах боль по Марийке, и потихонечку подался со двора...

Давно уже наступил вечер, а гости продолжали тянуться. И каждый норовил поручкаться с Петром. Радость, что он вернулся живым, была общей. Ведь сколько осталось лежать на полях сражений — и не сосчитать. И поэтому с радостью встречали всех, кто вернулся живым. Пусть без руки или ноги, пусть контуженный, пусть покалеченный, но живой. И поэтому радовались.

И Петра каждый старался спросить: а не встречал ли ты наших сыновей или мужей? И плакали, когда он говорил, что не виделся. Ведь там столько народу, что потеряться легче легкого, а уж повстречать знакомых — это несбыточная мечта.

Гости больше разговаривали да песни пели, а еще плясали. И снова садились за стол. А мужики выходили на улицу, чтобы покурить. И вели долгие разговоры. Обо всем говорили, но все разговоры сводились к войне, и начинались воспоминания...

Далеко за полночь разошлись гости. Петр вышел за калитку. Постоял, посматривая по сторонам. Потом вернулся во двор. Уселся на ступеньку. Закурил. Прислушался к засыпающей деревне. В редких избах тускло светились окна. Там забрехала собака и тут же умолкла от грозного окрика. За спиной тихо скрипнула дверь. Донеслись легкие шаги. И рядом с ним, с сыном на руках, присела Анютка.

— Наигрался с гостями, а теперь не уложишь, — шепотом сказала она и притулилась к его плечу. — Разыгрался. До сих пор бормочет. Видать, с кем-то разговаривает.

— Дай мне Васятку, — шепнул он, забрал сына, аж дыхание перехватило, когда от него пахнуло молоком и еще чем-то, а чем — не мог понять. — Засыпает...

Он прижал к себе сына — сонного, обмякшего. Прикрыл краем одеяльца. Ночи прохладные. Анютка прислонилась к нему и тоже притихла. Даже дыхания не слышно. Петр сидел, стараясь не шевелиться. Прислушивался к заснувшей деревне. Редкий раз взбредет собака спросонья и снова тишина. Он взглянул в иссиня-черное небо, по которому рассыпались мириады звезд. А на душе был покой. И никуда не нужно бежать, и никто не закричит «В атаку!» Всё, он дома.

— Тишина-то какая светлая! — едва слышно сказала Анюта. — Глянь, и Васенька на твоих руках быстро заснул. Положить бы его...

— Айда в избу, Анюта, — шепнул он. — Поздно уже. Утомилась с гостями за весь день-то. Пора и нам прилечь. Завтра к Ерохиным схожу. Избу ставит. Негоже дома отсиживаться. Нужно помочь.

— Отдохнул бы, Петь, — шептала Анюта.

— Успею отдохнуть, — сказал Петр. — Теперь я дома. Айда в избу, Анютка...

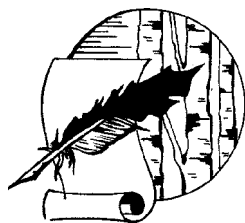
Они поднялись и пошли в избу. На пороге Петр остановился. Оглянулся и прислушался:

— И правда, Анюта, тишина-то какая светлая!..

Сказал и скрылся в избе.

Стояла темная августовская ночь. Над головой всюду светили мириады звезд, а над округой стояла светлая тишина...

г. Салават, Башкортостан

Анатолий ДРОЖЖИН

Анатолий Сергеевич Дрожжин родился 28 октября 1937 года в деревне Козинка Комаричского района Брянской области. Несмотря на юный возраст, ему пришлось испытать наравне со взрослыми все ужасы войны: голод, оккупацию, бомбёжку. Его семья была угнана фашистами в Белоруссию, приходилось просить милостыню, скитаться по чужим краям: «Кто-то обнимал нас на пороге, кто-то не пускал на свой порог», — напишет он. А по возвращении в родную деревню, сожжённую дотла врагами, пришлось жить в землянках, заново отстраивать дома, через тяжёлый труд, голод, холод строить новую жизнь. Всё это обрушилось на детские плечи: он научился пахать, косить — единственный мужик в семье. «Но не помню, словно бы отшибло, детства, что осталось за войной». В 17 лет он уже работал на уральских шахтах забойщиком. Затем годы армейской службы в танковых войсках. Уже тогда — писал стихи и записывал их в тетрадь.

В начале 1960-х, когда уже была семья, двое детей, его неугомонная душа, жажда познания привели на рыболовецкое судно в северные моря. Затем годы учебы в Литературном институте им. А.М. Горького, который не пришлось закончить. Первый сборник стихов «Белые берега» издан в 1972 году в Приокском книжном издательстве (г. Тула). Вступительная статья написана Егором Исаевым, ранее рекомендовавшим его в Литературный институт, с верой в его большое будущее: «...талант его уже не брезжущий и робкий, а довольно ярко обозначенный. Слово его зримо и объёмно и, что главное, свежо по чувству, по мысли...»

В начале 1970-х он жил в Сыктывкаре, затем судьба забросила в Приднестровье — в Тирасполь, «милый сердцу край». Здесь он окончательно формируется как мастер поэтического слова. Выходят сборники стихов в издательствах Кишинёва, Москвы, Тулы. В канун своего 55-летия он, однако, сетовал на то, что в рукописях в два раза больше, чем опубликовано.

А.С. Дрожжин долго вынашивал идею возвращения на свою малую родину, в Брянск, где его ждала старенькая мама. Он ежегодно бывал на Брянщине в дни Тютчевских праздников поэзии, принимал в них активное участие. О его выступлениях часто вспоминали брянские собратья по перу. Будучи в Москве по делам, он непременно заскакивал к матери. Не так просто было покинуть любимый Тирасполь, в который он уже пророс корнями. Но впереди было множество планов, которые должны были воплотиться на родной земле. По дороге в Брянск 12 ноября 1994 года он погиб в автомобильной катастрофе. Похоронен в Брянске.

Благодаря сегодняшнему руководителю СП Приднестровья, верному другу моего отца Кожушняну Валерию Ивановичу, а также его единомышленникам, память об А. Дрожжине не утрачена. В 2020 году издан сборник его стихов «Свеча поэзии», включающий все ранее изданные произведения. На доме в Тирасполе, где жил мой отец, установлена мемориальная доска. В 2022 году мною был издана книга А.С. Дрожжина «Возвращение», в которую вошли стихи, написанные в последний год его жизни, нигде не опубликованные ранее.

Елена ДРОЖЖИНА

РОССИИ РОДНОЙ ОКОЁМ...

ПИДЖАКИ

Егору Исaeву

На поле бранном пали мужики.
От мужиков остались пиджаки.
Их вдовы на еду не променяли,
хозяев новых к ним не примеряли.

У сельских вдов устойчивая память,
а мужняя одежда всех теплей.
Ходили в них с граблями и с цепами
дорогами прожорливых полей.

Награды и взысканья получали
в тех пиджаках, свисающих с плеча.
Полою утирали след печали,
детишек укрывали по ночам...

Уже детьми подарены обновы,
какие и не снились старикам,
а в пиджаках поныне ходят вдовы.
И нет износу этим пиджакам.

ИЗ ЮНОСТИ

Коммунизм
Хрущёв нам прочил.
Я в забое пласт курочил,
Чтоб страна была с углём.
Кто-то голову морочил:
«Рубль длиннее — жизнь короче...»
Пусть короче, но — с рублём!

Что мозольно, то прилично.
Государственное с личным,
Впрочем, ладило добром.
Громыхали вагонетки.
Сердце билось в тесной клетке.
Флаг метался над копром.

По утрам, что каторжанин,
Я в спецчунях, в грязной рвани
Опускался клетью вниз.
Но зато водились деньги,
И за мной ходили девки,
И маячил
Коммунизм.

УЧИТЕЛЬ

Я в жизни был однажды на коне!
Том самом —
Поэтическом, некротком.
Тогда Твардовский
Обратил ко мне
Пристрастный взгляд в послании
Коротком.

Казавшийся — с овчинку,
Навесным,
Мне мир явился снова непочатым.

Я был приручен к розгам областным,
А тут с вершины:
«Можно б напечатать...»!

Но строчку,
Словно сорную траву,
Убрать призвал
Насмешливо и тонко,
Где мужикам сподручную вдову
Я обозвал
Гулящею бабёнкой.

И тут же я почувствовал вину
За пользование
Словом завалящим:
Как можно быть гулящею в войну,
Когда в селе мужчин нет
Настоящих!..

Не всем стихам и ныне
Есть приют,
Но вот какая истина
Близка мне:
Бывает, обласкают — как побьют,
Случается, побьют —
Как обласкают.

РУСЬ

Селения стоят поближе к рекам,
изба любая — к путнику крыльцом,
и человек извечно к человеку
здесь обращён доверчивым лицом.

Горюя над пустыми закромами,
встречая всё, что рок преподносил,
спокон веков лица не закрывали
ни женщина, ни воин на Руси.

ФРОНТОВИК

Наплыв на курорты велик —
по швам расплзается Гагра!

На пляже лежит фронтовик —
весь в пятнах, лишенных загара.

Я рядом. Склоняю голову
и слушаю речи мужские:
«Вот этот ожог — за Москву.
А этот осколок — за Киев...»

Стыдливо, с оттенком вины
среди юности греется робко.
В глазах его — тени войны,
на теле — вся карта Европы.

Беда откатилась давно...
Мне думалось, может быть, странно:
не хватит любых орденов
прикрыть неизбывные раны.

* * *

Переплелось: тропинка узкая,
поля, мосты и облака,
и жизнь моя, как песня русская —
грустна, протяжна, высока.
Дрожала голубем над крышами,
и жалась мышкой в тьме угла.
Кому-то просто так слышалась,
кому-то на душу легла.
Не обошла пути дорожные,
в столице билась и в селе.
От грустной песни в мире, может быть,
кому-то стало веселей.
Над океаном и над кустиком
ветрам открытая плыла —
в наш громкий век, когда акустика
подчас неважною была.

ПИСЬМО

Когда отчуждение туго
затянет мне горло тесьмой,
приходит от старого друга
простое,
как «здравствуй», письмо.

Прочтёшь, подымишь сигаретой,
по строчкам пройдёшь не спеша.
И радостью сердце согрето,
и песней промыта душа.

И дело не просит отсрочки,
работает мозг не скрипя.
Чем ниже сбегает по строчкам,
тем выше подьмешь себя.

И дни наполняются светом,
и хочется жить и любить,
и медлишь, и медлишь с ответом,
чтоб с другом подольше побыть.

* * *

Выхожу на тропинку — веди меня, узкая.
Мать-природа, я твой ученик!
Вот и полюшко, чистое, русское,
как узором расшитый рушник.

А вдали, над застенчивой рощицей,
освеженной росой поутру,
облака как рубахи, полощутся
на высоком, веселом ветру.

Мать-природа, спаси обреченного,
дай высокую степень родства,
Чтоб на слово, к кусту обращенное,
шелестела ответно листва.

Я к просторам твоим несмолкающим
каждой жилкою сердца влеком,
чтобы в строчках моих, точно камушках,
жизнь пульсировала родником.

В мире нет совершеннее внешности,
чем России родной окоем...
Мать-природа, не дай мне от нежности
разорваться в просторе твоём!

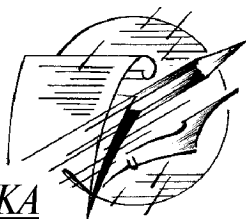
ПРОКЛЯТЬЕ ЗАВЕТА

На Триумфальной арке императора Тита в Риме по сей день сохранилась такая надпись: «Сенат и народ римский императору Титу Цезарю, сыну божественного Веспасиана, Веспасиану Августу, великому понтифику, наделенному властью народного трибуна 10 раз, императора 17 раз, консула 8 раз, отцу отечества, который по предписанию отца и по совету ауспиций покорил народ иудейский и разрушил город Иерусалим, чего все полководцы, цари и народы до него не свершали и даже не пытались».

Не так давно, проезжая под этой аркой во время своего визита в Рим, премьер Израиля Б. Нетаньяху сказал: «Надо внести поправочку в надпись на этой арке — «Израиль вопреки всем его врагам существует!» Верно, существует. Но какой ценой обошлось его возрождение народам Ближнего Востока, и прежде всего палестинцам, сионистская пропаганда предпочитает помалкивать.

Убийцы именем Яхве

Вплоть до решения ООН в 1947 года о создании Израиля на территории бывшей Британской Подмандатной Пале-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

стины, евреи так и не смогли воссоздать свое государство на этой земле.

Казалось бы, после того, как Израиль потерял даже свое имя по воле римлян, об исполнении Завета, согласно которому Господь Бог пообещал евреям власть над всеми народами мира и обладание их богатствами, надо было бы забыть. Но раввины и в диаспоре продолжали утверждать эту легенду в умах иудеев изгнания, полностью игнорируя то условие, которое пророки ставили в прямую связь с его исполнением, — верность заповедям Господним.

Это — десять основных законов, которые, согласно Пятикнижию, были даны Моисею самим Богом в присутствии сынов Израиля на горе Синай на 50-й день после Исхода из Египта (Исх. 19: 10-25).

Здесь небесполезно вспомнить о том, как Бог дал Моисею и тем евреям, которых он водил по пустыне, свои Десять заповедей. Согласно Ветхому Завету, Синай стоял в огне, окутанный густым дымом; земля дрожала; гремел гром; блистали молнии; и в шуме разбушевавшейся стихии, покрывая его, раздавался голос Божий, произносивший заповеди (Исх. 19: 1 и след.). Затем сам Господь начертал «Десять слов» на двух каменных скрижалях — «Скрижалях свидетельства» (Исх. 24: 12; 31: 18; 32: 16) или «Скрижалях Завета» (Втор. 9: 9; 11: 15) и передал их Моисею. Когда Моисей после 40-дневного пребывания на горе спустился со скрижалями в руках и увидел, что народ, забыв о Боге, пляшет вокруг золотого тельца, то пришел в такой страшный гнев от вида разнузданного пиршества, что разбил о скалу скрижали с заповедями Бога. После последовавшего раскаяния всего народа Бог велел Моисею выгесать две новые каменные скрижали и принести Ему. На них он и записал Десять заповедей (Втор. 10: 1-5). В этих заповедях, в частности, Господь, помимо требований хранить ему верность, соблюдать субботу и не сотворять себе кумиров, напутствовал евреев также: «Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. Не желай дома ближнего твоего. Не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».

Стого момента, когда Моисей застал выведенных им из египетского плена иудеев за поклонением золотому тельцу и в сопровождавших это святотатство оргиях, прошли тысячелетия. Но даже после того, как Моисей разбил скрижали Завета, после того, как иудеи покаялись и получили десять заповедей на новых скрижалях и в новой редакции, они в массе своей продолжали их нарушать. Колонизируя Землю обетованную, они зверски истребили все проживавшие там веками народы, включая грудных младенцев.

Правили евреями цари, жестокость которых стала нарицательной — это Ироды. 11 января в православном календаре отмечается как Страшный день — День памяти мучеников — 14 тысяч младенцев, от Ирода в Вифлееме избитых. («...Ирод, испугавшись предсказания о пришествии Мессии (Христа), послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его от двух лет и ниже... Весть об этом злодействе дошла даже до Рима. Император, узнав, что Ирод убил и собственного сына, произнес: «У Ирода лучше быть животным, чем сыном». Вещие слова...

Отношение к другим народам, как к скоту, к нелюдям, годным лишь для того, чтобы служить евреям, заложено в Талмуде, который гласит: «Только евреи называются людьми, гои называются животными».

«Имущество неевреев, как пустыня, — тот, кто займет его первым, тем самым приобретет на него право. <...> Человечество благословлено исключительно на благо евреев [Израиля]».

Во Второзаконии (20: 10-17) говорится, что все народы должны работать на евреев, если они попадают под еврейский доминион. Если они будут сопротивляться, они должны быть убиты, а их имущество разграблено. Все гои должны быть уничтожены везде, где уже живут евреи. «И истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, дает тебе: да не пощадит их глаз твой; и не служи богам их, ибо это сеть для тебя» (Втор. 7: 16).

Евреи не раз следовали этим призывам к геноциду. Греческий историк Дион Кассий, который также был римским должностным лицом, подробно описал, как евреи в восточных провинциях Римской империи в 116 году н.э. во время восстания начали убивать людей различных рас, среди которых они жили. Иудеи убили и женщин, и детей, порой используя страшные пытки.

Дион Кассий говорит нам о том, как евреи даже поедали своих жертв и вымазывали себя их кровью (Morrison W.D. *The Jews Under Roman Rule*. London; N.Y. 1890. С. 191-193.)

В 517 году н.э. иудеи во главе с Иосифом Машхраком зу Нувасом захватили власть на севере Хымьяр в Южной Аравии (ныне — Саудовская Аравия) и сразу начали уничтожать христиан и других неевреев в этом районе. Эта дикая бойня потрясла всю Европу. Зу Нувас захватил власть силой и сделал иудаизм новой государственной религией. Союзные войска из Византии, Аравии и Аксума (Эфиопия) смогли свергнуть зу Нуваса в мае 525 года — массовый убийца был казнен.

Согласно талмудической трактовке Второзакония, еврейский бог Яхве якобы дал евреям несколько индульгенций, прощая им любые преступления. Это дало им «право» захватывать чужие земли (Втор. 6: 10-13, 19; 7: 1-2); «право» на совершение геноцида, чтобы полностью уничтожить народы, чьи

земли они, по данному Богом праву, могли забрать как свои собственные (Втор. 7: 16); «право» на убийство и грабеж имущества других рас (Исх. 3: 20-22), и при этом Яхве сделал израильтян расой господствующей среди других рас (Втор. 7: 6).

Маркс и Яхве

Бакунин, долгое время сотрудничавший с Марксом и Энгельсом, позже дистанцировался от марксизма, придя к выводу, что это дальнейшее развитие иудаизма. В своей книге «Бог и государство» Бакунин писал по этому поводу: «Из всех хороших богов, которым люди когда-либо поклонялись, Яхве является наиболее ревнивым, наиболее тщеславным, самым жесточайшим, самым несправедливым, кровожаднейшим, наиболее деспотичным и наиболее враждебно настроенным против человеческого достоинства и свободы».

Ну а то, что поклонение золотому тельцу сохранилось пусть не в форме жертвоприношения ему, то, что по Марксу «деньги стали мирским богом еврея» (Маркс К. К еврейскому вопросу), так это общеизвестный факт. Конечно, из соображений политкорректности, почти никто не вспоминает об этом, равно как и о том, что Господь предупреждал Моисея, что иудеи, нарушившие его Завет, и даже их отдаленные потомки, пусть даже ни в чем не повинные, будут жестоко наказаны: «Я Господь, Бог твой, Бог-ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода» (Исх. 20: 5).

Веками евреев обвиняли в самом страшном грехе — в убийстве Иисуса Христа, Сына Божия, Спасителя, отдавшего свою жизнь ради спасения человечества. Только недавно папа римский снял этот грех с еврейского народа, за который они веками подвергались преследованиям и гонениям.

Усвоен ли урок?

В мемориале «Яд ва-Шем» в Израиле в Зале имен собраны имена и фамилии более четырех миллионов евреев, погибших от рук нацистов в Холокосте. И сбор этих данных еще далеко не окончен. За что они понесли наказание Господне — за свои грехи или за грехи своих далеких предков, никто сказать не может, ибо пути Господни неисповедимы. Точно известно только одно: в своем Завете Господь предупреждал, что наказание за нарушение его заповедей последует рано или поздно, но неизбежно. И этим он предупреждал не только древних иудеев...

Усвоен ли урок? Ронен Бергман в своей книге «Без страха смерти газеты и доллар бессильны» рассказывает, что изра-

ильский Моссад убил за годы всего существования больше людей, чем КГБ, ЦРУ и МИ-6 вместе взятые. И это только Моссад, не говоря уже о жертвах сионистской колонизации Палестины, арабо-израильских войнах и едва ли не ежедневных столкновениях на границе Израиля и сектора Газа.

И пошли они, ветром гонимые...

Судьба евреев в диаспоре была незавидной с самого начала. Другие народы их не принимали. Им был чужд иудаизм как религия. Они не могли простить евреям того, что они потребовали у римского прокуратора распять Христа, хотя с тех пор прошли уже века, и за это убийство расплачивались совершенно в том неповинные евреи диаспоры. А ростовщичество к тому же, понятно, только усиливало ненависть к евреям.

В 19-м году из Рима сначала насильно выслали молодых евреев на военную службу, а в 50-м году погнали уже всех евреев. И понеслось... В 414 году их гонят из Александрии, в VII веке — из Аравии. И так далее. И Россия тоже гнала евреев. Это проводили императоры Екатерина I, Елизавета, Николай I, Александр II и Александр III.

Первые массовые избиения евреев были отмечены не в славянских странах — тут русское слово «погром» многих сбивает с толку, а еще в 38-м году в Александрии. Евреи рассредоточились по всей Европе, но это не спасло их от постоянных преследований и погромов: около 12 тыс. евреев было убито в Рейнской долине во время Первого крестового похода 1096 года; погромы в Испании и Франции в 1320 году; в 1348—1451 годах в Испании, где были уничтожены около четырех тысяч евреев; страшный погром в Польше в 1648 году, когда было убито более 100 тыс. евреев, сожжена и разрушена треть еврейских общин в Польше и на Украине. В России гонения на евреев происходили ровно 100 лет — с 1821 по 1921 год, но за всё это время число жертв не превысило европейские показатели.

Еврей-антисемиты

Пожалуй, в каждом народе есть свои отщепенцы, которые отказываются от своих корней и своей родины и клеймят свое племя последними словами. В России таких было немало. У евреев — это Отто Вейнингер, философ и писатель, автор знаменитой книги и теории бисексуальности. Он утверждал, что в мире растений и животных, как и в мире человека, нет полностью однополых особей, что «в чистом виде» ни мужчины, ни женщины не существует. Есть только «М» и «Ж» — «мужское» и «женское» начала.

Всё активное, духовное и творческое в человеке Вейнингер связывал с мужским началом, а все материальное и пассивное — с чисто женским. Мужское начало для Вейнингера — носитель добра, женское — носитель зла. Ненависть еврея Вейнингера к еврейству ганноверский профессор Теодор Лессинг объяснил в свое время тем психологическим явлением, которое он назвал «еврейская самоненависть».

В труде «Пол и характер» еврейству посвящена отдельная глава. Вейнингер под «еврейством» понимает известное духовное направление, психическую конституцию, которая возможна для всех людей, а в историческом еврействе нашла лишь самое законченное воплощение.

На еврейство Отто Вейнингер обрушивается со страшными обвинениями и упреками, усматривая в нем большое сходство с ненавидимым им женским началом. «Еврей, — писал он, — это бесформенная материя, существо без души, без индивидуальности. Ничто, нуль. Нравственный хаос. Еврей не верит ни в самого себя, ни в закон и порядок» (там же).

Исследуя менталитет своих соплеменников, Вейнингер пришел к выводу, что еврей так же, как женщина, не имеет души, не чувствует потребности в бессмертии, слишком легко становится неверующим. Будучи склонными к материалистическому пониманию мира, к дарвинизму, евреи всё сводят к плотскому, земному. В них сильна потребность всё растворить в материи. Поэтому они и лишены гениальности. Вейнингер отрицает даже гений Спинозы. В науке евреи, говорит он, чаще всего только подхватывают и развивают гениальные мысли других людей, но никогда сами не выступают «генераторами идей».

Почему гонимые?

Жребий, выпавший на долю евреев, был нелегким. Как и любой народ, потерявший свою родину, ставший коллективным беженцем, евреи были обречены на то, чтобы быть изгоями везде, куда бы они ни пришли. В этих условиях надо было выживать. По этой части евреи за свою историю обрели немалый опыт, даже научились, подвергаясь преследованиям, обращать их себе на пользу. В Танахе (Ветхом Завете) немало тому примеров. Так, мать Моисея спасла его от неминуемой смерти после приказа фараона уничтожить всех еврейских младенцев мужского пола, подкинув его в колыбельку сестре фараона. Таким образом Моисей получил доступ в семью монарха, где и прожил благополучно, пользуясь всеми дворцовыми привилегиями, вплоть до приказа Господа потребовать у фараона отпустить евреев из египетского рабства.

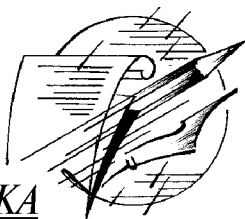
В Библии немало примеров того, как иудеи использовали своих женщин для влияния на власти предрежащие. Знаток иудаизма и истории евреев говорят о «комплексе Пурима». Есть такой весенний «веселый праздник Пурим».

Как повествует Библия персидский царь Ксеркс, недовольный тем, что покоренные им евреи забрали себе слишком много влияния и богатств, по наущению своего военачальника Амана, решил было истребить всех евреев. Но Мардохей, предводитель евреев в Вавилоне, узнав о замысле коварного Амана, попросил свою дочь Есфирь, одну из жен Ксеркса, убедить его и пощадить евреев. Есфирь, тщательно скрывавшая свое еврейское происхождение, сумела с помощью хитрости и коварства натравить Ксеркса на Амана и его соплеменников. Под страхом потерять свое положение и жизнь, вопреки строгому придворному этикету, Есфирь явилась к царю без приглашения и убедила его посетить приготовленный ею пир, во время которого и обратилась к нему с просьбой о защите евреев. И убедила. Царь приказал повесить Амана на той виселице, которую он приготовил было для Мардохея, а в отмену указа об их истреблении разослан был новый указ: о праве иудеев защищаться и истребить тех, кого они считают своими врагами и кто нападал на них. В силу этого указа иудеи получили право защищаться с оружием в руках. В результате, как написано в Библии, в течение двух дней *«все князья в областях и сатрапы, и исполнители дел царских поддерживали иудеев. И избивали иудеи всех врагов своих, и истребляли, и поступали с неприятелями по своей воле»* (Есф. 9: 3-5). Во время «персидского погрома» иудеи вырезали 75 тысяч персов, мужчин, женщин и детей, разграбили их имущество. Аман был повешен вместе с десятью его детьми! Есфирь, ставшую для евреев чем-то вроде Жанны д'Арк для французов, иудеи славят в ходе этого праздника смерти и мести. Это — единственный день, в который сдержанный по части пьянства Талмуд предписывает евреям напиваться. Взрослые и впрямь в этот день пьют без удержу, а дети вешают чучела персов и едят печенья с поэтическим названием «уши Амана» (Еврейская Энциклопедия. Т. 13. Стб. 126). Ни у одного народа нет такого кровавого праздника, прославляющего массовые убийства в том числе.

Во многом иудаизм, особенно в столь откровенно теократическом государстве, как Израиль, определяет менталитет евреев, и в ближневосточном конфликте он во многом остается определяющим по сей день.

«МИГРАНТЫ В ЗАКОНЕ»

Виталий Третьяков на телеканале «Россия-1» в программе 60 минут сказал следующее: «Государственная Дума России обсуждает и принимает закон об ограничении «незаконной миграции». Вообще-то незаконную миграцию, как и всё незаконное, нужно ликвидировать в принципе. Что тут обсуждать? Проблема в том, что мы страдаем от «законной миграции». Это — первое. Второе — Госдума обсуждает и чуть ли не приняла уже закон о том, что дети мигрантов до поступления в русскую школу должны владеть русским языком, чтобы они могли учиться. Замечательная забота о детях мигрантов! Я тоже люблю детей. Но сначала нужно заботиться о своих детях, а потом о детях мигрантов. А вы не замечали, что многие дети мигрантов прекрасно владеют русским языком? И ведут себя непотребно, несмотря на знание языка, третируя местное население. В чём корень проблемы! В том, что кто-то централизованно, целеустремлённо осуществляет подготовку к восстанию против Российского государства на территории самого государства. Сейчас — отдельные попытки,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

пока терроризируют отдельные части коренного населения. Вот что нужно пресекать!..»

Всё верно! Уже давно идёт подготовка к «великой мигрантской революции». Не зря в соцсетях сейчас всё чаще говорится о «конспирологических» сценариях, по которым внешним врагом и «пятой колонной» на 2025 год готовится системный мигрантский бунт в России. Под «конспирологию» официоз прячет любые прогнозы, которые не вписываются в «мудрую» «политику партии и правительства». А ничего, что подавляющее число таких прогнозов потом реально сбываются? На поверку конспирологией занимаются те, кто винит в конспирологии людей, которые призывают видеть очевидное. Только, чтобы это видеть, нужно отбросить прекраснотолерантенькие разговоры про «дружбу народов».

Более того, скажу, что будет удивительно, если такие прогнозы не сбудутся. Потому что чисто объективно уже давно в стране посредством бесконтрольной миграции созданы все предпосылки масштабного бунта. Только спичку вбрось, разгорится так, что не потушишь.

Автор этих строк постоянно говорил о том, что безумная госнацполитика, которая осуществляется уже 30 лет и проводится до сих пор, всенепременно закончится взрывом в стране (или «взрывом страны», как угодно). Говорил об этом и в 2011 году, и в 2013 году, и, разумеется, в более поздних материалах.

В недавнем материале «Не прошло и полгода» вновь говорил, что после теракта в «Крокус-сити», казалось бы, власти должны были бы сделать соответствующие выводы по государственной национальной политике, осуществить решительные меры по пресечению миграционных потоков, провести массовые и комплексные проверки всех «тожероссиян» и «многонационалов», запретить этнические диаспоры. Но вместо этого в Государственной думе предпочитали топить миграционные проблемы в бесконечных дискуссиях. Правительство также никаких существенных мер по борьбе с беспределом мигрантов и по изменению миграционной политики не предпринимает, администрация президента — тоже. Проблем, которые рано или поздно приведут к взрыву, как бы и не существует!

Но вот, наконец, 29 октября 2024 года, казалось бы, депутаты Государственной думы занялись делом. На пленарном заседании было принято четыре закона, направленных на борьбу с незаконной миграцией.

А 13 ноября Госдума одобрила инициативу, которая ужесточает ответственность за организацию незаконной мигра-

ции. На Охотном Ряду обсудили еще один вопрос, связанный с миграционной политикой, он касается проверок на знание русского языка для детей, которые вместе с родителями переехали в нашу страну.

А как быть с главным — с т.н. «законной миграцией»?! Знание русского языка мигрантами никак не влияет, например, на уровень катастрофической этнической преступности. Если угодно, то, наоборот, знание языка позволяет «тоже-россиянам» с большим успехом совершать преступления, а потом коррупционным образом уходить от заслуженного наказания.

И откуда возьмутся средства на обучение детей мигрантов русскому языку? Из бюджета. За чей счёт «банкет»? За счёт русских людей, которые ещё и платить должны за то, чтобы дети мигрантов подходили под критерии приёма в учебные заведения, чтобы они потом третиrowали в школах детей местного населения. Что, разве секрет, что чем больше мигрантов в классе средней школы, тем в большей степени становится невозможным организовать нормальный учебный и воспитательный процесс для детей местного населения? Мы теряем Школу, целые поколения русских! Вместо образования и воспитания там ведётся постоянная борьба с «милым» поведением детей мигрантов, преподаватели заняты их «ликбезом», почти все силы учительского сообщества в таких школах расходуются только на это. Уровень подготовки учеников местного населения вынужденно подгоняется под уровень «ниже плинтуса» детей мигрантов.

Не правильнее было бы обязать мигрантов за свой счёт обучать своих детей русскому языку? А в случае недостаточных знаний языка со стороны детей мигрантов просто не принимать их в школу. А что делать с такими семьями, в которых дети не владеют русским языком и нигде не учатся? Давать предписания о необходимости покинуть таким семьям пределы России. Если предписания не выполняются — депортировать.

Да, ещё нужно прекратить практику распространения государственных и муниципальных льгот и социальных выплат всем мигрантам, независимо от того, являются ли они «гражданами» или нет. А то открыли «лавочку» материального стимулирования привлечения всё новых и новых мигрантов, которые снежным комом множат за государственный же счёт проблемы для государства!

Адепты бесконтрольной миграции («пятая колонна», готовящая революционные потрясения в России) десятилетиями нагоняют на страну бесчисленные толпы радикальных

исламистов и всякой иной нечисти со всеми хорошо известными последствиями. Парадокс в том, что этого контингента, исчисляемого уже миллионами потенциальных преступников, вообще не должно было бы быть, если бы государством проводилась ответственная, соблюдающая интересы государствообразующего русского народа нацполитика.

Безусловно, хорошо, что Госдумой принимаются (хоть и с таким опозданием) законы по «нелегальной» миграции. Но они решают лишь малую часть проблем в миграционной сфере.

Как же быть с «законной миграцией»? Почему никто не озабочивается?! Как быть с теми «тожероссиянами», кто формально получил право находиться в стране? А тем более с теми, кто по коррупционным и иным сомнительным схемам уже получил гражданство России? А ведь практика «упрощённого получения гражданства» продолжается до сих пор.

Миграционную политику государства нужно менять кардинально, на все 180 градусов! Прекратить нужно все миграционные потоки и «точечный въезд» мигрантов в Россию. Необходимо приступить к массовому выдворению мигрантов, нарушающих российское законодательство и не занятых конкретным трудом (а таких подавляющее большинство), прекратить выдачу российских паспортов мигрантам из стран Средней Азии и Закавказья, проверить законность выдачи им гражданства за предыдущие годы. Также — прекратить практику, когда трудовые мигранты переезжают в Россию семьями. Ещё — прекратить практику обучения за бюджетный счёт мигрантов и их детей. Необходимо запретить деятельность нацменьшинских диаспор и многое иное. Первейшее — необходимо заменить всех ключевых лиц в стране, ответственных за национальную и миграционную политику.

Нужно просто для начала прекратить, наконец, новые мигрантские потоки в Россию. А что вместо этого происходит в государстве? Ужасающие цифры прироста мигрантов из года в год за 2021, 2022, 2023 годы повторять не буду. Сейчас сообщается, в 2024 году количество мигрантов в России, несмотря на борьбу с нелегальными мигрантами, увеличилось на 5 процентов. Паблик «Патриот России» уточняет: «За девять месяцев меньше стало только мигрантов из Таджикистана, что стало следствием проводимых после теракта в Крокусе мероприятий по предупреждению терроризма. Но все остальные республики Средней Азии и Закавказья с лихвой компенсировали это снижение. Узбекистан (прирост 9%, на 143 тысячи человек), Таджикистан (снижение на 11%, на 102 тысячи человек), Киргизия (прирост 11%, на 53 тысячи чело-

век), Казахстан (прирост 40%, на 40 тысяч человек), Армения (без изменений), Азербайджан (прирост 11%, на 11 тысяч человек)». Сумасшедшие цифры, прирост исчисляется сотнями тысяч мигрантов в год, пополняющих миллионные значения уже ранее «внедрённых» потенциальных революционеров!

При этом «незаконные» мигранты с большим успехом превращаются в «законных». Какая разница, «незаконные» или «законные»? Борьбу надо вести с миграцией как процессом, не разделяя на «законную» и «незаконную». Пишут, что в 2024 году мигрантам реже стали выдавать российское гражданство. И сразу, кстати, снизилась, хоть и незначительно, этническая преступность. Но в целом ситуация с предоставлением гражданства южанам остаётся той же, что и в предыдущие годы.

Среднеазиатские и кавказские мигранты продолжают переходить в ранг «законных», то есть в «мигрантов в законе». Но зачем стране такие «законные мигранты»? То есть мигрантскую революцию в России они будут делать под «законным» статусом... И от этого нам станет значительно легче...

* * *

Уже более трёх десятилетий в стране проводится такая госнацполитика, которая верно ведёт страну к взрыву. И, судя по всему, «пятая колонна», которая плотно засела в недрах российской власти, не успокоится, пока не доведёт дело до конца. Нам же приходится только констатировать очередные акты русофобии и этнического произвола, творящиеся на глазах и усиливающиеся по своему дерзновению.

Вот пример очередного рецидива в столице нашей Родины. Портал «Avia.pro» в ноябре прошлого года писал, что в коридорах Московского финансово-юридического университета (МФЮА) несколько недель не утихал настоящий культурный шторм. Стены, некогда привычные к размеренному шуму студентов, дрожали от громких кричалок, звуков национальной музыки и отбивания танцевальных ритмов. Всё это сопровождалось развевающимися флагами Азербайджана и лозунгами, которые звучали, как манифест: «Этот вуз принадлежит только нам!»

Портал отмечал: «Флаги Азербайджана появились в холлах, аудиториях и даже на фасаде здания. На переменах коридоры заполнялись танцующими студентами, а громкая музыка превращала учебный процесс в этнический фестиваль... На этажах раздавались лозунги, которые всё чаще сводились к одному: «Этот университет должен быть нашим,

а учиться здесь могут только наши люди!» Преподаватели... вдруг оказались в эпицентре этнического карнавала. «Мы не понимаем, что происходит. Вместо лекций студенты водят хороводы, а вместо подготовки к экзаменам — готовят танцевальные номера», — поделился один из педагогов, пожелавший остаться анонимным... Самым ярким символом ситуации стали развевающиеся флаги Азербайджана. Они появились буквально везде: на стенах, в окнах, даже на преподавательских кафедрах... И если флаги — это ещё полбеды, то танцы стали настоящим испытанием для университетской дисциплины. Каждая перемена превращается в импровизированный танцпол, где студенты оттачивают движения лезгинки. Преподаватели, пытающиеся начать лекцию, нередко вынуждены ждать, пока аудитория освободится от «танцоров»... Некоторые преподаватели и студенты подозревают, что за этим стоит группа активистов, которые хотят превратить университет в «культурный центр для своих»... Администрация университета пока отмалчивается. Все обращения студентов и преподавателей остаются без ответа. «Мы написали жалобу на происходящее, но нам сказали, что это временно и скоро всё закончится», — рассказала одна из студенток».

16 ноября в интернете появилось видео со множеством митингующих, шествующих по коридорам Московского финансово-юридического университета, на котором слышны выкрики: «Режь русню, Азербайджан!»

Чуть позже, видимо, чтобы запутать ситуацию, появилось сообщение о том, что якобы на видеозапись были наложены слова с призывами к убийству русских. И дело даже не в том, что кричали смутьяны. Разве недостаточно самого их нагло-го демонстративного поведения, как на оккупированной территории?

Как вообще стала возможной эта массовая вакханалия с демонстрацией флагов Азербайджана в российском ВУЗе и скандирование азербайджанских лозунгов. Что происходит в этом учебном заведении? Кто и как довёл до этого ситуацию? Что происходит у нас в столице и что творится в стране?

Следственный комитет России возбудил уголовное дело после сообщений о том, что в МФЮА прошёл митинг с призывами к межнациональной розни. Председатель СК РФ Александр Бастрыкин поручил руководителю ГСУ СК России по Москве Андрею Стрижову представить доклад о ходе расследования уголовного дела, установленных обстоятельствах и результатах проведенных экспертных исследований.

В какой степени национальные диаспоры, объединяющие самые разные социальные группы — от «воров в законе» до

миллиардеров — влияют на политику государства, имея в виду, конечно, интересы своей исторической родины. Азербайджанская диаспора в России составляет по разным оценкам от 3 до 3,5 миллионов человек (в реальности, конечно, больше), при этом в Москве живет не менее миллиона. Бизнес-интересы лежат в традиционных для постсоветских азербайджанцев сферах: все виды торговли, медиа и шоу, а также добыча нефти и газа. Крупнейшие бизнесмены, соответственно, представляют эти сферы. В их состав, по данным Форбс, входят: Вагит Алекперов (Лукойл), Араз Агаларов («Крокс-групп»), Фархад Ахмедов (портфельный инвестор). К этой же группе можно причислить и уроженцев Азербайджана горских евреев Гога Нисанова и Зараха Илиева (ТЦ «Европейский», «Фуд-сити»), а также лезгина Сулеймана Керимова («Полус-Золото»), родившегося в пограничном с Азербайджаном Дербенте, ментально близкого к азербайджанцам. Совокупный капитал азербайджанского лобби можно оценить примерно в 50 миллиардов долларов (на 2020 год), а среди активов выделить базовые компании в нефтегазовом секторе, добыче золота, крупнейшие московские оптовые продовольственные рынки, а также строительные и девелоперские компании. Например, Агаларов, чей сын Эмин был в своё время женат на дочери президента Азербайджана Лейле Алиевой, имеет возможность прямых контактов с руководителями России на высшем уровне и обладает немалыми лоббистскими возможностями. Большую пропагандистскую и организационную работу на территории России координировал бывший посол Азербайджана Полад Бюльбюль-оглы. Финансовые же потоки координирует представитель Socar в Москве, владелец News.ru Мусейб Алекперов.

И азербайджанская диаспора только одна из «ласточек». Армянская, таджикская... Далее — по списку. Уже давно в стране сформирован антирусский интернационал.

Анна ПАНОВА
(1954 — 2024)

СТАРУХИ-СЕСТРУХИ

РАССКАЗ

Иногда напрочь забудешь каких-то людей, и вдруг в самое неподходящее время возникнут их тени из небытия, замашут, словно живые, руками: мы здесь! мы тоже тебя помним! И заволнуешься смутно. Умом-то понимаешь, что никакого отношения к тебе они не имеют. А может, имеют?.. Недаром ведь говорится: каждая встреча в жизни — неспроста...

1

Это самое неподходящее время случилось зимним вечером 2002 года. В ЦДЛ было собрание. Молодой литератор (по писательским меркам, почти юноша), в кожаной куртке и джинсах, откинув головку, звонким, хорошо поставленным голосом, будто рапортующий комсомолец, вещал о путях развития современной литературы. Он уверенно, как экскурсовод, который толковал об этом уже сто раз, охватил весь спектр «действующих» писателей: патриотов, демократов, постмодернистов, авангардистов, маньеристов, упомянул даже о «динозаврах» — живых еще классиках «советского разлива»...

ПРОЗА

Наконец, мальчишеское прорвалось в нем — дерзко заявил: о чем бы вы тут в зале ни толковали, люди средних лет и пожилые, а жизни современной вы не знаете. Она описана в тех книжках с глянцевыми обложками — детективах, любовных романах и боевиках, которые вы так презираете и называете бульварными. Именно их-то и покупает молодежь.

Вечер заканчивался, все устали после рабочего дня и не захотели или не посчитали нужным возразить ему. Только мой сосед в потертом костюме, явно не преуспевающий, пробормотал: «В прорубь бы его окунуть, с головой...»

Придя домой, я позвонила знакомому поэту и рассказала о том, что услышала. Он хмыкнул. Другого отзыва я и не ожидала. Он много путешествовал: был на Крайнем Севере и Дальнем Востоке, в Средней Азии, Крыму, Египте, Индии, Непале и Греции, — и знал, как разнообразна жизнь наших современников на земном шаре.

— Грустно слушать подобных молодцев, — никак не могла я успокоиться. — Такое чувство, будто они пускают нас под откос.

— Да что они такого могут написать в 25 лет? Что они видели? Что понимают? — воскликнул поэт. — Не берите в голову.

— Странно, — продолжала я, — не нашлось человека, который бы ответил этому молодцу как следует. Рассказал бы ему об издательской, то есть идеологической политике; о том, что кому-то очень надо, чтобы именно такие книжки читали молодые и рвали и без того истончившуюся связь с литературой золотого, девятнадцатого века; о том, что вкус надо воспитывать...

— Как раз ничего странного, — усмехнулся поэт. — Отец его довольно значительная фигура, а сам он из молодых да ранний, пишет ерунду, но, тем не менее, на коне. Связан с... — тут он назвал фамилию известного политика.

В ту ночь я долго не могла уснуть. Дался мне этот разглагольствующий вития! Боек, кровь с молоком, кадык ходит ходуном, барабанная дробь словес гремит без смущения... Не первый он такой, и не последний... Не в нем дело... А в чем? И я стала вспоминать: а какой я была в его возрасте?

Мое поколение молодежи тоже отмахивалось от стариков и, осваивая свое жизненное пространство, утверждало, что не давит на нас груз традиций, что мы шагаем в ногу со временем: модно одеты, иностранную литературу читаем, находимся в курсе текущих событий...

Разве я считала своими современниками тех, кто был значительно старше меня, кто мыслил иначе? Конечно, нет.

Память высветила забытое. Когда мне было двадцать пять лет, я проводила отпуск в северном русском городке и жила у трех старух. С одной из них, — ее звали Лиза, — мы однажды пошли в баню. Вымылись, и хромоножка Лиза, распаренная, уставшая, с трудом двигаясь, сказала мне, нетерпеливо смотревшей по сторонам: «Ты беги вперед, чего со старухой плестись? Только стыдить тебя буду с палкой». И я понеслась, энергичным шагом москвички в джинсах, к Лизину же дому. А ведь могла бы прихватить узелок с ее бельем да и вообще скрасить путь старухе. Но — молодая, ветер в голове, хотелось покрасоваться — где уж тут приноравливаться к тихому ходу чужой угасающей жизни? Да я и жизнью это не считала — так, существованием каким-то.

Что же там со мной случилось тогда, 30 лет тому назад?

2

Летом 1980 года, когда Москва праздновала первые в ее истории Олимпийские игры, меня постигло любовное разочарование.

Как известно, лучший способ развеяться — путешествие, встречи с новыми людьми, но я жаждала тишины и уединения, чтобы лелеять свою боль.

— Поезжай в Н., — сказала мама. — Там как раз тихо. Заодно посмотришь, как другие живут. Может, меньше ныть будешь.

Основанием для поездки было письмо от бывшей маминной няни, 75-летней Даши. Она благодарила за посылку, желала нам «долгих лет жизни и не болеть никогда», приглашала в гости, а также, без запятых, сообщала, что «масла никак не можем нигде купить блата у нас нет у кого есть блат так достают а не помню когда с маслом чай пили и вот если можно то пожалуйста пошлите маслица». Еще написала, что живет она уже не вдвоем с сестрой Лизой, а приехала к ним третья сестра, Даша. «Теперь у нас две Даши», — так было нацарапано на листке школьной тетради.

— Наверное, двоюродная сестра какая-нибудь, — пожалала плечами мама.

Что это не туристическая поездка в Прибалтику, я поняла, когда, изрядно вспотевшая, добралась до Ярославского вокзала. Помимо рюкзака за плечами, тащила чемодан с поношенной одеждой и большую хозяйственную сумку с московскими гостинцами: чай, конфеты, печенье, гречка, сгущенка, шпроты, сырокопченая колбаса и алюминиевая тарка 1950-х годов, доверху заполненная сливочным маслом. «В зубах мне ее, что ли, держать?» — кричала я, собираясь, а мама повторяла, что старухи давно не ели сливочного масла.

Выглядела я как заправская мешочница, но в плацкартном вагоне это никого не удивило — вся провинциальная Россия, где продукты уже давно были по талонам, приспособилась вывозить провизию из столицы. На этот счет был даже анекдот: американец и советский человек разговаривают о том, как организовано снабжение продовольствием в их странах. Американец уверяет, что в штатах это очень сложно: существует большая сеть автомобильных дорог, много рефрижераторов, фургонов и шоферов используется днем и ночью, чтобы доставить продукты в самые отдаленные уголки Америки. А советский человек говорит: «У нас таких проблем нет. Всё гораздо проще: еда привозится в одно место — в Москву, а оттуда сами растащат».

3

Я приехала в Вологду, села на теплоход, задремала — и пристань свою упустила. Сошла на следующей — километрах в десяти от городка Н., и с трудом втиснулась в местный автобус, куда пассажиры лезли с сумками, полными буханок, ведрами, мешками сена. В кабину к шоферу взгромоздилась даже тетка с козой. Все переключались:

— Нюр, а Нюр, Ваську видела? А Тоньку?

— Нельзя ехать, Михея нет!

Наконец появился Михей в телогрейке, гаркнул: «Разлука ты, разлука! Чужая сторона!», — и встал на последнюю ступеньку подножки. Двери закрылись, автобус зловонно фыркнул, как бы встряхнулся, и мы покатали по дороге, как по волнам: горка-ямка, горка-ямка, а вокруг неоглядные луга с зарослями розового иван-чая, серые валуны и темный лес вдалеке.

У въезда в городок автобус резко остановился — водитель чуть было не проскочил мимо винного магазина, на что несколько возмущённых голосов крикнуло: «Куда прёшься, чалдон?»

После этой «остановки по требованию» в салоне посветлело — он наполовину освободился.

На центральной (как водится, имени Ленина) площади я вышла. Статуя вождя, густо покрашенная серебрянкой, здание горсовета с красным флагом, какие-то учреждения в бывших купеческих каменных двухэтажных домах, аптека и стеклянная коробка современного универмага. Замызганный, без купола, Казанский собор — до революции в нем служил протоиереем мой прадед, а сейчас располагался склад хозтоваров. Музыкальная школа — в тридцатые годы в ее стенах находилась тюрьма, и мой дед, бухгалтер, мечтатель и

книголюб, внезапно объявленный эсером, томился здесь за решеткой, ожидая пересылку на Соловки, — об этом я знала от мамы.

Нужный мне дом находился на окраине, где асфальта не было, всё заросло травой, как в деревне. У ворот на лавочках сидели старухи и сторожили коз.

Я повернула кольцо добротной калитки и шагнула во двор. На крыльце сидела полненькая старушка в белом платочке, а рядом, на земле, на подстеленном пальто, животом вниз и подмяв под грудь подушку, лежала худая старуха с пропитым лицом. Старушка с крыльца заковыляла мне навстречу, назвалась Лизой и после приветливых охов, объятий и рассказа о том, как они ходили встречать меня на пристань и переживали, что я не приплыла, спросила тревожно: не случилось ли чего?

Женщина с пропитым лицом поднялась и стала целовать меня, дыша перегаром.

— Я — Даша! Ой! — всхлипнула она. — Милая моя! Я уж думала, не приедешь! Вот! — Она ударила себя в грудь. — От всего сердца! Когда, думаю, Лиза, она придет? Вот как ждала! Лиза не даст соврать! Лиза, скажи!

— Ой, да ладно! — Лиза махнула рукой. — Гостья с дороги. Самовар поставь, да смотри, дом не спали! А мы на подушке посидим.

Даша присмирела и кинулась в дом.

— Дарья Васильевна церковь хранит вместо сторожа. Не одна, конечно, с одной там еще старухой, — объяснила Лиза отсутствие бывшей маминой няни.

Даша снова выбежала на крыльцо и, причмокивая, послала сестре воздушный поцелуй:

— А вот как люблю! Вот как! Не могу без Лизы жить! Не могу!

Обратилась она и ко мне:

— Как живете? Как животик? Как там начальник наш, Леонид Иванович? («Леонидом Ивановичем», как выяснилось, она фамильярно называла тогдашнего руководителя СССР Леонида Брежнева, который, вообще-то, был Леонидом Ильичом.)

Наконец, Даша скрылась в доме — и сразу же послышался звон упавшего ведра.

Лиза оглянулась на дверь и зашептала:

— Пьет, спасу нет! Постель не даю — омочит. На вышке спит до белых мух. Может, при гостье-то постесняется. Я с вами хоть человеком поживу, — она вдруг прижалась к моему плечу. — Доктор лекарства прописал от сердца: одно — горошинки белые, а другое, как деготь. Может, знаете?

Лекарств таких я не знала. Спросила Лизу о ее отчестве — неудобно мне было называть ее по имени.

— Васильевна. А не зовите, не величайте, — с серьезностью проговорила она. — Лиза. Раба Божья. Вот старшую Дашу — ту величают Дарья Васильевна, ей надо, она старостиха.

— Почему же две Даши в одной семье? — спросила я.

— А поп забыл. Девочек у мамоньки много было, вот поп и забыл, каку как звать, — равнодушно ответила Лиза и сообщила, что Даша-старшая появится вечером, после службы, и тогда мы отметим нашу встречу.

— Белого вина бы купить! — подсказала выглянувшая опять из двери Даша.

Я вызвалась сходить в магазин, но быстро вернулась — все полки до самого потолка были забиты водкой.

— Как нет! — набросилась на меня Даша. — Не бывало такого! Пойдем! Я им там сейчас шмон наведу, курвам!

Оказалось, что «белым вином» сестры по старинке называли водку, а я-то, глупая, искала «Ркащители» или что-нибудь в этом роде. Вернулись мы с двумя поллитрами и бутылкой «Изабеллы».

— Во какой огнетушитель принесла! — размахивая «Изабеллой», кричала Даша. Особенно ей нравилось, что выпивка была куплена за мой счет.

4

— Не по-яврейски написано? — Лиза вертела в руках баночку венгерского паштета. — Я по-яврейски могу, у хозяев научилась, — похвасталась она.

— Лизуха у нас священные книги читает, — Даша по-детски заглядывала в мою сумку с гостинцами.

Мы были так увлечены, что не заметили, как в дом вошла хозяйка, Дарья Васильевна.

— Вас хоть грабь, девки! — раздался вдруг громкий голос.

Старуха была серьезная, при должности. Лицо строгое. Руку мне пожала по-городскому, спросила про маму: «Что ж Томушка не приехала?», но лишней трескотни — охов, сожалений, сетований — разводить не стала. Говорила четко, показывая двойной ряд металлических зубов. (Младшие сестры открывали беззубые рты.)

Лиза и Даша стали быстро собирать на стол в «зале», я распаковывала чемодан с ношеной одеждой. «Пригодится, всё пригодится», — кивала головой Дарья Васильевна, поглядывая на юбки, кофты, жакеты, платья.

— Пожалуйте кушать! Пожалуйте в залу! — провозгласила Даша, и мы отправились в большую комнату, где на улицу

выходили шесть окон и стояло деревянное, в человеческий рост, распятие с мерцающей лампадкой. На стенах было много икон.

Лиза дернула старостиху, что-то шепнула.

— Крещеная? — пытливо спросила меня Дарья Васильевна.

— Да. Только я молитвы не знаю.

— Ничего, — она улыбнулась.

Молились долго. Даша, как и я, молчала, но громко вместе со всеми произносила: «Аминь!»

Сели угощаться. Картошка, разносолы, московская колбаса... Водочку Дарья Васильевна принимала внутрь с достоинством — видна была привычка. И меру в этом деле она знала. Она же, в основном, за столом и говорила. О себе сказала: «Семьдесят шестой пошел. Годишки подбегают. И недослышу, и свет стал хуже. В Вологде операцию сделали — катаракта, а глаз всё болит, колет что-то».

Я посочувствовала, а она продолжала:

— Лиза слабенькая, сердце плохое, а Даша у нас выпивает, тяжело нам с ней очень. Ну, ладно, ничего не сделаешь, надо всё переносить... Не знаю, буду ли работать. Как Бог велит. Сейчас почти всё время у церкви нахожусь. Хочу уходить, но за себя не могу найти человека.

Церковных дел у нее, как выяснилось, «по горло»: ходит, пишет, выбивает, сейчас вот достает краску для храма. Впереди осень, и надо еще позаботиться о дровах для священника.

Батюшка молодой, служить приезжает из Вологды на выходные и праздники. Старухам не нравится — крестится быстро, будто мух гоняет, и говорит по-хомяцки, сам из хохлов, не всё выходит понятно.

— Не обжился еще, — сказала Дарья Васильевна и повела, как старается привлечь его с матушкой на постоянное житье. Разбила она огород при церкви: картошка, капуста, огурчики, помидоры, клубника. Выращивает еще гладиолусы и георгины.

Лиза поддакивала старостихе, пила небольшими глоточками и сильно краснела. Зато Даша — разговор шел мимо нее — опрокидывала стопку за стопкой. Набравшись, стала изошряться.

— Елизавета Васильевна! — кланялась в пояс сестре. — Благодарю вас за общепит! Зер гут! Пирог печет — изумруд! Полезла с поцелуями к старшей:

— Люблю! Дашу люблю! Даша у нас первостайка!¹

Кончилось тем, что она стала плясать, ударяя ладонями по пяткам, приседая и ухая. Сестры смеялись, я улыбалась.

Развеселившись, Даша начала перепрыгивать через половик, как через лужу, туда-обратно, туда-обратно, наконец, упала... Поднялась, села на диван, попрыгала на пружинах, выкрикивая:

— Эх, ёкорный бабай! Соснова ягодка! — и обмочилась. Ее вывели из «залы». На том вечер и завершился.

5

Тот, кто видел их впервые, думал: «Вот три старушки в белых платочках сидят на лавочке у палисадника, заросшего сиренью и калиной, а за ними стоит их бревенчатый дом, в котором они прожили всю жизнь». И трудно было поверить, что никогда, кроме как в детстве в большой крестьянской семье, не было у них своего угла, и только к старости собрались они вместе под чужой крышей.

Дом лишь недавно стал принадлежать Дарье Васильевне, энергичной и быстроногой. Не зря ее прозвали «еропланом» — успевала всюду: служила церковным старостой, общалась с местными властями и епархиальным управлением, заводила массу знакомств в тех местах, где приходилось ей жить и работать. Бурной была и ее личная жизнь — трижды выходила замуж. Первый раз, вырвавшись из деревни, из колхоза имени Политотдела, уехав на заработки в городок Н., она выскочила за милиционера. Через полгода сбежала от него и лет сорок никто ее в городке не видел. Вернулась уже пенсионеркой, со вторым мужем, судовым механиком, здешним уроженцем. Купили они домик-развалюху с маленьким участком. Жили тихо, муж часто болел. Молиться ходили в село. Там же, на сельском кладбище, мужа Дарьи Васильевны и похоронили.

Третий ее муж был вдовец, хозяин большого дома. Говорили, что человек он был крутой, бил покойную жену и запугал ее до того, что даже при плохом самочувствии она не смела не выполнять своих домашних обязанностей. Так и умерла на пороге «залы», едва домыв пол. Вдовец посватался к Дарье Васильевне. Она стыдилась выходить замуж в пожилом возрасте, но, поразмыслив, что свой домик того и гляди завалится, согласилась. Ветхое жилище продали, деньги в качестве приданого взял муж, и Дарья Васильевна переехала в дом под железную крышу.

В конуре на цепи сидела собака, охранявшая сарай, хлев, курятник и огород. По двору новая жена «бегала перепёлкой» — пес не признавал ее за хозяйку и всё время рычал.

Семьи не получилось. Муж не просто бил Дарью Васильевну, а избивал. Она не давала спуска, и их крики разносились по всей улице.

— Вот бьются! — злорадствовали соседи.

Через несколько лет мужа хватил удар, и он скончался.

Став наследницей, вдова «выписала к себе девок» — сестер, живших в прислугах.

Первой приехала Лиза, 65-ти лет, низенькая, полная, с обмякшим лицом, кроткими голубыми глазами, шрамом от заячьей губы и хромая на правую ногу. Она к тому времени успела побывать во многих святых местах, строго соблюдала посты, умела читать по-церковнославянски. Когда говорила о чем-нибудь религиозном, лицо у нее светлело. Соседи окрестили ее «богомолкой».

Младшая сестра, Даша, кочевряжилась долго. Писала: «Когда свидимся — неизвестно, хозяева мне, как родные». И вдруг нагрянула. Тошная, беззубая, с шестью чемоданами вышедших из моды платьев и обуви.

— У меня три сервиза было! — пьяная, кричала она в первый же вечер.

— А где же твои сервизы? — спросила Лиза.

— Где, где? Что ты, Лизуха, пристала? — она вынула из кармана пачку «Беломорканала» и закурила.

— Фу! Трубокурка! — ахнула Лиза.

Дарья Васильевна, прищурившись, изучала сестру. И сказала, как отрезала:

— Будешь безобразничать — выгоню к чертовой матери. Господи, прости меня!

Знакомясь с соседями, вновь прибывшая сестра по-городскому подавала им руку или, если уже успела выпить, по-военному отдавала честь.

Она легко вписалась в компанию местных выпивох и стала, как и они, проезжая в автобусе мимо винного магазина, требовать у водителя не положенной здесь остановки:

— Куда прётсяя, чалдон? Тормози!

6

Жизнь сестер меня удивляла.

Стараниями Лизы из «залы» с шестью окнами было устроено нечто вроде молельни. Здесь держался стойкий запах ладана, иконы не только висели на стенах, но и теснились в верхней застекленной части буфета — эти были маленькие, бумажные. А еще там были свечки, пучки сухой вербы и березы, бумажные цветы, деревянные и фарфоровые пасхальные яйца. Низ буфета занимали акафисты, евангелия, библии, жития святых, православные календари, журналы Московской патриархии. Из этого склада я получила редкост-

ный по тем временам подарок — недавно отпечатанную Библию в твердом зеленом переплете.

К мирскому обиходу относились фотографии бывшего хозяина и его первой жены; гардероб, где висела одежда Дарьи Васильевны и Лизы (чемоданы Даша покоились на вышке; пьяная, она кричала гардеробу при сестрах: «Пузатый! Всё набивают тебя!»); диван с валиками; никелированная кровать, застланная голубым покрывалом, из-под которого до полу свисали накрахмаленные кружевные подзоры. В изголовье высилась пирамида подушек. А еще там был стол под белой, вязаной крючком, скатертью.

Когда в дом приходили верующие — к примеру, поговорить о крестинах, похоронах и других обрядах, Дарья Васильевна и Лиза, надев черные сатиновые халаты, которые носят в церкви служительницы, вели их для беседы в «залу». Особого разговора требовали взрослые, хотевшие окреститься «без записи» — то бишь без отметки об этом в метрической книге (ее проверяли разные уполномоченные). Тут надо было так выбрать время, чтобы поблизости не оказалось еще и местных доброхотов, желавших донести властям о таинстве.

Бывая навеселе, Даша чувствовала себя чем-то вроде секретаря при сестрах и, встречая посетителей, шутила:

— Прошу! Прошу! В этом деле мы не в теле! Елизавета Васильевна! Дарья Васильевна! Примите население!

От религии Даша была далека, но по воскресеньям она, шнырявшая всюду в тренировочных брюках и пестрой косынке, повязанной на затылке на пиратский манер, надевала юбку и, завязав под подбородком светлый платочек, ходила с сестрами на службу. Лиза рассказывала, что в церкви Даша стоит на коленях, кланяется, касаясь головой пола, а когда поет хор, плачет...

Жизнь втроем заставляла их приспособливаться друг к другу. Старшие прощали Даше ее фокусы. Перебирая четки, Лиза примирительно говорила:

— Гостями гостим на земле. Друг друга тяготы носим. Господь дает крест по силам.

Светским местом в доме была кухня — на стены Даша клеила этикетки с консервов, которые они попробовали: «сельдь атлантическая», «горошек зеленый», «кильки в томатном соусе», «молоко сгущенное с сахаром», «лосось в собственном соку»... Если в «зале» сестры обедали по праздникам и долго молились до и после еды, то на кухне они быстро крестились и садились за стол. Ели самое простое: суп «с ключика²», толчёнку³ и сальник⁴ — эти кушанья напоминали им детство, и старухи, как дети, боролись за хрустящие поджаренные

кусочки, подчистую соскребая их ложками со сковородки. Иногда Дарья Васильевна пекла рогульки — круглые лепешки с начинкой из той же картошки или пшена.

О современной жизни здесь напоминали часы-ходики, из которых выскакивала кукушка, и радиоприемник, обтянутый выцветшей гобеленовой тканью — правда, его включали редко, только чтобы узнать погоду и проверить время. Лиза обычно хихикала, когда в «новостях» передавали, что какой-то колхоз обещается намолотить столько-то центнеров с гектара:

— Всё бахвалятся! А намолотят — как Бог даст...

Газет сестры не читали, в киоске покупали любые, для уборной. Но властей все-таки побаивались: в сенях прикрепили кнопками цветные иллюстрации из журнала «Огонек» — были тут Ленин, Сталин, Ворошилов, Молотов, Буденный, Хрущев, Брежнев. И даже Фидель Кастро.

7

После ужина сестры любили поговорить — ведь о прошлой жизни друг друга они почти ничего не знали. Беседу обычно начинала Дарья Васильевна. Отерев пальцами рот, она делала какой-нибудь житейский вывод:

— Раньше народ лишь бы куда совался. А теперь не хотят грязь выворачивать. Все грамотны стали и бумажны.

Или вспоминала:

— На облигации подписывалась. Всю каюту ими вместо обоев обклеила — не верила, что вернут. Сейчас бы зубами их со стенки сгрызла!

Лиза рассказывала что-нибудь удивительное:

— В Москве в одной церкви обруч есть. От всех болезней. Наденешь на голову — и выздоровеешь.

Уверяла, что темный оклад с иконы Николая-угодника в «зале» вдруг «посеребрел весь».

Шептала:

— Россия спасётся. Есть в пещерах два молитвенника — молятся за всех нас, грешных.

Даша, оседлав табуретку, замечала:

— По радио выступали: затмение будет. Не слышали? Сегодня утром. А раньше дак ничего не наблюдали, лучше было...

— Сорок лет я на барках плавала. Хороший муж у меня был, девки, — вздыхала Дарья Васильевна. — Умру — рядом с ним похороните, с Иваном.

Лиза всегда добрым словом поминала хозяев-евреев — они нашли ей врача, который прооперировал ее заячью губу.

— На все праздники в церковь ходила — не возражали, и в отпуск молиться ездила, — рассказывала она. — В Почаеве два месяца гостила, такое там благолепие в лавре, так-то всё нарядно. Чуть не осталась. Хотела в монахини уйти. Поехала за вещами. А хозяйева на мое место никого не взяли. Лучше, сказали, Лиза, тебя подождать, чем неверного человека взять.

— Меня тоже хозяйка уважала, — хвастливо заявляла Даша. — «Люблю тебя, Даша, во как люблю!» — поднимала большой палец. — Красатулечка была, молоденькая. Всё в ней играло. Учительница немецкого языка. А муж — хрен старый, в командировки шлялся. Сядем вечером, нальет она рюмку себе и мне — и плачет. Потом с военным одним схлестнулась, а я у них почтальоном была. К нему с запиской приду — угостит, к ней вернусь — тоже нальет. Зер гут! Шляфваген!⁵

— Ну, а дальше-то? — спрашивала Лиза.

— Застукал их муж, и уехала она с мужем в другой город.

— А ты что с ними не поехала? — не унималась Лиза.

— Что-что! Взяла и не поехала!

— Водку-то там пить научилась?

— А тебе не всё равно? Не на твои пью! — кипятилась Даша.

— Чего задираетесь? — останавливала их Дарья Васильевна.

Связывало сестер только их общее детство и, понимая это, старостиха уводила разговор в те далекие времена, когда они девчонками бегали в лес за грибами и ягодами и от змей надевали на себя заговоренные пояски с молитвами; вспоминала, как однажды в бурю сорвало соломенную крышу с их дома; как заболела и сдохла единственная в семье корова; как мать их, беременная Лизой, упала с телеги на полном ходу и поэтому-то Лиза и родилась хромая и с заячьей губой. Вспоминала она и умерших в малолетстве сестер и братьев, жалела о том, что не осталось у них фотографии брата Вани, погибшего в 19 лет на войне. «Аккуратный был, чистенький. Скромный. Краснел, как девушка».

От Дарьи Васильевны сестры услышали историю о том, как их отец ходил за дегтем.

— Батя через лес шел, из соседней деревни, из Ивановки, знаете ее. Так вот, дегтю не принес — разлил, и сам еле живой вернулся. Медведицу встретил с чиверятками. Она на его напала. Плюху дала, как здоровый мужик. Всё лицо и грудину расцарапала. Холщеву рубашку изорвала. Батя давай запятки сдаваться. Упал и дух удержал. А она мох рвет и в него швыряет. Пошла и сразу вернулась: посмотреть, не шевелится ли. И еще раз лапой стукнула. Совсем бы убила, если бы в ней медвежатки не пищали.

Родина жила в их памяти, они мечтали хоть одним взглядом увидеть ее, и Дарья Васильевна однажды попросила у священника черную «Волгу». Шофер привез их за двести километров в перепаханые под поле места. Вместо радости великой сестры наревелись, угадывая, где был погост и могилы их родителей. Нетронутым остался только мрачный лес, где батя однажды встретился с медведицей. Старухи походили по тропинкам, спотыкаясь о корневища деревьев, и уехали — шофер сказал, что и соседняя деревня тоже разрушена, и люди давно покинули ее.

Вспоминая об этой поездке, Даша, если была под градусами, всхлипывала:

— Ой, родина! Сердце мое!

— Давайте, девки, спать укладываться, — обычно первой вставала с табуретки Дарья Васильевна. И уходила в «залу», на супружескую кровать.

Сперва я ночевала у Лизы в душной комнатке, отделённой от кухни ситцевыми занавесками. От постели до постели было рукой подать и мы обычно толкались, раздеваясь.

— Будаетесь, матери мои? — ехидничала, заглядывая к нам, Даша и рекомендовала сестре: — Лизуха, не бзди, а то гостье вонько спать будет.

Перед сном Лиза долго молилась, стоя на коленях.

Когда Даша предложила мне перебраться к ней на «вышку», то есть на чердак, я обрадовалась. Тут было просторно и пахло сеном — держали для козы. Стоял также мешок с пшеницей — Даша уверяла, что скоро будет голод, а вообще жизнь на земле закончится в 2000-м году.

Она быстро крестила четыре стены, постель и себя.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь! Ангел мой, хранитель мой, ложись спать со мной! Уклади, Господи, душу рабы твоей Дарьи. — И с вызовом смотрела на меня. — Вот как надо, Аня. Ни один враг не подбежит.

Хоть я и была крещеная, но креститься стеснялась и молча залезала под лоскутное одеяло. У Даши это вызывало поздозрение.

— К нам некрещеные не заходят, в сенях их принимаем. В церковь с нами пойдешь?

— Пойду.

Даша засыпала быстро, а я долго ворочалась. Вспоминала молодого инженера, весь интеллектуальный багаж которого состоял из цитат из Ильфа и Петрова, и удивлялась, почему я была в него влюблена. Недавние переживания казались мне теперь такими далекими...

Обсуждали сестры и нынешнюю жизнь в городке Н. Зна-током ее была Даша — она сообщала новости, не попадавшие в газеты. Например: в ближнем колхозе не хватает кормов, и там не первый год заготавливают еловые ветки.

— Сварят курицу — хвоей пахнет. Едят и не знают, мясо едят или ёлку. Никакого апекита нет, — морщилась она.

Рассказывала и о том, что школьники в колхозе весной и осенью не учатся, а вместе с учителями выполняют норму в поле — то надо мешок щавеля собрать (30 килограммов), то моркови надергать, то картошку копать.

Когда я спрашивала, почему в Вологодской области, крае заливных лугов и пастбищ, нет сливочного масла, Даша отвечала загадочно:

— Ёкорный бабай всё съел!

Этот же «ёкорный бабай, соснова ягодка» где-то в пути откачал топливо, и теперь в котельную городка Н. привезли мазут, в которм, когда его проверили прибором, оказалось 20 процентов воды. Заведующий за голову хватается, как ему план выполнять и отчитываться.

— Маленько топить будут, — рассуждала Дарья Васильевна.

— С дровами-то лучше, — кивала Лиза. — Наставили ба-тарей, а совести нет.

Особенно Дашу возмущало, что отремонтировать дебаркадер наняли не своих мужиков, а приезжих «черножопиков» да еще аванс им дали — те кричали, что без денег работать не начнут, а сами всё бросили и «схлестнулись с блядвой» — Нинкой, Зинкой и Светкой! И Светка хвастает, что на деньги шабашников купит себе зимние сапоги...

— Своих мазуриков хватает, а теперь и дальние едут, — качала головой старостиха.

— Вот какой народ пошел, скоро всех нас забодают, — подытоживала Даша. — А раньше дак...

— И раньше было, всё было... Не умеем Господа благодарить, — крестилась Лиза.

Делать мне было решительно нечего. Я купалась в озере, ходила на переговорный пункт звонить в Москву и ела неммыслимо кислые блины в стеклянной «Блинной», где на мои голые руки и ноги всё время садились раскормленные черные мухи.

Городская библиотека находилась на ремонте, а в кинотеатре шли старые фильмы, да и то только на вечерних сеансах, когда мои старухи уже запирали ворота.

Рынка в городке не было; у пристани женщины иногда продавали чернику, крыжовник и семечки.

Что оставалось? Принести воду с колонки, пополоть грядки да сходить в магазин, где всегда клубилась очередь, и долго там думать, что бы такое купить — сметану привозили редко, мяса не было, сахарный песок вдруг исчез, овощами и фруктами не торговали. В продаже были только задубелые конфеты, алычовый сок в пыльных трехлитровых банках и водка, водка, водка...

Моим развлечением могла бы стать живопись — из Москвы я привезла альбом и акварельные краски — но мне не писалось, я никак не могла уловить цвет озерной воды, потому что на небе то и дело тонко расстилались тучи, а потом шел теплый дождик. Можно было нарисовать заброшенный монастырь, однако ничего романтического он собой не представлял — обитель была заселена людьми, здесь сушилось белье, и мужчины играли в домино на врытом в землю столе.

Поэтому я, словно барышня из девятнадцатого века, собирала на обочинах невзрачные ромашки, дягиль с белыми зонтиками, мохнатый пустырник, красный клевер — и дома пыталась изобразить их на бумаге.

За этим занятием меня однажды увидела Даша и силком потащила на городское кладбище.

— Вот рисовать надо! Вот запечатлеть! — показывала она богатые могилы местных начальников: завмага, руководителя леспромхоза, директора школы. И тут же просила меня оплатить ее услуги «экскурсовода» — дать на пиво.

10

Вскоре начались затяжные холодные дожди. По радио объявили, что их на несколько дней принес циклон из Мурманска, но старухи рассудили иначе: Ильин день уже был, лето на проходе.

— Илья — злой, погоду надул, — смотрела в окно Даша. — Льет и льет — никакого просвета. Слышь, Лизуха, при таком деле надо веселить себя. Веселяя, веселей! Эх, выпить бы глоточек... Лизуха, дай денег — мигом в магазин сбегаю. Одна нога здесь, другая там. Выпьем на парочку.

— Куда уж тебе, — отмахивалась Лиза.

— Чего куда?

— Вдруг напьешься.

— Вдруг! — передразнила Даша. — Дура! Вдруг и чирей не вскочит: надо рукой почесать и заразу занести.

Я сидела дома — в босоножках выйти нельзя, листала журналы Московской патриархии и старые церковные календа-

ри да слушала, как переругиваются Лиза с Дашей, потому что старшая сестра, обув резиновые сапоги, ушла сторожить церковь за восемь километров от городка.

— Стрекулятница! Пьянчужка! Двери закрывай, дом выстудишь, — кричала Лиза и ставила прожитую Дашей жизнь ни во что, как пустую.

Даша тоже всячески старалась кольнуть сестру.

— Разбавляешь молоко на продажу? — спрашивала она и, когда Лиза краснела (был за ней такой грешок — подливала в банки водичку, считая козье молоко чересчур жирным), торжествовала: — Всё вижу, Лизуха! Не проведёшь меня!

То, наблюдая, как хромоножка расчесывает на прямой пробор жидкие седые волосы, язвила: «У старых девок всегда прямой разбор»; а то и просто дразнила ее, как ребята в деревне, «трехгубой».

Лиза писала много писем: схимонахине Асенефе, знакомством с которой гордилась, богомольцам из Москвы, Киева, Ленинграда, Почаева, Загорска и даже из Америки. Текст у нее ложился сплошняком — предлоги от слов не отделялись. Экономя бумагу, она окаймляла поля кривым кружевом строчек так туго, что не сразу можно было понять, откуда какое предложение начинается. Странно было также видеть в ее тяжелом крестьянском тексте неизменно жеманные заключительные фразы: «Кончаю писать, а сердце стремится мне вас увидеть», «Целую вас тысячу раз», «Жду вашего ответа, как соловей лета».

Даша не писала никому. Заглядывая через Лизино плечо, потешалась:

— Напишет, как ворона набродит! Ничего не поймешь. Ты зачем, мать моя, за рубеж пишешь, что коза Липка поллитра молока дает? Смотри, Лизуха, заметут тебя, как шпиона. Может, ты «козой»-то военный объект какой называешь? Возьмут за шкурку, как кошку, и поволокут в тюрьму, — и смеялась беззубым ртом, видя растерянность сестры.

Издевалась она и над Лизиной мечтой еще раз побывать в святых местах. «В Троице-Сергиеву лавру поеду. Подойду к владыке: «Благослови, владыкушко!» — говорила богомолка, и лицо ее светлело.

— Как ты в Москве-то проберешься? Там везде машины бегают. Растопчут тебя, пока ковылять будешь, — подначивала Даша.

— Поеду, — упрямо твердила Лиза. — Я не одна, я с Богом поеду.

Больнее всего Даша терзала Лизу женихом. Это был одинокий 90-летний беспамятный старик Саша, который, стуча

палкой, упрямо звал Лизу замуж и ругал ее за то, что она не соглашалась. Приходил он как бы невзначай к обеду, его сажали за стол.

— Жених пришёл! Малахольный! В аккурат к обеду пришел! — объявляла Даша и, едва он брал ложку, спрашивала Лизу:

— Опять на машинном масле жарила?

Неприятнь Даши к старику доходила до того, что она обрщалась к нему запросто, по-хамски:

— Эй, ты! Крови нет, моча не греет!

— Ревнуить, что не её любить, — тихонько, чтобы не слышал Саша, говорила мне Лиза, а сама смущалась. Никто никогда не звал ее замуж — и вот, на старости лет...

— У меня пять женихов врасхват было! — хвасталась Даша. — И все полковники!

— Что же ты не пошла за них?

— Чего-чего! Генерала ждала!

Жил Саша в бывшем городском монастыре, стены в его келье достигали метровой толщины. Там было промозгло и зимой, и летом. Я знала, что за водой он ходит на колонку с литровой баночкой, а иногда просит соседей принести ему ведро. Бельё стирать он отдавал Лизе.

Старик был высокий, видный. Как уж он оказался в монастыре и где была его семья, я не интересовалась, а на его приходы в дом смотрела, как на комические эпизоды.

Помню, однажды Лиза, увидев в окошко Сашу — час был неуточный, вечерний — прошептала вдруг:

— Зимогор⁶ идет! Свататься. Настойчивый. Дай-ко я спрячусь, а ты скажи, что меня нет.

Она нырнула в кладовку, я замкнула ее на ключ и битый час разговаривала со стариком: то он не верил, что Лиза ушла к церкви, то не слышал, то хотел подождать ее. Насилу ушёл.

Лиза, прихрамывая, заковыляла к окошку, долго смотрела на удаляющуюся фигуру и, волнуясь, по-детски спросила меня:

— Поздно мне замуж идти?

Если бы не мольба в ее голосе, я бы засмеялась. Но тут как ножом резануло по сердцу: боже мой! и у стариков есть чувства! Увечная, крыша над головой из милости, а в душе надежда на счастье не умерла...

Наверное, ответ был написан на моем лице, потому что Лиза сникла и рассудительно заметила:

— Прислугу себе ищет. Няньку, домработницу...

Через несколько дней Даша с ехидством спросила сестру:

— Знаешь, чего жених-то малахольный перестал ходить? — и когда у той в глазах появился интерес, сказала: — Я его на

улке встретила. Не надейся, говорю, зимогор, что Лизка тебе даст, она у нас девка переборчивая!

Даша захохотала.

Лиза вспыхнула, обиделась до слез:

— Уйду от вас! Всё не в чести.

— Куда пойдёшь-то? Идти тебе некуда. Мы здесь с тобой, товарка, на вечном приколе. Всю жизнь гваздались, и под старость нас выписали горбатиться. Сама-то в храме прохлаждается, на машинах с батюшкой разъезжает. Всю жизнь устраиваться была мастак, трех мужей имела!

Так Даша ругала старшую сестру. Поносила и за то, что Дарья Васильевна не только не брала положенную ей в церкви зарплату сторожа, но и свою пенсию тратила на дела прихода.

Задела она краем и меня. «Кто с гостьей возится? Я да Лизуха. А денег мы видели? Что Аня за жильё дала — она себе сразу в карман хапнула. В Вологду, поеду, говорит, свечки для храма нужны. Без нее будто не купят!»

— Уйду! — бормотала Лиза. — У Почаевской лавры жить буду и умру там... Попов много, похоронят по обряду.

12

«Пенсия у меня унылая! Пятьдесят рублёв всего! Выпьешь — и нет ее! Абзац!» — говорила Даша.

«Абзац» этот наступал каждый месяц одиннадцатого числа. Напрасно Дарья Васильевна и Лиза надеялись, что с моим приездом сестра постесняется пьянствовать.

Едва принесли денежки, как она исчезла на три дня, пропивая их с собутыльниками. Вернувшись, украла кошелек у Лизы и опять напилась. И кинулась, как безумная, рыскать по дому в поисках спрятанных рублей.

— Не вороши, — просила Лиза, когда сестра запускала руку под ее подушку. — Нет ничего.

— Дай, Лизуха, я знаю, что ты копишь.

От продажи яиц и козьего молока Лиза и вправду откладывала себе копейки, которые потом тратились на то же хозяйство. А вот где она хранила (немалые, по мнению Даши) деньги, полученные за обмывание покойников и чтение над ними — это был вопрос.

— Дай по-хорошему! Всё равно найду!

— Даша, не пей! Зачем пьешь? Господи, горе мое!

Стали пропадать вещи. Всё ценное Лиза снесла в кладовку и закрыла на ключ. Теперь Даша прихатывала из сеней то валенки, то пяток яиц с кухни. Водку она прятала в «продухе», в пустой собачьей конуре или закапывала в навоз. Лиза

следовала за сестрой тенью и вытаскивала бутылки, чтобы перепрятать их в другое место.

— Как я с ней смучилась! Всё пропивает! — жаловалась она мне. — Прошу: не пей, Даша, не пей! Я бутылку отнимать — она с матюгом. Никакого спасу нет. Вот как Бог наказал... Старшая-то наша, Дарья Васильевна, как ушла к церкви, так ничего и не знает. Оставила меня дома одну, больного человека...

Виновником Дашиного пьянства Лиза наивно считала Владимира Петровича, жившего у них в прошлом году.

Городок Н., как писали в газетах, лежал в «местности живописной и экологически чистой». На лето многие хозяева сдавали комнаты. Сестрам пускать жильцов было некуда, и они крепились, когда соседи рассказывали о своих доходах. И вдруг появились мужчины с кинокамерами, согласные жить на «вышке».

— Мужчины летось жили, на вышке спали. Черные все, бородатые, тоже из Москвы, — делилась впечатлениями Лиза. — Владимир Петрович зовут старшого, не знаете? Бутылок после них осталось! Ой, пили, милушка! Каждый день! И как столько в глотку входило! Я им говорю: ребятки, поколите дров. Потом, бабка, потом. А как напились, и давай — всё перещёлкали. У колуна топориче надвое разбили! Вот какие люди были, спаси Господи!

Даша целыми днями крутилась возле киношников, оказывая им мелкие услуги «за стакан». После их отъезда сестры трижды на тележке и в сетках относили бутылки в магазин. Денег за посуду было выручено столько, что их хватило на оплату электроэнергии за всю зиму, не говоря уж о том, что в целостности осталась сумма, полученная за жильё. Дарья Васильевна и Лиза радовались прибыли, а Даша, потеряв собутыльников, как с цепи сорвалась.

— Владимир Петрович виноват, — уверяла Лиза. — Не знаете его? Тоже в Москве живет.

Что я могла ответить?

— Безмозглая ты! — отрезала однажды Даша, услышав наш разговор. — Где Владимира Петровича найти в Москве? Ищи иголку в стоге сена! Фамилиё надо знать, место работы. Вот, Лизуха! — она больно ткнула ее указательным пальцем в лоб. — Как была ты дурра трехгубая, так и осталась!

Неожиданно Даша присмирела и стала ходить задумчивая — выпить ей было уже не на что.

— Ты что всё молчишь? — затревожилась Лиза.

— Обдумываю план «три-икс-бэ». У тебя, Лизуха, ума не хватит понять!

Вечером, едва Лиза ушла в хлев доить козу, Даша начала осуществлять секретный план — совала в замок кладовки раздобытые где-то на стороне ключи, пыталась гвоздодёром подломить дверь, но всё безуспешно — петли были навешаны покойным хозяином не снаружи, а изнутри.

— К ней в кладовку не прорвёшься, как в бункер Гитлера! — кричала Даша. Несколько раз с досады пнула дверь и, заняв у меня рубль, исчезла.

Лиза слёзно просила меня денег сестре не давать, а кончилось тем, что Даша стала соваться во все дома, где сдавали комнаты — искала любые предлоги, чтобы выпить. Соседи потеряли покой; они ругали и гоняли ее, но из уважения к старшим сестрам не трогали. Не выдержал только шофер напротив. Он стукнул Дашу и она «загремела» с крыльца. Возненавидев обидчика, Даша теперь выжидала, когда он поставит у своего дома грузовик и, открыв окно в «зале», пронзительно, как сирена, кричала на всю улицу:

— Не ставь машину на магистраль! Ублюдок! Шины проколю! Не ставь машину на магистраль!

Лизе срам был великий. Из окошка «залы», где она сделала почти молельню, возле святых икон и распятия, буйствовала ее непотребная сестрица, оглашая улицу хулиганскими выкриками. «Хороши богомолки!» — мог сказать любой, наблюдая, как хроменькая Лиза толчется у подоконника, оттаскивая от него Дашу, а та бьет ее «боксом», откидывает в угол и, высунувшись наружу, материт шофера.

Через старух, ходивших в церковь, Лиза попросила Дарью Васильевну вернуться.

13

Старшая сестра порядок навела живо. При ней младшие не цапались и ели быстро, показывая тем самым, по деревенской привычке, что они — хорошие работники.

Дашу как подменили! Мужик да и только! Стала носить воду с колонки, пилить мелкие досочки, жердочки на дрова. Потом за мхом на болото «слётала», подсушила его, приволокла лестницу и, забравшись на самую высокую перекладину, молодежато постукивала киянкой⁷ по конопатке, вправляя мох в пазы бревен.

— Надо к зиме тепло нагонять! — весело объясняла она соседям. И показывала кулак воронам. — Растащили всё, паразитки, на свои гнезда!

Стала ставить во двор мешки с травой. Но косила, видно, на какой-то чужой территории, потому что однажды вернулась с фингалом. Тогда Даша стала похаживать по окрест-

ным улицам. Где найдет бугорочек неokoшенный — туда с косою и бежит.

Хвастала, что не каждый может бугорок окосить — тут мастер нужен.

— Пентюх какой-нибудь — вжиг-вжиг и воткнет струмент в землю или о камень грохнет — и всё, и абзац! А я с одного бока подскочу, с другого, где косою, где серпом, а всё ожну — былочка не пропадет!

Разговор у Даши пошел всё больше деловой, рассудительный — осень, мол, на пороге, надо запастись грибами, ягодами, орехами. Даже инженерное предложение она высказала: как заделать стены погребца, чтобы по весне в него не просачивалась вода.

— Всклень⁸ было! — кипятилась она. — Сколько продуктов испортили!

— Да вытащили всё, — заметила Лиза. — Не помнишь уже.

— Что не помню? Что вытащили? — шумела Даша и напирала: есть у нее надежные ребята, всё могут — надо только раскошелиться на цемент и песок.

— И на водочку твоим собутыльникам, — подсказала Лиза.

— А как ты хочешь? Не простоквашу же им выставлять! Дарья Васильевна! Золото, а не люди! Зер гут всё сделают!

Старостиха кивала и обещала подумать. На ночь она наливала всем по стопке водки. Согреться было не лишнее — печку старухи из экономии не топили, в доме было сыротово, а простыни на вышке и вовсе волглые.

Бутылку Дарья Васильевна покупала сама. Нередко угощала Дашу и днем, особенно за хорошо выполненные по хозяйству дела.

— Пусть пьет дома, — объясняла Лизе.

Выпив, Даша требовала повторения и кричала:

— Всех по очереди хоронить буду! — а потом всхлипывала и лезла обнимать сестер. — Люблю! От всего сердца! Вот! Не соврать! Вот как люблю! Не могу без Даши жить! Не могу без Лизы жить! Не могу!

14

Нам с Лизой стало поспокойнее, а Дарья Васильевна маялась: как там старуха одна храм караулит? Вспоминала, что надо было бы ей там сделать...

— Иди к церкви, — пожалела ее хромоножка. — И Дашу бери с собой.

— А ты справишься?

— Бог не оставит. Иди.

Неделю Даша мыла пол в храме, пропальывала цветы в ограде и даже нанялась красить церковную стену, но упала с лестницы.

— Ноги не дёржат, — рассказывала она, вернувшись. — Сверзилась с лестницы. Голова кружится.

— А ты пей больше, — Лиза поставила чайник на стол.

— А что, и пила! — Даша похвасталась тем, что старостиха наливала ей по вечерам кагор из бутылок, хранившихся в ризнице. — Налей, Лизуха, стопочку.

— Налью. Что делать? И тебе, и себе.

15

Накануне праздника, оставив дом и козу на соседку, мы втроем пошли в церковь.

Даша несла сумку с гостинцами старостихе и той старухе, что сторожила вместе с ней. Лиза ковыляла, тяжело опираясь на палку. «Как-то она дойдет? — думала я. — Все-таки восемь километров. Придётся часто останавливаться».

Вдруг Лиза тронула меня за рукав. Отдохнуть захотела — решила я. Но старушка вдруг особенно ласково взглянула на меня:

— Что молитвочки не знаешь — потом узнаешь. Придет время и захочется. Из такой-то семьи...

Боже мой! Она видела меня другими глазами — ведь прадед-то мой был протоиерей. И словно подтверждая это, Лиза прильнула ко мне, шепнув:

— Выходи замуж за священника!

Мы выбрались из городка, прошли лугом мимо какой-то деревни и свернули к полю. А дальше было, как в сказке, — тропиночка, с двух сторон рожь золотая, а вдали на холме — белый храм.

Вечер солнечный, кузнечики стрекочут, там-сям бабочка пролетит — будто лето вернулось...

Подшли к сельскому кладбищу. Оно заросло березами, елями и кустарником, стояло, как в лесу. Я пожалела, что прадед мой покоится не здесь, а похоронен на старом городском кладбище, которое в 30-е годы оборудовали под стадион. Мальчишки недолго поиграли на нём в футбол, потом началась война, а теперь жители ближних улиц пасут здесь скот. Не пробьется ли кладбище наверх? На севере не редкость — проходят годы, и из земли вдруг вылезают глубинные камни... На бывшем же городском кладбище, рассказывала Лиза, вылезло наверх ржавого креста, и корова ободрала об него ногу. Не с могилы ли моего прадеда был тот крест?..

— К Ивану дорогу протоптала, — подала голос Даша и указала идти налево.

Шли мы в густой траве, огибая то разросшийся папоротник, то крапиву, потом остановились. Лиза перекрестилась, а мне вспомнились слова Дарьи Васильевны: «Хороший у меня муж был, девки. Умру, рядом с ним похороните, с Иваном».

Ни у Лизы, ни у Даши мужей не было — не с кем им лечь в землю. А я? Будет ли у меня такой человек?

— Сорок лет с ним на барках плавала. Одного его любила, — с тихой завистью сказала Даша. И тут же осудила сестру: — За третьего-то не по любви пошла, а из-за дома.

— Не было бы дома, и мы бы сюда не приехали, — одернула ее Лиза.

Неожиданно ударил колокол, мы заспешили к храму.

Еще звон, еще. Сзади охнула Лиза — упала.

— Навернулась, спаси Господи! — бормотала она, когда мы взяли ее под мышки.

— Цела, мать моя? — Даша отряхивала ее старенький пыльник.

— Жива, жива, но быстро не могу, — расстроенная Лиза сняла свой белый платочек, несколько раз взмахнула им, освобождаясь от сора.

Я предложила взять ее под руку.

— Не, не, — отказалась Лиза. — Не сплетничала бы, дак и не упала бы.

В ограде я повязала платок, отметив про себя, что храм — восемнадцатого века. Вместе с сестрами трижды перекрестилась и поклонилась образу Богородицы над входом.

В церкви народу было мало, и я сразу увидела Дарью Васильевну — та усердно молилась.

Молодой священник быстро махал кадильницей, едва не задевая ромашки и васильки, стоявшие в стеклянных банках на деревянном крашеном полу, застланном, словно в жилом доме, ткаными дорожками.

Хор — высокие старушечьи голоса — нежно славил Бога. Как и тысячу лет назад, люди пели о неминуемой смерти и просили себе «христианския кончины живота».

После службы — она была сокращенной — пастырь уехал в Вологду, а мы впятером, вместе с той старухой, что работала, как и Дарья Васильевна, сторожем, пошли в ризницу. Там пили кагор из чайных чашек.

После первой чашки Даше захотелось вторую, она стала рассказывать, какого страху натерпелась здесь две недели назад.

— Лукавый как ночью по стене бороной проведет — дак враз поседеешь! Налей, Лизка, еще, не жалеи! Я тоже церковь сторожила!

Темнело. Пора было возвращаться. Мы с Дашей вышли на паперть, ожидая замешкавшихся Лизу и старостиху. Вдруг откуда-то слетели два белых голубя.

— Это души наши с тобой прилетели, — вздохнула Даша.

Крошек у нас не было, птицы потоптались и упорхнули.

Мы сели на ступеньки. Даша зевала:

— Никак не расстанутся. Одной-то тут ночевать — горе.

Тьма надвигалась со всех сторон. Еще несколько минут — и розовеющая полоска заката канет во мрак.

Всё-таки жизнь удивительна. Разве думала я месяц назад, в Москве, что, выпив изрядное количество кагора, буду сидеть ночью на паперти сельского храма и решать — на самом ли это деле только что прилетали наши души в образе белых голубей?

Отвечая каким-то своим мыслям, Даша вдруг задушевно сказала:

— Вот, Аня, будет час, да не будет нас.

Мне хотелось возразить, что час этот еще не близок или вообще произнести что-то умное, но ограда качалась у меня перед глазами, а в голове вертелась одна глупая фраза: «Без бутылки не разберешь».

— Всяко бывает, — пробормотала я, запинаясь. Меня сильно клонило в сон.

— Сейчас ветерком обдует — и встанешь на ноги, — подбодрила Даша. — Что мы там выпили! Мизер! Аня, слушай меня! Если упадешь — я тебя на руках донесу!

Наконец, вышли сестры, следом — сторожиха. Она перекрестила нас:

— Храни Господь!

«Как же мы спускаться-то будем в такую темень?» — подумала я, но мы легко, горошком, скатились с холма, даже Лиза ни разу не охнула. Только в поле, на тропинке, она вдруг спросила:

— А где старшая-то?

— Впереди летит! Ероплан! Волков от нас отпугивает! — хохотнула Даша.

Светила луна, громко, словно в июле, стрекотали кузнечики, где-то вдалеке лаяла собака. Идти нам нужно было долго, и Лиза, ковылявшая позади, что-то тоненько запела. Я прислушалась — это была незнакомая мне песня о том, что лишь тогда отрадно жить на земле, когда есть кому поскоробеть и помолиться о тебе. Чем-то родным и давно забытым

повеяло от этих слов, и на какое-то мгновение я вдруг почувствовала, что все мы в этой жизни — сестры, что я такая же, как и они.

16

В первый год после моего отъезда старостиха еще писала маме, и мы знали об их жизни.

Сначала произошла история со шкафом, что стоял в зале. В дом неожиданно нагрянули покупатели. Они сказали, что прочли объявление о продаже шкафа; Лиза отказала им и заковыляла в центр городка. Там, на столбе, увидела тетрадный листок, где Дашиной рукой было нацарапано: «ПРОДОЕЦА ГОРДИРОБ 2ХСТВОРЧЕСКОЙ ИЗ ГОРНИТУРА СТОЛ КУХОНОЙ НОВОЙ ВЕШОЛКИ».

Сорвав бумажку, Лиза отправилась в село. Дарьи Васильевны в церкви не было — куда-то уехала со священником, и Лиза осталась на несколько дней у знакомой.

Все дни у нее было тяжело на душе, что-то давило грудь.

— Кислый квас ты, — сказала ей, вернувшись, деятельная Дарья Васильевна. И они заспешили домой.

На кровати лежала трезвая Даша. Подняться она не могла — страшно распухла и посинела нога. Даша где-то поранила большой палец на правой ноге, но за ежедневными пьянками ей некогда было посмотреть, что случилось, и опомнилась она, когда не удалось засунуть ногу в валенок.

— Зачем Лизуха уходила? — одновременно жаловалась и оправдывалась она перед старостихой. — Ничего бы не случилось.

Дашу отвезли в Вологду, в больницу. Нogu до колена ампутировали.

17

Причесанная, в розовом байковом чистом халатике Даша лежала на кровати и смотрела в окно. Порывы ветра сбрасывали с березы последние желтые листья.

— Береза разделась, — сказала она, чтобы привлечь Лизино внимание, но та не ответила, надевая пальто. — Куда ты?

— Липку выведу, — Лиза, прихрамывая, вышла.

Вернулась потная и возмущенная:

— Липка, как муху, меня гоняет! Танцор, а не коза! Свалили всё на больного человека!

После ампутации Дашиной ноги прошло два месяца, и Лиза всё делала одна: готовила, стирала, пасла козу, ходила по магазинам, убиралась в доме и следила за огородом, где буйствовала трава и, как на грех, упала часть забора. Маль-

чишки в сумерки дергали с грядок морковь, словно она была посажена для них.

— Дров не запасли — раз! Сена не накопили — два! — восклицала Лиза.

Она перечисляла заботы: у соседей помощи много не попросишься, можно разок обратиться, другой, но постоянная обуза не нужна никому. А вода требуется каждый день, вот и носишь по полведра — донести целое при Лизиной хромоте не получается.

— Событьльники-то не навешают, — обернулась она к сестре.

— Отогнули мне ногу, — упрекнула ее Даша. И стала вспоминать, что она делала, будучи здоровой: копала огород, косила траву, пасла козу, колола дрова, ходила за продуктами.

— Всё делала! Вы за мной, как за каменной стеной жили! Вот! Вот что скажу! По всем очередям толклась: и за хлебом, и за сахаром, и за мясом!

— А пила сколько? Забыла? В церковь из-за тебя не сходить теперь.

— Эх, Лизуха! Понимать надо! Я всю жизнь по подчинениям жила. Только рапортовала. Разве может человек нормальным быть? — внушала Даша. — Всё у меня внутри взвинтовано, как пароход. Э-эх! — она взмахнула рукой.

— А Дарья? — Лиза заговорила о старшей сестре. — Домой придет на два дня, в баню сходит, отоспится — и в храм. Только и видели ее — «ероплан»! Ничего знать не хочет. Три раза замуж выходила. За всех нас побывала. А теперь дом на меня, калеку, бросила! Всё приходится делать. Очень я недовольная.

— Ой, не говори, товарка! — подхватила Даша. — Мы тут с тобой надсаждались, а она батюшке клубнику полола, тряпки всякие стирала до чистоты. Вот! У меня хозяева лучше были!

— Никогда я так не жила! — Лиза всплакнула. — Нету сил моих ни на что.

— Не плачь, Лизуха. Протез мне сделают и буду всё ворочать.

— Болтай! — Лиза отмахнулась. — Не буду за тобой ухаживать. Сдам в инвалидный дом.

Услышав такое, Даша поднялась и, опираясь на костыли, дошла до ведра с водой. Внесла его в залу и, стоя на левой коленке, начала мыть пол. Лиза в это время чистила картошку к ужину.

— Лизуха меня в индом сдать хочет, — сообщила Даша пришедшей из храма Дарье Васильевне и, так как старшая сестра промолчала, обратилась к Лизе:

— Лизуха! Не отдавай меня!

Та тоже промолчала.

— Ааа! — нарочито заревела Даша.

Кроме латки⁹ с зарумяненной картофельной кашей, Лиза выставила на стол тарелку с творогом. Творог они ели нечасто — в основном по праздникам.

Старшие сестры были сосредоточены и молчаливы, и Даша, словно предчувствуя что-то, вертелась на табуретке. Не выдержав, потянулась к подоконнику, нашарила за кастрюлей, где полыхал малиновыми цветочками сочный куст Ваньки-мокрого, пачку «Беломора» — и закурила.

Опять никто слова не проронил. И за дым Дашу не ругали, и о дальнейшей жизни не говорили.

«Может, не отошлют?» — мелькнуло у нее в голове.

Чтобы навести сестер на правильные мысли, Даша затараторила о разных городских калеках, живших в семьях до самой смерти.

И тут старостиха объявила, что оформила сегодня на Дашу документы в инвалидный дом.

В последнем письме Дарья Васильевна сообщала, что Даша прижилась на новом месте, а они с Лизой продают дом и будут жить у церкви...

После этого наша переписка оборвалась. Что случилось со старухами, узнать было не у кого.

18

Через полгода после того зимнего вечера в ЦДЛ, где розовошекий оратор утверждал, что только молодые сопряжены с современностью, мне позвонил поэт и путешественник, обездивший полмира, и сказал, что недавно побывал в городке Н.

— Не может быть! — воскликнула я. — Это же Богом забытое место. Я однажды провела там отпуск.

— Да, дыра изрядная. Не знаю, я бы там отдыхать не смог. Я и два дня-то с трудом выдержал.

— А вообще, как там жизнь?

— Всё тихо, спокойно. Провинция существует сама по себе, обособленно от столицы, как и при советской власти.

— Асфальт везде появился? А транспорт? Реклама? Есть ли «новые русские»?

— Асфальт в центре. Автобусов мало, люди ходят, в основном, пёхом. С рекламой напряженно — видел только одно объявление о том, что кинотеатр неделю не будет работать по техническим причинам. «Новых русских» не встре-

чал, но, говорят, в Н. есть три богатых человека, один из них — чеченец.

— А монастырь действует? — мне вспомнился 1980-й год, белье на веревках между кельями и мужчины, играющие в домино.

— Стоит в лесах, его реставрируют, но дело тянется долго, за неимением средств. Так что верующие ходят молиться в какое-то село, за восемь километров. Там храм в отличном состоянии.

* * *

Вот и вся история. Жили когда-то старухи-сеструхи, никуда особо не стремились, ничего на свете не добивались, несли свою земную ношу, как могли.

Почему же мне сейчас так жаль, что я не считала их современницами? Не потому ли, что в наше жестокое время редко кто скажет другому вслед, как с простодушной верой говорили они: «Храни Господь!»

Примечания

¹ *Первостайка* — ранняя пташка.

² *Слючика* — свежеприготовленный, как правило, постный.

³ *Толчёнка* — размятая с растительным маслом картошка.

⁴ *Сальник* — запеченная пшенная каша с молоком и маслом.

⁵ *Шляфваген* (нем.) — спальный вагон.

⁶ *Зимогор* — горюн, тот, кому несладко придется зимой.

⁷ *Киянка* — деревянная колотушка.

⁸ *Всклень* — ровень с краями.

⁹ *Латка* — глиняная миска с высокими краями и ручкой.

ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК ОДИН

РАССКАЗ

Ах, этот волшебный Тбилиси, этот великолепный Тбилисо! Ах, эти потрясающие сациви и сулугуни, чахохбили и хачапури, хинкали и чанахи! Ах, эта «Хванчкара», эти «Цинандали», это «Киндзмараули», и это «Мукузани»!

Дмитрий Петрович с женой Наденькой просто обалдели от красот чудесного города. Гуляли по запутанным улочкам Авлабари, заглядывали в сказочные дворики Старого Тбилиси, наполненные ароматами местной кухни и громкими голосами старожилков, удивлялись необычным строениям Мтацминды и смеялись радостно друг другу всякий раз, когда встречали на пути что-то неожиданное. А неожиданностей попадалось предостаточно. Старуха-торговка, завернутая с ног до головы в чёрные шали и предлагающая купить любую из них: «Э, дарагой, падары сваей жэнцине платок. Сматри, заморзла савсэм! Из лучшей авцы сделан, самую лахматую стрыглы. На сэвэре грэть, как пэчка, станэт. Ты с сэвэра?» Подвыпивший велосипедист, горланящий на весь квартал «Тбилисо» и не дающий обогнать себя целой верени-

ПРОЗА

це машин. Постовой, увещевающий лохматого пса, пытающегося ухватить его за штанину: «Слушай, дарагой, атстан, а? Савсэм задрал, а? Гдэ твой совэст?» Комбинации, бюст-гальтеры девятого размера и цветные семейные трусы, гордо реющие на верёвке, перетянутой через дорогу между домами.

— Просто замечательно! — цокал языком Дмитрий Петрович и поднимал вверх фотоаппарат.

— Просто сказочно! — жмурилась от удовольствия Наденька, выщёлкивая на камеру телефона гордых грузинских кошек.

— Просто невероятно!

— Просто чудо чудесное! Вот только куколки для моей коллекции не хватает, и тогда уж точно, полная Нирвана, — кивнула в сторону очередной сувенирной лавки Наденька.

— Стоп! — пресёк её попытку супруг. — Мы же договорились, покупаем только редкие вещи и только на блошином рынке.

— Ну так пошли уже на этот чёртов рынок, — капризно надула губы Наденька. — Сколько можно меня мариновать? Измучилась совсем. Третий день в Грузии, а я всё ещё без куклы! Время пролетит, не заметишь.

— Надюша, потерпи до завтра. Ты же знаешь, пойдём — пропадём. Сегодня город досмотрим, хинкали съедим, «Саперави» выпьем, в театр сходим, а завтра, с утра пораньше, и окунёмся в волшебный мир блох. Ты — кукол искать, я — картины высматривать. У нас четыре дня ещё впереди, хватит.

Дмитрий Петрович собирал картины, а Наденька кукол. По возможности старались пополнять свои коллекции уникальными экземплярами, но всё больше случались бесполезные покупки, которые потом расходились по друзьям и знакомым. Денег на такие приобретения хватало раз-два в год, и радость от удач держалась долго-долго.

Наутро блошинный рынок Тбилиси встретил новых покупателей тепло и весело, как давних знакомых, моментально погрузив их в круговорот своей жизни. Аромат кофе и пряных булочек наполнял всё пространство барахолки от Сухого до Саарбрюкенского моста, перекинутого через Куру. Почти вся торговля шла прямо с земли. Всюду лежали покрывала и простыни, картон и байковые одеяла, газеты и даже ковры, на которых, порой в полнейшем беспорядке, валялась разная всячина от поношенной обуви до виниловых пластинок. Тут можно было найти и истрепанные временем книги, и советскую бижутерию, и детские игрушки, и русские самовары, и напольные часы с патефонами, и саквояжи с фотоаппаратами. И только на облупленных столиках, раскладуш-

ках и самодельных прилавках товар выглядел упорядоченно: кинжалы и ножи отдельно, значки и медали отдельно, марки и открытки отдельно. Глаза покупателей вытанцовывали половецкие пляски, пытаясь отыскать в этом хаосе необходимую вещь.

Вытанцовывали глаза и у Дмитрия Петровича. Выплясывали до тех пор, пока не наткнулись на прислонённую к чемодану картину, какого-то местного художника. Работа была любительская, очень небрежная и скорее всего недописанная, но, тем не менее, она привлекла к себе внимание. По всей видимости, художник изобразил на холсте сельский пейзаж. Хотя Дмитрий Петрович мог и ошибиться. На переднем плане особо выделялись тёмно-зелёные пятна то ли многочисленных кустов, то ли деревьев, но полной уверенности в этом не было. Прорисовка была нечёткой, совершенно размытой. Деревья могли оказаться и чем-то другим. В середине картины просматривалось подобие водоёма, но и тут могло не сложиться. При определенном положении водоём превращался в пашню или огород. На заднем плане угадывались сельские домики, за которыми синели горы, а может быть, и само небо.

— Что скажэш? Правда, красива? Тэбэ нравится? — неожиданно прозвучало рядом.

Дмитрий Петрович обернулся на голос. Возле него стоял типичный невысокий усатый грузин с классической кепкой-аэродромом на голове и с любовью смотрел на произведение искусства.

— Замэчатэлный жывапыс! Пазапрошлый вэк, канец дэвятнадцатого, старина, ещэ при царэ. Втарой Пырасмани! Выжу по тваим глазам, что панравилса. Пакупай. Тэбэ, как знатаку, бонус.

— А что за художник этот ваш второй Пирасмани? — весело сощурился Дмитрий Петрович.

— Вай, ты нэ знаэш? — удивленно приподнял густые брови грузин. — Эта жэ Вано Вэпхвэдзэ! Точна нэ знаэш?

— Нет.

— Вах, ви слыхалы, он нэ знаэт Вано Вэпхвэдзэ! — повернулся продавец к соседям, и те укоризненно закивали. — Можэт, ты и Ван Гога нэ знаэш, и Кустадыева с русскими красавыщами?

— Ван Гога знаю и Кустодиева тоже.

— Вот выдиш, Ван Гога знаэш, Кустадыева тожэ, а Вано Вэпхвэдзэ нэт. Это нэ справэдлыва, слюшай! Давай, купи картыну, дома на стэну павэсиш, будэш знат, кто такой Вано, будэш гостям паказыват, мнэ спасыбо гаварит.

— Сколько стоит?

— Какой маладэц, всё панымает. Тэбэ, как цэнытэлю, за пятсот лари отдам, савсэм бэсплатна! — взмахнул ладонью грузин.

— Пятьсот? — изумлённо уставился на него Дмитрий Петрович.

— Што? Многа? — развёл руками продавец. — Я тэбэ даром её отдаю, а ты глаза на мэня вилуплаэш! Врэмя маё тратыш. Иды атсюда, можэт, гдэ дэшэвлэ вэликого Вэпхвэдзэ купиш, — возмутился хозяин картины и обиженно отвернулся от покупателя.

Дмитрий Петрович удивлённо пожал плечами и продолжил обследовать рынок. Часа два супружеская пара внимательно изучала развал, с наслаждением втягивая в себя запахи ушедшего времени. От каждой вещи исходил свой неповторимый аромат — дух истории.

Наденьке удалось пополнить свою коллекцию прелестной французской фарфоровой куколкой первой половины двадцатого века, а Дмитрий Петрович удачно сторговал у старой торговки, плохо говорившей по-русски, любопытный натюрморт с изображением абрикосов, рассыпанных по столу вокруг бокала с красным вином. Написан он был лет пятьдесят назад на фанерной крышке от посылочного ящика. Довольные собой и покупками, супруги возвращались в гостиницу.

— Э, слюшай, зачэм мима идёш, на картину савсэм нэ смотрыш? — раздался позади знакомый голос. — Нэ хочэш Вэпхвэдзэ забираат, так и скажи. А то я тэбя тут цэлий дэнжду, дамой нэ иду. Никаму этот шэдевр нэ прадаю, голодный савсэм. Двадцат чэлавэк хатэли картину купит, всём атказал, тэбэ бэрёг, а ты мима праходиш. Будэш пакупат?

— За пятьсот лари?

— Канэчна! Патрогай, — протянул грузин картину Дмитрию Петровичу, — натуральный масло, гдэ ещё такой найдёш? Это тэбэ нэ в магазынэ для сывэниров. Там всё нэ настаящее — эрзац.

— Нет, дорого.

— Пачэму дорого? Пэтсот лари — дорого? Савсэм жадный, да? Совэсти нэт! Мнэ за нэе семсот лари давали, нэ прадал, тэбэ бэрёг. А ты — дорого! Аграбыт мэня хочэш, па мыру пустыт! Знал бы, што такой крукул, вчэра бы другому прадал за тысачу лари.

— Так за семьсот хотели купить или за тысячу? — улыбнулся Дмитрий Петрович.

— Вчэра за тысачу, сэгодна за сэмсот. Твой какая разныца? — возмутился продавец. — Иды давай дамой и нэ мароч мнэ уже

голаву. Но павэр, завтра сам прыбэжыш, спат вся ноч нэ уснэш. Мэтатся по падушкам будэш, про Вэпхвэдзэ думат.

Утром, сидя за чашкой кофе, Дмитрий Петрович с Наденькой наметали дневной план и рассмеялись послеобеденному посещению Сухого моста.

— За картиной второго Пиросмани?

— Обязательно!

Прогуляв всю первую половину дня в ботаническом саду, до краёв наполненном магией, и откушав в одном из подвальных старого Тбилиси эрбохачо, харчо, чашушули и кучмачи, супруги, взявшись за руки, неторопливо направились к рынку.

— Вай, сматры, Нино, идот! — донёсся издалека до счастливой парочки зычный голос грузина. — Я тэбэ гаварыл, куда дэнэтса! Картина у нас валшэбная, нэ днём, нэ ночью нэ атпускаэт.

Дмитрий Петрович широко заулыбался продавцу, как старому доброму знакомому.

— Вот, гуляем по городу. Заодно решили и по рядам пройтись, вдруг вчера чего не заметили, мимо проскочили.

— А што здэс сматрэт? Сматры, нэ сматры, болшэ такой красату нэгдэ нэ увыдэш. Так толка Алэксэй Вэпхвэдзэ мог нарысават!

— Как Алэксей? — удивился Дмитрий Петрович. — Вчера же Иван был.

— Развэ? Ты точна помныш? — подозрительно покосился на него грузин.

— Точно. Вы сами его Ваню называли.

— Нэ можэт быт! Што я Ваню от Алоши нэ атлычу? А тэбэ какой разныца, што Иван, што Алоша? Аны в адной сэмье жили. Это атэц и сын, нэ панымаэш, да?

— Не скажите. Возможно этот ваш Вепхвэдзе Ваню и второй Пиросмани, но тогда какой Алэксей? Третий, что ли? А если третий, то и цена должна быть, как за третьего.

— Умный, да? — сняв кепку, задумчиво потёр затылок продавец. — Ладна, угаварыл, бэри Алошу за трыста лари.

— Надо подумать.

— Иды, думай. Толка долга нэ хады, купыт могут.

И этот день оказался удачным. За двадцать лари Дмитрию Петровичу достался простенький городской пейзаж, по всей видимости, долго пылившийся где-то на чердаке или антресолях. Краска в некоторых местах осыпалась и на изображении виднелись какие-то потёки, но в целом картинка выглядела вполне сносно. Наденька же нашла однорукую куклу-марионетку фотографа грузина и была этому необыкновен-

но рада. Возвращаясь обратно, она повела бровями в сторону знакомого продавца.

— Нас, верно, высматривает.

И действительно, владелец трёх Пиросмани тревожно рыскал глазами по пёстрой толпе, спящей вдоль торговых рядов. Заметив Дмитрия Петровича, пожилой грузин радостно замахал ему своей огромной кепкой.

— Давай, давай, иды скарэй суда! Ужэ устали тэбя ждат с Нино. Всэ глаза прасматрэли. Нэт и нэт савсэм. Думали, ушол — нэ прыдэш. Забыл, про тэбя тут Джаванни Вэпхвэдзэ очэн скучаэт.

— Какой ещё Джованни? — от неожиданности подался назад Дмитрий Петрович.

— Как какой? — нахмурился грузин и показал на давешнюю картину. — Вот этот. Чачу пыл или вина многа.

— Не пил я ничего.

— Нэ пыл, а Джаванни нэ узнал. Можэт, тэмпэратура?

— Может, у вас температура?

— У мэна зачэм?

— Да просто бред какой-то, — потёр висок Дмитрий Петрович. — Этот ваш Джованни с утра был Алёшей, а вчера так и вовсе Иваном.

— Правда? — в свою очередь удивился грузин. — Вчера Иваном бил? Точна?

— Ну да, Иваном.

— И што тут нэ ясна? Иван, Джаванни — одна имя.

— Ага, то русское, то итальянское, то грузинское.

— Слушай, што прэстал, как в банэ лыст? Нэ знаэш нэчэ-го, так малчы, да? Джаванни — эта внук Ваню, сын Алошы, он в Италии радылся, в самом Мыланэ, там гдэ Ла-Скала. Там Паваротти пэл. Ты опэру лубыш?

— Люблю.

— А гаварыш, што нэ знаэш, пачэму Джаванни. Вот мама и папа, каторый Алоша, его так называли. В чэст дэда. Толка на италянском. У тэбя внуки эст?

— Нет.

— Вот кагда будут, ты их тожэ в чэст дэда назавы. Так всэ дэлают. Памят.

— Ну ладно. А картина тогда чья?

— Всэх! — обозлился грузин. — Ты савсэм нэ панымаэш? Или издэваэшса.

— Почему издеваюсь? Не понимаю, — искренно посмотрел на продавца Дмитрий Петрович.

— Вся сэмья Вэпхвэдзэ — художныки. Аны всэ вмэстэ картыны рысуют. Всу жызн, из пакалэныя в пакалэныя.

— Сколько лет?

— Много. Можэт, сто, можэт, болшэ. Дэд начынаэт, сын патом далшэ прадалжаэт, внуки закапчывают. Вэздэ так.

— И поэтому дорого?

— Канэчна! А как ты хатэл? Здэс какой труд? Сто лэт картыну пышут, нэ раз-два ляп. Одын зэмлю рысуэт, другой — лэс и полэ, трэтый — нэбо и воду. Патом адын шэдэвр палучаэтса. Сам выдыш.

— Ну уж, конечно, шедевр... — скептически ухмыльнулся Дмитрий Петрович.

— А ты выдыш, какой здэс мазок, выдыш, какой тэн? — обиделся грузин.

— Нет, не вижу, — сделал шаг в сторону от картины Дмитрий Петрович.

— Правэлно, нэ выдыш! У абыкнавэннаго художныка всо проста, а у классыка нэчэго нэ панятна, патаму и дорага. Павэсыш такую картыну на гвозд, и ходыш вакруг нэё всу жызн, и думаеш, што там на нэй нарысована. И мэчтаеш вэсэда. Сэгодна адна мэчта у тэбя, патаму што солнце так пасвэтило на краски, завтра у тэбя втарая мэчта, патаму што солнца луч на картыну лёг с другой стараны, а послэзавтра трэтый мэчта, патаму што солнца луч вапшэ нэкуда нэ лёг, тэмно на улыцэ, вэтэр адын и дожди идот. Сагласэн?

— Ну, наверное, и так бывает. Только мне авангард не нужен, я пейзажи люблю.

— Э, какой авангард, слюшай. Мнэ самаму авангард нэ нужэн. Маяковский толька замэчатэлный, но он — грузын, у нас радылса. Тут ныкакой нэ авангард, тут пэйзаж и ест, как у Лэвэтана. Помныш его картыну «Кладбищэ на Волгэ»? Я в Масквэ в Трэтаковкэ бил, кагда в сэсэре жили, Лэвэтана увидэл — лубов на всу жызн. Вэпхвэдзэ тожэ Лэвэтан, толка в Грузии.

— Да ну?

— Нэ вэрыш? А вот пасматры, — стал тыкать пальцем в тёмно-зелёные пятна на холсте грузин, — вот горы, выдыш, Казбэк.

— А почему они зелёные? Горы, если вдали, чаще синие.

— Какой сыные? Сыный нэбо, а тут лэс в гарах. Ты што, лэса нэ видэл?

— Видел. Ну, допустим тут лес, а где тогда Казбек? Там же снег круглый год на вершине.

— Э, какой снэг? Расстаэл снэг, экалогия такой сэгодна, тэпло вэздэ, парник на зэмлэ. Заводы там, фабрыки, машины ездат, воздуха нэ стала савсэм, адын газ. Вот и на Казбэк дашол, всо атравыл. Купишь картыну?

— Не знаю. Надо подумать ещё. Тут даже авторской под-
писи нет. Как определишь — Вепхвадзе это или нет?

— Ты какой-та тугой дум, вродэ так па русски. Очен долга
думаэш, два дня ужэ. Так и памэрэт можна. И што здэс ап-
рэдэлат? И так выдна, настаящий Вэпхвадзэ. Нэ вэрыш?
Тэбя как завут?

— Дмитрий.

— О, Димэтр, хорошее имя, умное. А мэна — Арчыл, или
Арчи завы. А ты знаэш, аткуда твой имя?

— Вроде греческое.

— Маладэц, знаэш. Димэтр — это бог в Греции, он палями
и уражайми рукавадыл. Ты сам аткуда прыехал?

— Из Калининграда.

— О, Лэнинград, красывый город, чут хужэ Тбилисо. Я
там бил давно, эшо в савэтскае врэмя. В Эрмитаж хадыл, на
Аврору хадыл, в Лэтнэм саду хадыл, в Пётропавлавку ха-
дыл, по Нэвскаму хадыл. Панравылса мнэ Лэнинград. Но
сучна. Грузын мала, пэсэн мала, Куры нэт, Авлабара нэт,
вино — дран. Прасты. Картину завэрнут?

— Я ещё не решил, — задумчиво посмотрел на «шедевр»
Дмитрий Петрович.

— Пачэму нэ рэшил, а? Из-за подпэси, да? Ка мнэ ужэ
сорак чэлавэк падхадилы, прадат прасылы, пэтсот лари да-
валы, на подпыс нэ сматрэлы. Нэ прадал, тэбэ бэрог, как
другу. А ты — нэ рэшил. За двэсти лари нэ рэшил. Бэсплатно
савсэм! Бэри, пака дошева, — настаивал Арчил.

— Я думаю.

— Вах, ты слышала, Нино, он эщё думаэт. Индук тожэ
думал, пака в харчо нэ папал. Можэт чачи выпьем, чтобы
думал быстрэе? Или в нарды сыграэм?

— Нет, сегодня не могу. Сейчас в консерваторию идём опе-
ру Доницетти слушать.

— Навэрно «Любовный напыток»?

— Точно, — удивился эрудиции грузина Дмитрий Петро-
вич.

— Какой маладэц! Завтра расскажэш, как пэли. Я патом
тэбэ «Сулико» спаю. Сравныш, — и, повернувшись к жене,
Арчил добавил. — Пасматры Нино, Димэтр на опэру идот,
наш чэлавэк, настаящий грузын.

После спектакля супруги в отличном настроении не-
спешно возвращались в гостиницу. По дороге они бес-
конечно делились между собой впечатлениями об опере,
консерваторской акустике, актёрах и певцах, об оркес-
тре и зрителях. И только в номере вспомнили о продав-
це-грузине.

— Когда к Арчилу завтра пойдём торговать Вепхвадзе? — подмигнула супругу Наденька.

— Как обычно, после обеда.

— А давай с утра. С утра мы туда ещё не ходили.

— Ну давай, — согласился Дмитрий Петрович, — позавтракаем и пойдём.

— Нет, давай совсем рано пойдём, когда ещё и торговли нет, а продавцы только-только подтягиваются к рынку и начинают раскладывать свои сокровища.

— Так это часам к восьми надо уже там быть. Встанешь?

— Встану, — уверенно ответила Наденька и хитро прищурилась. — А ты представь, какое лицо будет у нашего замечательного грузина, когда он увидит, что мы его уже ждём!

— Нет, не могу. Хотя... — вдруг рассмеялся Дмитрий Петрович.

— Вот-вот.

Арчил, впряжённый в самодельную коляску, наполненную товаром, полусонно двигался к Сухому мосту. Рядом с ним, высоко подняв подбородок, аристократично вышагивала Нино, раскрыв над головой китайский зонтик и придерживая подмышкой дамскую сумочку. Её взгляд был устремлён поверх голов идущих навстречу людей.

— Гамарджоба, Арчи! Гамарджоба, Нино! — приветствовали пару ранние торговцы.

— Гагимарджос, Гиви! Гагимарджос, Ашот! Гагимарджос, Елена! — кланялся в ответ Арчил.

— Гагимарджос, — небрежно отвечала Нино.

— Арчи, Нино, там вас уже ждут, — предупредили по дороге супружескую чету.

— Ждут? Кто ждёт, скажи? — окончательно проснулся Арчил.

— Увидишь.

— Димэтр! Надин! — широко улыбаясь, закричал на весь рынок грузин, заметив стоящих на его торговом пятачке знакомых. — Вах, какой нам падарок, Нино! Пакупатэли раншэ прадавца прэшлы. Эта балшой чэст для нас! Такая удача можэт адын раз в жизни бываэт. У мэна пэрвые — точно! Давно ждош? — заключил Дмитрия Петровича в свои объятия Арчил.

— Ещё солнце не встало, пришли, — пошутил Дмитрий Петрович, аккуратно высвобождаясь от цепкой хватки.

— Ты слышала, Нино, какой джигит — Димэтр! Ночю, в тэмнатэ к нам с тобой са сваей Надин пашол! Нэ напугалса! Настоящий гэрой! Мцыри! Я тэбэ за эта Бруно Вэпхвадзэ за сто лари падару! Павэсиш дома на стэну, Арчи с Нино доб-

рым словом помныт будэш. Мы ыкат станэм, тэбя с Надин вспомним. Дай, пацэлюю!

— Слушай, Арчил, — от переизбытка чувств перешёл на «ты» Дмитрий Петрович, — а почему сегодня уже Бруно? Вчера ещё Джованни был. Второй внук, да?

— Ай, маладэц, Димэтр! Умный какой! Пачты чут-чут нэ угадал, — весело рассмеялся грузин. — Бруно — это правнук Вану. У Вэпхвэдзэ цэлый дынастия художныкав, как у вас Рурыки. Ат княза Игара до батки-цара Ивана Грознава. Сэм-сот лэт Русью правэли, так и у нас Вэпхвэдзэ болшэ сто лэт рысуют. Дай Бог им таланта эшо на пэтсот лэт и далшэ. Я тэбэ тут подпыс напысал на картынэ от всэх Вэпхвэдзэ. Тэ-пэр купиш?

— Какую подпись? — у Дмитрия Петровича отвисла челюсть от изумления.

— Ну ты вчэра жалэл, што подпысы художнэка нэт. Я пад-пысал. Тэпэр эст, сматры, — развернул Арчил перед ошарашенным покупателем полотно. — Правда, красыва?

Внизу картины слева направо, во всю ширь, красным фло-мастером кривыми русскими буквами было написано: «Вэбхвэдзэ Вану — атэц, Вэбхвэдзэ Алоша — сын, Вэбхвэд-зэ Джавани — внук, Вэбхвэдзэ Бруно — правнук. Картынэ сто лэт. Пэйзаш. Казбэк в лэсу».

— Мама родная! — ахнул Дмитрий Петрович.

Наденька, отвернувшись в сторону, кусала носовой платок, глаза её наполнились слезами, а плечи вздрагивали.

— Нравытса тэпэр? — улыбался Арчил, вопросительно глядя на покупателя. — Бэрош?

— Очень нравится! С подписью просто шедевр! За такое и переплатить не жалко. Гениально! Беру! — отсчитал сто пять-десять лари Дмитрий Петрович.

— Вай, маладэц, Димэтр! Тэбэ — удача, мнэ — удача. Ты замэчатэльный пакупатэл! Лучший у мэна.

— А ты, Арчил, замечательный продавец! Лучший у меня.

— И у меня, — подтвердила Наденька, вызвав первую улыбку на лице Нино.

Грузин протянул деньги супруге:

— Нино, царыца мая, схады к Софико, вазми у нэё чачу, хачапури, винаград. Скажи, Арчи друга встрэтил, из Лэнин-града прэлэтэл са сваэй Надин. Празнык у нас. Шашлыки у Дато купы из настаяшэй авцы.

— Моя Надя чачу не пьёт, крепкая она.

— Пачэму — крэпкая? Нэчэго нэ крэпкая, чут крэпчэ вина, савсэм как лэманад.

— Да и времени у нас нет.

— Пачэму нэт? — нахмурился грузин. — Зачэм абижаэш?
Всэго час пасэдим, пагаварым, я тэбэ «Сулико» спаю. В на-
рды играэш?

— Нет.

— Научу.

Через два часа, выпив из пластикового стаканчика оче-
редную порцию чачи, Арчил выпрямился, зажмурил глаза и
в третий раз затынул: «Сада хар чемо Сулико!»

Второй куплет подхватили соседи Арчила, тоже подняв-
шись со своих мест во весь рост, а третий куплет запевал уже
весь рынок. Закончилось невероятное исполнение дуэтом
Арчила и Нино.

— Это тэбэ на прашаниэ от всэй Грузии, — склонил голову
Арчи.

— Боже, какие голоса, какие голоса! — плакала в восторге
Наденька.

— Ты должен к нам приехать, Арчи, слышишь, должен, —
требовал у грузина ответа совершенно обалдевший Дмитрий
Петрович. — Обязательно с Нино! Мы вместе решим, где
повесить твою картину. Дай слово, что приедешь.

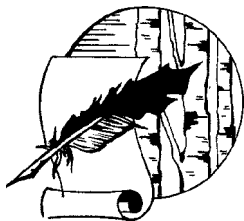
— Прыеду, дарагой, абэзатэлна прыеду. Давно хачу в Лэ-
нинград. И Нино пускай пасмотрыт на втарой Тбилисо.

— В Калининград, — обнимая за плечи Арчила, поправил
Дмитрий Петрович.

— Э, какой в этам разныца, Калынинград-Лэнинград.
Главнаэ, што у нас с тобой, Димэтр, Грузия и Расия навсэгда!

— У нас с тобой, Арчи, точно Россия и Грузия навеки!

г. Калининград

Светлана МАКАШОВА

Я ВЕКОМ ПОЗЖЕ РОЖДЕНА!

ЖИЗНЬ ПО ПУШКИНУ

Я, как прежде, не верю в судьбу и не верю в проклятье,
И для чувств, и для мыслей мне жизнь бесконечно мала.
...Босоногая девочка в стареньком клетчатом платье
С книжной полки тихонечко Пушкина томик взяла.
Зашуршали от ветра, согнулись, помялись страницы,
Сквозняком распахнулась навстречу балконная дверь —
Это детство по комнате в трепетном вальсе кружится,
Сколько радости, счастья, задора — попробуй измерь!
И смотрю я на мир через пыльных веков витражи,
С каруселью времён, будто вихрем, кружась ежечасно.
Вижу: милый ребёнок читает по Пушкину жизнь,
И поэтому знаю, что всё в этой жизни прекрасно!

НОСТАЛЬГИЯ

Как жаль, что у меня нет вас!
Вас, пышных с кружевами платьев,
Вас, старых нянь и младших братьев,
Улыбки губ и блеска глаз.
Вас, старых правил ненавистных,
Седых, в пенсне, учителей,
Мечтаний, искренних и чистых,
В ночном саду пустых аллей,
Усадьбы, крови благородной,
Внезапных встреч, внезапных грёз,
Души, открытой и свободной,
Минутных радостей и слёз,

Вас, молодого офицера,
Чей страстный взгляд меня смутит,
И шума полного партера,
И грусти мелочных обид.
Балов, где скрипок пели струны,
Где танцевали до зари,
И Александр Пушкин юный
Мечтал, влюблялся и творил.
Мне не сидеть в беседке сквера,
В саду фиалки не срывать,
Не мучить взглядом кавалера,
Мазурку с ним не танцевать,
Но по губам скользнёт улыбка:
Увы, другие времена!
Судьбы нелепая ошибка —
Я веком позже рождена!

И ГРЯНЕТ ГРОМ

И грянет гром, и догорит свеча.
Всё это было раньше в мире бренном.
И хочется молчать о сокровенном
И не рубить, как водится, с плеча.
А глаз твоих сургучная печать
Клеймит моё истерзанное тело.
Я стала сильной, хоть и не хотела,
От ласковых ожогов сургуча.
Я выбегу под ливень без плаща,
Смывая пятна липких обещаний.
Я жгла свечу, смиряясь и прощая,
А надо было лишь сказать «прощай».

МОЙ ГОРОД

Я снова здесь судьбе наперекор.
В Самару возвращаюсь, как беглянка,
Мой славный город, вставший спозаранку,
Ведёт со мной неспешный разговор.

Опять ныряю в утро с головой,
Вдыхаю полной грудью свежесть улиц.
Проснулся город, жители проснулись!
Он тоже дышит, значит, он живой!

Он шелестит весеннею листвою,
Деревьев тени стелет, где придётся,
И щурится от ярких бликов солнца,
Что отразились в лужах мостовой.

Нас разлучат, но я к тебе вернусь,
Преодолев печаль и километры,
К тебе, где на просторах плачут ветры,
Где катят волны ласковую грусть.

Так было, есть и повторится впредь —
Омыв ладони волжскою водицей,
Я вновь пойму: здесь стоило родиться,
Чтоб вырасти, и жить, и умереть.

* * *

И снова в одуванчиках мой луг.
Как огоньки горят под образами,
Они повсюду — жёлтыми глазами,
Наполненными росными слезами,
Наивно и светло глядят вокруг.

Землёю стать любимым суждено.
Уйдём и мы. Всё это повторится.
И снова дождь омоёт чьи-то лица,
И будут щебетать над нами птицы,
И пожелтеет снова луг весной.

У каждого свой ад и небеса.
И выбор сей случится неизбежно.
Не потому ль пронзительно и нежно
Следят за нами, чисто и безгрешно,
Любимых душ цветочные глаза...

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Держу в ладонях бабочку. Лети!
Ввысь, к небесам, мой отголосок счастья!
Я знаю, не минуют на пути
Соблазны, искушенья и ненастья.
Взмахнёшь крылом под колокольный звон,
Оставив миру глупую тревогу.
Кто верою и правдою силён,
Развеив тьму, дотянется до Бога.

Ни боль, ни страх не стоят ни гроша,
Ведь здесь, под этот звон, подобный песне,
Моя неискушённая душа,
Как бабочка, взмывает
В поднебесье!

НЕРАВНЫЙ БОЙ

Вновь диалог поведу с собой,
В зеркале видя фею.
Бой мой последний, финальный бой
Я проиграть не смею.

Платье, каблук, макияж, парфюм —
Все учтены нюансы.
Мой арсенал поражает ум,
И у тебя ни шанса.

Буду хорошей, плохой — любой:
Матерью, дочкой, гейшей.
В этом (неравном) бою с тобой
Пусть победит сильнейший!

Знаю, победа мне по плечу,
Опытна, уж не двадцать.
Но почему же я так хочу
Не победить, а сдаться?..

...И утонула в твоих глазах,
Словно в иных Вселенных...
(Если бы раньше мне кто сказал,
Что не берёшь ты пленных!)

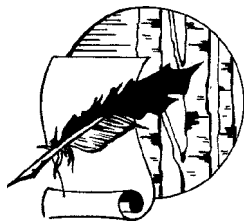
Взгляд их пронзительно-голубой
Вводит в подобье транса.
Я проиграла финальный бой,
И у меня ни шанса.

О ПОЭТЕ

Да что, друзья, мы знаем о Поэте?
О скорбных думах на его челе?
Его стихи — потерянные дети,
Что разбрелись, блуждая по Земле,

Его слова — израненные птицы,
Что взмыли к солнцу, крыльями шурша,
И в каждой буквы маленькой крупине
Дрожит его звенящая душа.
Водовороты бурных лихолетий
Преодолев, он пел свободный стих.
Немало строк сложили о Поэте,
И он — Поэт — живее всех живых.
И путь его — благословлённый свыше,
Ведь, Богом поцелованные в лоб,
Стихи поэты не слагают — дышат
Стихами... Через мутное стекло
Промозглых будней рифма искрой брызнет,
И запылают вмиг в сердцах огни!
Поэзия — она как образ жизни,
Который невозможно изменить

г. Самара

Сергей ПАНФЁРОВ

ВСЕВИДЯЩИЙ СВЕТ

* * *

Подёрнулись золотом рощи,
Летят светлячки паутин,
И мельница жизни полощет
Бельё наших дней у плотин.

И лес среднерусский прекрасен,
Когда многоцветьем объят,
А там, на далёком Донбассе,
Деревья без листьев стоят.

Стволы их подобны скелетам,
Обугленным в горне войны,
Ещё с прошлогоднего лета
Они и страшны, и стройны.

Как недогоревшие свечи
В поруганном храме стоят.
Им вырвали горла, им нечем
Отпеть наших павших ребят.

Не слышно листвы говорливой,
И птицы здесь гнёзда не вьют —
Дрожа маскировочной гривой
Орудия злобно поют.

Ах, осень, тревожная осень,
Ты что нам несёшь в коробах?
Грибы средь берёзок и сосен?
Героев в казённых гробах?..

А может быть, мир и победу?
Не скрою, их все заждались.
Веди нас по Божьему следу
В святую и чистую высь!

Коль нет нам дороги попроще,
Пусть грянет решительный бой,
Чтоб недогоревшие рощи
Весною оделись листвою.

«ДОБРЫЙ»

Весь подтянутый и бодрый,
Словно вечность впереди.
Я читаю надпись «Добрый»
Справа на его груди,

На пятнистом камуфляже,
Чуть потрёпанном войной.
А по виду и не скажешь,
Что стоит с тобой герой.

Не высок, лицом не бросок,
Подкупает свет из глаз.
Не по возрасту белёсый —
Испытала жизнь не раз.

Он с улыбкой добродушной
Говорит: «Позволь, спою.
Эта песня, ты послушай,
Согревала нас в бою».

Вскинул голову, смеётся,
На груди медали медь:
«Может, больше не придётся
Мне вот так, со сцены спеть...»

«Что же, спой, коль ты не гордый.
Как тебя мне объявить?»
«Объяви, брат, Сашка «Добрый».
С позывным привык я жить».

Парень спел. Под крики «Браво!»
Поклонился низко всем

И сошёл со сцены бравый
И растроганный совсем.

Завтра в путь, окончен отпуск.
Нет в том Сашкиной вины...
Здесь в тылу остался отзвук
Доброй песни и... войны.

Не люблю я молвить догмы,
Но куда от них порой?
Возвращайся, Сашка «Добрый»,
С новой песней и живой!

ДРОН

Беспощадный и бездушный,
Прилетел сегодня дрон.
Чьей-то прихоти послушный
Чью-то смерть доставил он.

Заглянул с высот в окопы,
Сбросил огненный заряд
И прервал земные тропы
Сразу нескольких ребят.

Всё просчитано, резонно,
Объяснимо всё вполне —
Убивать дистанционно
Стали в нынешней войне.

Так оно спокойней, вроде,
Тем, кто к джойстикам привык,
Чтоб не чувствовать, как входит
В тело твой калёный штык.

Чтоб глаза в глаза не встретить
Убиваемых тобой,
Чтобы пугали, как дети,
Бой с компьютерной игрой.

И потом не будет страшно
Развязать ещё одну —
Без штыков, без рукопашной —
Всеракетную войну.

И без всяких сожалений,
Отвергая Неба твердь,
Под завесой обновлений
Правит бал всё тот же гений.
Ну а смерть, как прежде — смерть.

* * *

Я чувствую, как дышит горизонт,
Земная грудь вздымается на вдохе.
И прерывать дыханье не резон
В угоду растерявшейся эпохе.

В угоду разухабистым умам,
Не в меру заигравшимся гордыням.
Войду с молитвой покаянной в храм
И поклонюсь немеркнущим святыням.

Спаси, Господь, наш мир и сохрани!
Пусть захлебнётся Третья мировая!
Живой Земли продли живые дни!..
Молюсь, а кровь — от края и до края.

УТРАТА

Поникли травы у пруда,
И росы сохнут только к полдню.
Мне кажется, он был всегда.
Жизнь без него уже не помню.

Он был всегда, он был везде.
Мы вместе новый век встречали.
Мы с ним делили в борозде
И радость дня, и ночь печали.

Мы с ним делили хлеб и соль,
И труд, и быт, и чувство долга...
И нет его. Осталась боль,
И эта боль теперь надолго.

А с ней — глухая пустота,
Вокруг нависшая над нами,
И над могилой свет креста —
Нас призывающее знамя.

* * *

Евгению Артамонову и Владимиру Хомякову

Мы у Бога чудес не просили,
Но простёр Он всевластную длань,
И сошлись мы, чтоб славить Россию
И щемящую сердце Рязань.

Не сговаривались, не таились,
Не слагали лихой манифест.
Просто чувства, что в душах роились,
Возвели нам неистовый крест.

И к нему по тропинке тернистой
Мы пошли, исполняя завет.
И всходил над равниною мгlistой
Несказанный Всевидящий Свет.

* * *

Всевидящий Свет — откровение Божье,
Нас грешных, незрячих согрей, просвети,
Чтоб мы не увязли в сыром бездорожье
И вышли из тьмы к всеблагому пути.

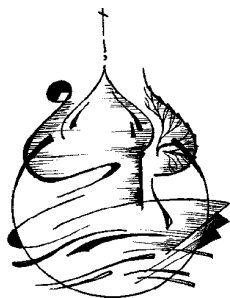
Всевидящий Свет, пред тобой мы открыты.
Во власти твоей и закат и рассвет.
На этой земле от бомжа до элиты
Мы званые все, только избранных нет.

г. Кораблино Рязанской обл.

НОМИНАЛЬНОЕ ХРИСТИАНСТВО ЕВРОПЫ

Недавние события во Франции, связанные с Олимпийскими играми, продемонстрировали неприкрытый сатанизм Европы. Церемония открытия игр в конце июля ныпрошлого года многими справедливо расценивается как сцена поклонения дьяволу. Многие удивляются: вроде бы Европа всегда была христианской, а тут такой шокирующий разворот на 180 градусов. Сразу отмечу, что, конечно же, и сегодня в Европе есть истинные христиане. Речь идет не о них, а о европейской элите, о светской и даже церковной власти.

Впрочем, для тех, кто внимательно следил и продолжает следить за Европой (как извне, так и изнутри нее), тут никакой неожиданности нет. Об этом развороте писали: например, еще в позапрошлом столетии в России известный философ-мыслитель Константин Леонтьев, поэт Федор Тютчев, писатель Федор Достоевский и многие другие. О завершении христианской эры в Европе убедительно и ярко писал в вышедшей век назад книге «Закат Европы» немец Освальд Шпенглер. Свои размышления по

СИМВОЛ ВЕРЫ

поводу труда «Закат Европы» я изложил в своей книге «Конец истории или смерть Запада? Читая Шпенглера» (М.: Книжный мир, 2021).

Но с дороги христианства Европа сбилась намного раньше. Если быть точным, то это произошло в 1054 году. Это дата официального отпадения западной, католической ветви от единого древа христианства с его тысячелетней историей — так называемая «Великая схизма». Святые отцы Восточной (Православной) Церкви небезосновательно назвали отпавшую католическую церковь «засохшей ветвью» христианства. Еще несколько столетий католицизм выдавал себя за «живую» церковь, отдельные листочки на отпавшей ветви сохраняли свой зеленый цвет.

Но вот 507 лет тому назад по европейской церкви был нанесен второй сильнейший удар — началась инициированная Мартином Лютером революция, получившая название «реформация». В Европе стало зарождаться псевдохристианство, получившее название «протестантизм». О Великой схизме, о Лютере с его «95 тезисами» 1517 года, о начавшейся после этого реформации написаны сотни книг. Пересказывать их нет смысла.

Но сейчас я хочу напомнить об одном событии, имеющем отношение к теме дехристианизации Европы, которое произошло ровно 500 лет. И о котором почему-то не очень много написано. Речь идет о панике, которая охватила многие страны Европы в 1524—1525 гг. Причина паники — ожидание европейцами «конца света» в виде второго Всемирного потопа. Эта история помогает лучше понять, в каком духовном и умственном состоянии находилась Европа пять веков назад.

Инициировал эту панику немецкий астролог Иоганн Штофлер (1452—1531). Впрочем, он был не каким-то чудачком-самоучкой, а уважаемым ученым, который занимался астрономией и математикой. Даже стал ректором Тюбингенского университета. При этом был монахом. В этом нет ничего удивительного, так как наука и религия в позднем Средневековье еще «дружили» друг с другом. Более того, монахи считались наиболее образованной частью общества, а некоторые монастыри слыли центрами научной мысли. И на базе отдельных монастырей учреждались университеты. Так, еще на излете XV века, в 1499 году, Иоганн Штофлер обнародовал одно своё «открытие»: 1 февраля 1524 года должен произойти Всемирный потоп — такой же, который описан в книге «Бытие» и который уничтожил всё человечество за исключением семейства праведного Ноя. Этот вывод ученый монах сделал на основе своих астрономических-астрологических изыска-

ний. Мол, Юпитер, Сатурн, Марс и еще несколько планет одновременно окажутся в созвездии Водолея. Одновременное попадание многих планет в это созвездие означает не что иное, как новый Всемирный потоп!

Хотя тогда не было ни телефона, ни телеграфа, «пророчество» ученого монаха стало распространяться по немецким землям со скоростью лесного пожара. Затем оно вышло на просторы всей Европы, включая Британию. Правда, некоторые историки считают, что Европу одновременно подожгли с разных концов такие же ученые-астрологи. Число таких поджигателей, по некоторым оценкам, достигало сотни (правда, одни предсказывали второй Всемирный потоп, а другие — просто большое наводнение). Надо иметь в виду, что Европа уже пользовалась печатным станком, изобретенным в предыдущем столетии Гутенбергом. По Европе циркулировали печатные брошюры и листовки, предупреждавшие людей о «конце света».

В Европе началось паника, которая порой переходила в самое настоящее беснование. Причем действия людей были очень разными. Многие стали запасаться продуктами и уходить в горы. Кстати, историки отмечают, что к 1 февраля 1524 года Лондон покинули 20 тысяч жителей. Были, конечно, и такие, кто распродал свое имущество и вырученные деньги раздавал нищим. Должники перестали платить своим кредиторам, а большинство кредиторов перестали выбивать долги: зачем им деньги, если завтра придет смерть?

Наконец, были и такие, кто не верил ни в Бога, ни в черта, а, пользуясь удобным случаем, скупал имущество за копейки. Было множество случаев, когда склады продовольствия, создававшиеся в высокогорьях, подвергались грабежам.

Во многих книгах по истории Англии говорится о некоем Уильяме Болтоне, настоятеле церкви Святого Барта. Он построил башню в своем доме в Кэннонбери, чтобы пережить наводнение. Видимо, решил уподобиться правителю Нимроду, который после Великого потопа строил башню «до небес» в Вавилоне.

Бедные люди в начале XVI века конопатили и смолили лодки. Те, кто побогаче, решили уподобиться Ною, начав строить ковчеги. Причем строили ковчеги даже там, где не было никакого выхода на большую воду. Были построены тысячи таких ковчегов около домов тех, кто готовился к глобальному наводнению. Доктор из Тулузы по имени Орион заказал для себя, своего семейства и своих друзей ковчег, отличавшийся большими размерами. Но всех переплюнул граф Иггельхайм, построивший на Рейне трехпалубный ковчег.

Правда, загружать земных тварей на свое судно граф не собирався, он заполнил своей ковчег продовольствием и всем необходимым для жизни на долгие годы. Ковчег должен был отчалить 1 февраля 1524 года. На берегу рано утром в этот день собралась громадная толпа зевак. Кто-то из них до конца не верил, что начнется Всемирный потоп. Просто пришли поглазеть на странного графа и его необычный корабль.

Но тут, на беду графа, начал накрапывать мелкий дождик. Что привело толпу в состояние ужаса. Даже самые неверующие испугались, приняли дождик за начало потопа. Толпа людей стала рваться на борт судна. В панике и давке погибло более сотни человек. Сам граф был растерзан. Вскоре, кстати, дождик закончился. А весь берег был устлан телами погибших. Между прочим, 1524 год оказался на редкость засушливым. К тому же почти никто уже не засеивал поля. Так что ожидание конца света обернулось страшным голодом в Европе. Для многих действительно наступил конец света в виде голодной смерти.

Нашлись и такие, кто в ожидании конца света распродал свое имущество и напоследок впадал в состояние непрерывного загула и откровенного разврата. Что-то в духе маленькой трагедии А.С. Пушкина «Пир во время чумы». Священник Родион так описывает охватившее Европу в 1524 году беснование: «Половина населения Европы до февраля пряталась в горах, испытывая холод и голод, но «скрашивая» «последние дни» обильным возлиянием спиртного. Многие падали замертво, и никто не предавал их земле, потому что одни уже не верили в святость сей христианской традиции, другие же ничего не видели и не слышали, оглушенные винными парами. Люди в открытую спали с чужими женами и мужьями, и это считалось уже вовсе не за грех. Групповой разврат и насилие охватили страны европейские» (Священник Родион. Когда наступит конец света? — М., 1998, с. 6-7).

Итак, удивительное совмещение у большинства европейцев веры в конец света, о котором говорило христианство, и одновременно дерзкое, можно сказать, безумное попрание заповедей как Ветхого, так и Нового Заветов.

Посидев где-то в горах в течение всего февраля, беглецы в марте 1524 года начали осторожно возвращаться в свои дома. Иоганн Штофлер и другие «пророки» начали вносить коррективы в свои предсказания. Сначала, отодвигая «конец света» на дни, потом — на месяцы. Потом «пророки» заявили, что потоп будет не всемирным, а локальным. Что затронет он в основном Пруссию. Но конец света всё не наступал и не наступал.

Последствия «пророчества» Штофлера для Европы трудно оценить в полной мере. Ведь та паника, которая была им спровоцирована, стала, в свою очередь, «спусковым крючком», запустившим другое событие. Это событие, хорошо прописанное в учебниках по истории, называется «Крестьянской войной в Германии». Этой войне в этом году также исполняется полтысячи лет. Она датируется 1524—1525 гг.

Наконец, Иоганн Штофлер, опираясь на расчеты знаменитого баварского математика и астронома-астролога Региомонтана (подлинное имя Иоганн Мюллер) перенес конец света сразу на несколько десятков лет. Датой начала апокалипсиса был назван 1588 год. Штофлер, правда, до этой даты не дожил. Избежав тем самым очередного позора.

Между учеными-«пророками» началась определенная конкуренция. В игру вступил ученый пастор Михаил Штифель (1486—1567), также математик, астроном и по совместительству астролог и нумеролог (некоторые биографы говорят, что он скорее не нумеролог, а каббалист). Между прочим, единомышленник Мартина Лютера; последний, в свою очередь, активно поддерживал «пророчества» Штифеля. Ученый пастор издал книгу «О конце света», в которой определил момент «конца света»: октябрь 1533 года. Благодаря Лютеру «пророчество» Штифеля было хорошо «раскручено».

Священник Родион так описывает новую серию европейской паники и беснования: «Штифель на основании своих каббалистических изысканий объявил, что 13 октября 1533 года будет потоп и кончина мира. Во Франции и Италии богачи, поверившие ему, сооружали ковчеги, крестьяне продавали свое имущество, готовясь к приходу антихриста. Но когда в назначенный день ничего особенного не произошло, Штифель передвинул дату конца мира на 1588 год... Люди опять поверили Штифелю, поверили многие, поскольку ересь облачается в красноречивые слова и прельстительна многим лишенным истинного слуха. Опять возобновились продажа имущества за гроши, пьянство и разврат, ожидание кары Господней...» (там же, с. 8).

Внимательное изучение событий пятисотлетней давности в Европе, связанных с ожиданиями «конца света», наводят на мысль, что тогдашняя Европа позднего Средневековья, которую многие называют «христианской», таковой уже не была. Примечательно, что в те времена интеллектуальная и церковная элиты Европы были еще в значительной степени единым целым. Какого ученого того времени ни возьми, оказывается, что он — монах, пастор, кардинал. Некоторые из них были действительно хорошими астрономами, математиками, физиками. Но вот христианами их назвать уже язык не поворачивается.

Во-первых, любой грамотный человек, знакомый с Новым Заветом, помнит слова Иисуса Христа: «О дне же том или часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец» (Марк. 13: 32). Здесь Спаситель говорил о времени кончины этого земного мира. Европейские клирики позднего Средневековья уже считали себя «богами», коль скоро так легко и смело вещали о датах грядущего Апокалипсиса. И не очень смущались тем, что их «пророчества» не сбывались. Назначались новые даты. И сегодня на Западе можно услышать подобные «пророчества» от тех, кто, не стесняясь, называет себя «христианами». Для кого-то вбросы таких «пророчеств» стали инструментами политики, для кого-то — просто бизнесом.

Во-вторых, «пророчества» Иоганна Штофлера и других так называемых «ученых христиан» часто сводятся к предсказанию «Второго Всемирного потопа». А ведь грамотные (тем более по-настоящему верующие во Христа) люди знают, что Всемирного потопа больше не будет. Об этом четко и внятно сказал апостол Петр: *«...тогдашний мир погиб, быв потоплен водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков»* (2 Петр.3: 6-7).

В-третьих, «ученые монахи» и прочие «мудрецы» европейской церкви не стеснялись заниматься астрологией, нумерологией и даже каббалистикой. Всё это было категорически запрещено не только Вселенскими соборами христианской церкви. Еще до христианства на это существовал категорический запрет в Ветхом Завете. Приведу примеры. «Прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых — мерзок перед Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего» (Втор. 18: 9). «Знания гадателей Я обращаю в ничто, прорицателей обожу вокруг пальца, мудрецам наношу поражение, все их знания делаю глупостью» (Ис. 44: 25). «Пусть не обманут вас пророки и гадалцы, которые среди вас, не слушайте сновидцев с их снами! Эти люди вещают вам от Моего имени ложь, Я не посылаю их, — говорит Господь». (Иер. 29: 8).

Итак, паника, которую посеяли в Европе ровно пять столетий назад «ученый» монах Иоганн Штофлер и его единомышленники, показывает, что Европа уже тогда была «христианской» лишь номинально. Поэтому нет ничего удивительного в том, что сегодня Европа уже сняла маску и показала свою сатанинскую морду.

ХОХЛОБРЕДНИ

По мере того, как всё более явно проявляется перелом в ходе специальной военной операции (СВО), становится актуальным дело послевоенного устройства земель, которые пока еще называются Украиной. С названия и надо начинать обдумывание будущего. Известно, как корабль назовешь, так он и поплывет. Название «Украина» стало уже привычным, но по историческим меркам оно новое и, выражаясь современным языком, некорректное. Дело в том, что Украина в границах 1991 года состоит из нескольких областей с историческими наименованиями Малороссия, Слобожанщина и Новороссия. Более древние названия — Область войска Запорожского, Таврия и Русь.

Идеолог украинизма Грушевский выдвинул идею, что Украина началась со времён Киевской Руси. Но тогда Киев не был украиной (окраиной). Он был центром, столицей Руси и считался Матерью городов русских. А украинями (окраинами) называли, например, Мещеру и ряд других окраинных земель. В «Толковом словаре живого Великорусского языка» уроженца Луганска Владимира Даля читаем: «Украй, украйна —

РУССКИЙ МИР

область с краю государства или украиная. <...> Ныне Украинской зовут Малую Русь».

Впервые официальное название получила «польская украиня», т.е. окраина Речи Посполитой. Здесь и был создан идеологический проект «Украина» для борьбы против Московского Царя, стремившегося объединить исторические русские земли. Его главными постулатами стали:

— Украина — не Россия. Украинцы и русские — разные народы.

— Только украинцы — наследники Киевской Руси.

— Московиты (москалы) — отсталые варвары, препятствующие процветанию Украины.

— Польша — путь к настоящей европейской цивилизации. Из этого выродился современный призыв «Украина — це Европа».

Как видим, проект «Украина», созданный польскими паннами, был изначально антирусским. Соответственно, приверженцы украинизма — русоненавистники. Поэтому любой украинец уже на подсознательном уровне несет в себе заряд, скажем так, «нелюбви к русским».

В последующие века основные положения проекта «Украина» использовали в своих целях Австро-Венгрия, Германия, Британия. В наше время США и весь нецивилизованный Запад.

Возникает вопрос: а как же «украинцы» несколько веков жили в составе Московского царства — Российской Империи? Отвечаем: хорошо жили. Потому что они были малороссами.

Имя «малоросс» не несет никакого унижительного значения. Оно происходит от названия «Малороссия», т.е. малая, изначальная Русь. Наоборот, это имя почетно. И оно не требует бороться с другими жителями Руси. Малоросс и великоросс — действительно братья.

А украинец и москаль «никогда не будут братьями» (как поется в излюбленной песне укров). Вот почему новое название освобождаемых земель никак не должно ассоциироваться с русофобским названием «Украина».

Другой вопрос: готовы ли украинцы вернуться к своему историческому имени? Часть из них безболезненно опять станут русскими. А вот для той части, кто захочет сохранить свою национальную идентичность, приемлемым может стать имя малоросс. Сейчас такой возврат к исконному национальному имени выглядит делом непростым. Но и для переделывания малороссов в украинцев наши враги тоже потратили немало времени и денег.

Еще в начале XX века лишь несколько процентов населения называли себя украинцами (в основном в сельской местности). А большинством были малороссы с родным русским языком. Согласно Всероссийской переписи населения 1897 года, в Киеве проживало 240 тыс. жителей, из них 130 тыс. назвали родным языком великорусский, 55 тыс. — малороссийский.

Через полгода после Февральской революции в Киеве была проведена новая перепись, согласно которой в городе проживало 460 тыс. человек. На этот раз русскими назвались 50% населения Киева, евреями — 18%, украинцами — 12%, малороссами — 5%.

В 1920 году картина получилась следующая. Из 360 тыс. жителей русскими назвались 45% опрошенных, украинцами — 14%, евреями — 31%. Национальность «малоросс» к тому времени была запрещена. Еще через три года в Киеве проживало 36% русских. Число украинцев выросло вдвое — до 25%.

Подводим итог. В 1897 году в Киеве проживало 54% русских, а к 1923 году осталось 36%. Процентный состав украинцев вырос с нуля до двадцати пяти. Процент малороссов сократился с двадцати двух до нуля. То есть за несколько послереволюционных лет все малороссы были зафиксированы как украинцы.

Соотношение «русский — украинец» резко изменилось после развала Советского Союза и еще больше после военного переворота в Киеве в 2014 году, когда началась острая война со всеми проявлениями русскости на независимой Украине.

Понятно, что возвращение к своему историческому имени для нынешних украинцев будет непростым. Но только так мы сможем избежать межнациональных проблем на освобожденных древних русских землях. Начинать этот сложный процесс надо уже сегодня.

В первую очередь необходимо подвести историческое обоснование для возвращения названия «Малороссия». Национальность «малоросс» должна вызывать большее уважение, чем житель «украины-окраины». Малороссам есть чем гордиться. Все вместе мы наследники великой страны — нашей общей Родины.

НА ПРИЦЕЛЕ — БУДУЩЕЕ РОССИИ

Фрагмент из «Бесогона» Никиты Михалкова под названием «Пока не Познер» буквально поверг многих телезрителей в шок. Речь об экспертной оценке выпускаемой в России детской литературы. Председатель Совета по детской книге Союза писателей России Николай Нилов сообщил: «...прослеживается очень стройная система внедрения смыслов. Она работает беспрекословно, имеет повторяющийся ракурс» и «задействует пять тем». Что же это за темы?

На первом месте — «Предавайте друг друга, предавайте Родину, предавайте в любых обстоятельствах. Предательство для вас — это инструмент. Живите в свое удовольствие и никак не объединяйтесь...» «В МИ-6 и ЦРУ довольны: «наши друзья» в России добросовестно выполняют работу за нас!»

Вторая тема: «Человек — это животное, человекоподобный зверь. Оказывается, все книги наводнены такими человеко-людьми. Они как бы и не люди, и не животные. То есть они одеваются, носят одежду, носят шапки, обувь и очень похожи на людей, но это не люди».

Третья тема — «Изменение социальных ролей у мальчиков и девочек... В каждой книж-

РУССКИЙ МИР

ке написано о том, что мальчику не нужно быть смелым, не нужно защищать Родину, не нужно быть героем, а нужно устраиваться как-то в жизни, как-то прятаться, под что-то мимикрировать, а девочкам не нужна семья...» Гомосеки всех стран и народов торжествуют!

Четвертая тема: «Изменение отклонения от нормы — это новая норма, то есть, если у тебя есть какие-то недостатки, ты не должен их исправлять, ты не должен переживать, что они у тебя есть... Нет никакого ориентира, который бы позволял ребенку выйти из проблемы...»

Ну и пятая тема: «Не думай о будущем», поскольку оно от тебя не зависит.

Итак, 930 детских книг из 186 издательств, и в 62,8 процента тем — указанные выше пять типов для подражания. И в то же время...

По словам ветерана тверского комсомола, встречаясь с представителями «Движения первых», он поинтересовался, что они знают об Алексее Маресьеве. Ничего! Книга Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» исключена из школьной программы. Геннадий Зюганов на встрече со старшеклассниками в Госдуме спросил, кто из них читал книгу Николая Островского «Как закалялась сталь». Лишь один парнишка поднял руку: «Я только начал». Этой книги, как и «Молодой гвардии» Александра Фадеева тоже нет в школьной программе по литературе.

Зато присутствует там «Гарри Поттер» Джоан Роулинг, где автор встраивает языческие обычаи в современную оболочку, создав, по сути, детское пособие по оккультизму. При этом из родительской среды приходится порой слышать: Гоголь, Лев Толстой, Достоевский «слишком сложны для восприятия и себя изжили». В этом процессе явно усматривается управляемость со стороны глубинного государства. Оно не только в Америке, как постоянно подчеркивают наши политологи, оно и у нас, в России, но политологи предпочитают об этом умалчивать.

Известна мысль Конфуция (551—479 гг. до н.э.) о том, что не слово и закон управляют миром, а знаки и символы. Чиновник на местах сегодня преимущественно ограничен в познаниях и не осознает этого. Русскую классику и труды русских философов он не читает, патриотические газеты — тоже. Как-то спросил у одного, какую книгу он прочел в последний раз. В ответ: «Кажись, про Муму, еще в школе».

Ну что с такого взять? Ему, воспитанному в духе толерантности, в обществе потребления, невдомек, что ставить мусорные контейнеры рядом с памятником маршалу-земляку

или открывать ночной кабаk с английским названием на улице имени Героя Советского Союза, освобождавшего город от фашистов, кощунственно.

Те же, кто управляют из тени процессом размывания ценностных ориентиров, превращения абсурда в норму, прекрасно знают, что такое презэмптивная (не путать с превентивной) война, т.е. война, ставящая целью изменение сознания, и в чем состоит суть технологии подмены образов. Этот социально-психологический прием предполагает замену реального представления о сути объекта или ситуации искаженными образами. Посредством комплексных воздействий меняется, в частности, осознание значимости той или иной фигуры или явления. Так иуды-предатели превращаются в героев. Бездарные «фанерные шептуны» — в «звезд эстрады». Бандиты и жулики — в «православных патриотов». Прозаики и поэты «нужного формата» возводятся в литературные гении...

На информационное обслуживание переделки сознания тратятся огромные суммы. Как я уже писал, в Твери десятки миллионов рублей из бюджета были потрачены не на создание новых рабочих мест, а чтобы создать «новый бренд» в лице поэта Андрея Дементьева. Дом поэзии Андрея Дементьева. Памятник поэтам шестидесятникам, к коим почему-то отнесен и Дементьев. Улица имени Андрея Дементьева в центре города. Памятник самому Дементьеву. Ежегодные затратные мероприятия, связанные с именем Дементьева. Гимн Твери на казенные слова Дементьева, тоже обошедшийся бюджету в немалую копеечку. Осталось Центральный район Твери переименовать в Дементьевский. Политический мотив тут, на мой взгляд, очевиден, если учесть, что в «черном октябре» 1993-го фамилия поэта значилась под письмом 42-х «творческих деятелей», призвавших Ельцина к расправе с защитниками советской Конституции. (После этого А.Дементьев долгое время жил в Израиле. — Ред.)

Люди, искушенные в литературе, конечно, понимают, что брендиизм, как и пиар, — оружие лукавого. Что поэт-песенник А.Дементьев — не «классик мировой поэзии», не «наше всё», каким пытается представить его тверская власть. Что тверская земля рождала и более значимых по таланту поэтов. Например, Николая Тряпкина. Да и позже в Твери и области не переставали (и не перестают) появляться достойные продолжатели традиций русской поэзии. Назову лишь несколько имен: Анатолий Белов (Осташковский район), Геннадий Сазонов (Торжокский район), Владимир Соловьев (Удомельский район), Виктор Сычев (Бологое), Константин Рябень-

кий (Вышний Волочек), Алексей Пронин (Краснохолмский район), Владимир Львов, Сергей Чигарев, Лидия Гомзякова (Тверь), Владимир Абдулов (Бежецк).

Их творчество отличает глубокое чувство любви к Родине, правдивости и сострадания к судьбе русской провинции. Умолчание же — известный прием либералов, который они используют по отношению к тем, кто не укладывается в «формат», диктуемый упомянутым «глубинным государством». Осмелюсь предположить, родился сегодня талант, равный Александру Твардовскому или Николаю Рубцову, тверская «новая элита» его и не заметила бы.

Краеведение как институт сохранения исторической памяти находится под особым контролем борцов за «новое сознание». В альбоме «Моя Родина Россия. Тверская область» создание первых книг о калининцах — Героях Советского Союза, осуществленное генерал-майором, фронтовиком-орденоносцем, бескорыстным подвижником И.А. Долговым, приписано совершенно иному лицу.

Или приглядишься, сколько вокруг знаков и символов похоти, обжорства, сребролюбия. Но ведь всё это — греховные устремления, хотя у нас чуть ли не каждый чиновник представляет себя «православным патриотом» и «поборником традиционных ценностей». А сколько вывесок на латинице, ползуче вытесняющей русский язык! Куда любят захаживать по окончании рабочего дня уставшие от «служения народу» тверские чиновники? В ресторан «Ленинград». Только название его изображено латиницей (LENINGRAD), точь в точь, как на картах фашистских оккупантов, обложивших город на Неве блокадой. Зачем захватывать территорию, если можно захватить сознание?

Даже в захолустном городишке латиница ныне проглядывает тут и там. Мол, и у нас «це Европа». И недосуг бюрократам осознать что «це Европа», русская провинция, год от года вымирает. Криком кричит об этом русская деревня, кричат малые города.

Видимо, «верховные жрецы», что придумали для военной спецоперации символы в виде латинских Z и V, понимают, что сокрыто в глубине их замысла. Народу остается лишь строить догадки. Псевдоним певца Ярослава Дронова Шаман тоже не случайно изображен латинскими буквами (SHAMAN), а ведь он кричит со сцены: «Я русский, я русский!» Говорят, уже и торговую марку с таким названием зарегистрировал. Видимо, и задумывался как коммерческий проект,

Война за переделку нашего сознания многовекторна, коварна, зачастую маскируется именно под «заботу» о русском народе, Русском мире, хотя мнения народа никто не спрашивает. Российские «передельщики сознания» до недавнего времени опирались на американский «опыт». В том числе — на программу Уиллиса Хармона «Преобразование человека». Цель этой программы — изменение образа мыслей (мировоззрения) и формирование стандартного, подстриженного «под одну гребенку» человечества. Стоит напомнить, что между США и Россией 3 сентября 1998 года был заключен меморандум, предполагающий согласование Россией с американской стороной политики в сферах образования, культуры, СМИ и гуманитарных наук. Понятно, какая «политика» была нужна «нашим партнерам» и кто ее контролировал. Лишь осенью 2022 года министр иностранных дел России Сергей Лавров от имени правительства как бы невзначай сообщил, что Россия выходит из меморандума. Но, похоже, мы еще долго не увидим практических результатов от «выхода».

Надо нам в России, наконец, жить своим умом и хотя бы не бояться называть вещи своими именами. Пора понять, что страна, где ноги импортированного (купленного) южноамериканского футболиста в тысячи раз дороже труда сельского учителя, где культура подменена развлечением, где телевизор с утра до ночи внушает важность «фантастического кэшбека» и «великой хватамбы», не имеет будущего. Всё строится, паразитирует на деньгах и ради денег. Патриотизм зачастую эксплуатируется в этих же целях. Оптимистичные прогнозы по возрождению духовности меркнут на фоне того, как банкстеры цинично приспособливают русскую классику («Евгения Онегина», «Вишневый сад») к рекламе банковского процента на ТВ.

Что же может ожидать нас в близкой перспективе при существующем дефиците правды и продолжении политики «подмены образов»?

Прочел в «Завтра» публикацию профессора Александра Дугина «Русское дело», сочтя ее слишком оптимистичной. Дугин пишет: *«Совершенно очевидно, что мы живем в обществе, где меняется идеология — с либеральной на русскую. И этот процесс не остановить. Это не точечное решение властей, но логика времени. Ультиматум, поставленный самой историей, СВО резко изменила идеологический ландшафт в России. Эпоха нейтральных технократов закончилась, начинается эпоха патриотов»*.

Уж не знаю, насколько изменился «ландшафт» в столице, а в русской провинции (здесь истоки русского мировоззре-

ния) он по-прежнему уныл и беспросветен. Реальное народное самоуправление отсутствует. Кадровая политика ущербна. Во многих местах процветает криминальная феодальщина. Население, как уже подчеркивалось, вымирает. Лес нещадно истребляется ради обогащения клановых группировок. Медицина в развале. Пользование ее услугами превратилось для жителя провинции в цепь нескончаемых мытарств. Патриотизм, некогда бывший подвижничеством бессребреников, превращен в бюджетную кормушку для избранных. Созидательная энергия народа купуруется мелкими инициативами местной власти — типа создания «комфортных зон» (пар вместе с деньгами уходит в свисток)...

В дни нависшей над Россией серьезной опасности как никогда необходимо духовное сплочение народа на основе честного, уважительного отношения к минувшему и, прежде всего, к опыту наших предков, разгромивших фашизм.

г. Андреаполь Тверской обл.

УПРЕДИТЬ И РАЗОРУЖИТЬ ВРАГА

В Первую мировую войну Россия была в шаге от победы, но споткнулась о Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года. Российская Империя в ходе Первой мировой войны стремилась, несмотря ни на что, выполнять свои союзнические обязательства в рамках военно-политического блока Антанты, куда кроме нее входили Англия и Франция.

В то же время союзники России по блоку явно уклонялись от выполнения своих обязательств, что порождало большие людские и материальные потери с нашей стороны. Англия и Франция проводили такую политику, которая призвана была поддерживать равновесие сил Германии и России на Восточном фронте для того, чтобы эти две страны могли максимально друг друга ослабить и чтобы потом заняться экономическим и территориальным разделом Германии и России. Безусловно, подобные цели мировой финансовой элиты, которая уже давно реально правила Лондоном и Парижем, нигде официально не оглашались. Это была подлая война, которая прикрывалась лживой, лицемерной риторикой официальных лиц Британии и Франции. А также отчасти Соединенных Штатов. Пос-

ледние не были членами Антанты, но откровенно подыгрывали Лондону и Парижу. Они наживались на войне, поставляя оружие странам — членам Антанты, а также другим, примкнувшим к блоку (всего на стороне Антанты было 30 стран). Впрочем, не исключено, что США хотели бы также поучаствовать в экономическом и территориальном разделе и переделе ослабленных войной России и Германии.

О сепаратных переговорах с Берлином и выходе из войны Петербург даже не помышлял. Лозунг был: «Победа любой ценой». Сжав зубы, Россия терпела большие лишения и многие поражения и в 1914, и в 1915 годах. Но постепенно терпение, мужество и труд стали приносить свои плоды. Так, в 1916 году, стараниями начальника Главного артиллерийского управления генерала А.А. Маниковского в России построили несколько десятков новых военных заводов и переоборудовали сотни частных предприятий для производства оружия и снарядов. Ради того, чтобы закрыть тот дефицит оружия и боеприпасов, который Петербург тщетно надеялся восполнить с помощью поставок оружия от своих западных союзников. Выпуск разных видов оружия увеличился в 3—8 раз по сравнению с 1914 годом. Был, наконец, ликвидирован «снарядный голод». Стала меняться ситуация и на фронте.

Прежде всего в 1916 году произошел знаменитый Брусиловский прорыв. В мае указанного года войска генерала Брусилова на линии фронта протяженностью почти 400 километров прорвали позиции армии Австро-Венгрии. Были захвачены десятки тысяч пленных, большое количество артиллерии и обозов со снарядами. И это не единственная наша победа в 1916 году. Были и другие. Так, на кавказском направлении нам удалось продвинуться вглубь Турции на 250 километров. Уже начались разговоры о том, что наконец-то Константинополь (Стамбул) будет нашим. Нашими будут также проливы Босфор и Дарданеллы. А также о том, что мы сможем вернуть себе многое из того, что когда-то у России оттяпали соседи. Например, часть польских земель, которые оказались у Германии. Часть земель Австро-Венгрии, искусственной империи, судьба которой при любом исходе войны была предрешена.

Если бы Британия и Франция были настоящими нашими союзниками, они должны были бы радоваться нашим победам на Восточном фронте. Но эти победы на самом деле рушили истинные цели войны, развязанной мировой финансовой элитой.

Вспомним Русско-японскую войну 1904—1905 годов. Страна восходящего солнца, подстрекаемая англосаксами, вероломно начала против нас войну 120 лет назад. В силу

внезапности и наличия сделанных заранее запасов оружия и боеприпасов Япония в первые месяцы одерживала постоянные победы, а мы несли поражения и большие людские и материальные потери. Но к концу 1904 года наступательный энтузиазм японцев стал иссякать, а мы стали всё чаще давать отпор и даже наступать. Были уже признаки наступления перелома войны в нашу пользу. И вот тогда неожиданно в январе 1905 года началась так называемая Первая «русская» революция. Я уже писал, что эта революция не имела внутренних корней — она была инспирирована англосаксами. Они действовали через свою агентуру (то, что у нас сегодня называют несистемной оппозицией), щедро ее финансируя. Впрочем, свою лепту в финансирование агентов-революционеров внесла и Япония.

То же самое произошло в 1916—1917 годах. Советская историософия утверждает, что Февральская и Октябрьская революции произошли по той причине, что внутри страны в годы войны обострились социально-экономические противоречия, нарастали классовые антагонизмы, которые и привели к революционным переворотам — сначала к буржуазному, а затем и к социалистическому. Но это официальная историософия, которая берет свое начало еще с академика Михаила Покровского (1868—1932), который всю историю (и российскую, и мировую) умудрялся сводить к нескольким формулам марксистско-ленинского исторического материализма.

На момент начала Февральской революции (а началом ее считают 23 февраля по старому стилю; в те времена уже входил в моду день Международной женской солидарности, который как раз отмечали в этот день) никаких выдающихся «вождей» российского пролетариата не было ни в Петербурге (тогда уже Петрограде), ни в России. Примечательно, что заваруха в Питере началась на фоне успехов наших войск на фронте. Эти успехи, наоборот, создавали позитивную атмосферу в обществе. Многие ожидали, что в 1917 году война закончится полной и окончательной победой русского оружия. Соответственно, многие ожидали, что в 1917 году миллионы солдат вернутся домой, экономика будет переходить на рельсы мирного созидания, Российская Империя восстановит свои некогда утраченные территории. А некоторые наиболее грамотные говорили, что Германии придется выплачивать России репарации. Всё это не фантазии. Об этом можно прочитать в газетах того времени. К тому же следует отметить, что положение рабочих и простого народа в Германии и Австро-Венгрии в годы войны было тяжелее, чем в России. Однако почему-то там никаких признаков революций в годы вой-

ны не было. (Революции там произошли, но уже после окончания войны.)

Итак, никаких «объективных» (с точки зрения сторонников исторического материализма) причин для революций в 1917 году не было. Не было и «субъективных» причин — если под ними понимать наличие харизматических вождей на момент Февральской революции. Впрочем, «субъективные» причины не исчерпываются только этим. Были «субъективные» причины, которые принято относить к разряду конспирологии. Речь идет о вмешательстве во внутренние дела России других стран, которые с помощью тайного финансирования и созданной внутри России агентуры создавали в стране «управляемый хаос». Иногда некоторые историки говорят, что, действительно, немцы и австро-венгры принимали меры по ослаблению своего военного противника — России.

Главной опорой Тройственного союза в России считали большевиков и их лидера — Владимира Ленина (Ульянова). Ведь Ленин бросил лозунг поражения собственного правительства в войне. 26 июля 1915 года Ленин даже опубликовал статью «О поражении своего правительства в империалистической войне». Поэтому Ленина справедливо считали «немецким шпионом», который работал на Германию. Не знаю, может быть, он действительно получал деньги от немцев, но вот доходил ли из далекой Швейцарии, где находился будущий вождь мирового пролетариата, лозунг поражения собственного правительства до России, — большой вопрос. А эффективность работы большевиков в пользу Германии вряд ли могла быть высокой в силу того, что партия, хотя и носила название «Партия большевиков», была совсем небольшой. Ленин незадолго до февраля 1917-го публично признавал ничтожную вероятность революции в обозримом будущем: «Наше поколение до этого дня не доживет».

На момент Февральской революции численность партии большевиков была 24 тыс. членов. В масштабах всей Российской Империи с численностью населения 180 млн. человек — это гомеопатическая доза. Это уже после Февральской революции начался бурный рост партии. На конец апреля 1917 года, во время проведения VII (апрельской) конференции РСДРП, она выросла до 80 тыс., а на период VI съезда РСДРП (июль 1917 года) — до 240 тыс. членов. Уже задним числом, в советское время, марксистско-ленинские историки (в первую очередь академик Михаил Покровский) приписали большевикам «решающую роль» в подготовке и проведении как Февральской, так и Октябрьской революций. На самом деле, большевики в 1917 году лишь получили клю-

чи от Российского государства с приказом управлять страной в интересах тех, кто их поставил у руля власти.

Всё большее число честных историков сходятся в том, что «русские» революции 1917 года готовились не только и даже не столько немцами, сколько теми, кого власти России называли своими союзниками по Антанте. Англии и Франции ни в коем случае нельзя было допустить уже намечавшейся в 1916 году победы России в Первой мировой войне. Вот они и начали через свою агентуру провоцировать беспорядки в России. И прежде всего в ее столице Петербурге (Петрограде). (О том, как наши союзники готовили волнения в Петрограде, я подробно говорить не буду. События с конца 1916 года до 25 октября 1917 года описаны скрупулезно день за днем в целом ряде книг.) Опишу этот период истории несколькими штрихами.

Первые волнения начались 18 февраля на Путиловском заводе. Это очень знаменательно. Потому что Первая «русская» революция 1905—1907 годов также началась с этого самого завода. Примечательно также, что Путиловский завод был очень важным оборонным предприятием в Российской Империи. Забастовка на оборонном предприятии в годы войны — дело если не расстрельное, то уж точно подсудное. Но никаких действий со стороны властей в отношении забастовщиков Путиловского завода принято не было. В той же Германии или Англии за подобные выходки сразу же отправляли в тюрьму. Никто из хроникеров февральских событий не упоминает присутствия большевиков на Путиловском заводе.

В последующие дни на улицах появились демонстранты с лозунгами: «Хлеба!», «Мира!», «Свободы!». Примечательно, что запасов муки в городе было достаточно, о чём заявляли власти Петрограда. Лозунг мира вообще удивителен, поскольку победы Русской армии на фронте быстро приближали этот самый мир.

У власти в стране еще находился царь, а уже в конце февраля делить будущую власть в стране стали две политические группировки: кадетско-октябристское большинство в Думе и меньшевистско-эсеровские лидеры Петросовета. Заметим, что участия большевиков («немецких шпионов и агентов») в дележе власти еще не было замечено. (Они включатся в дележ лишь после приезда Ленина из-за границы в апреле.)

Опуская многие детали, перехожу к главным выводам. Февральская революция была делом рук дипломатов наших «союзников» по Антанте — послов Бьюкенена (Британия) и Палеолога (Франция), а также английских, французских и американских спецслужб, действовавших в тандеме с вождями «финансового интернационала». Все они установили

тесные контакты с министрами и другими государственными чиновниками Российской Империи, которые постепенно стали выходить из-под контроля Российского императора Николая Второго и оказались под контролем «финансового интернационала».

В оппозиции по отношению к Российскому монарху оказались даже великие князья, т.е. члены широкого царского клана. Царю в январе 1917 года пришлось выслать из столицы нескольких мятежных великих князей: Николая Михайловича, Дмитрия Павловича, Андрея и Кирилла Владимировичей Романовых. Часть великих князей приняли Февральскую революцию и признали Временное правительство (Николай Николаевич, Александр Михайлович, Борис Владимирович, Сергей Михайлович, Георгий Михайлович и принц Александр Ольденбургский). «Кругом измена, трусость и обман», — оставил в дневнике запись Николай Второй.

В начале 1917 года в России активно и беспрепятственно действовал британский разведчик Сидней Рейли (он же Шломо Розенблюм) вместе с главой «Великой ложи Англии», банкиром и военным министром Англии лордом Мильнером и другими «партнерами». В составе британской делегации они составляли «штаб» будущей Февральской революции. Вот откровение немецкого генерала Людендорфа, который играл важную роль в мировой войне и который, конечно, был посвящен во многие секреты. После того, как генерал узнал новость о февральском перевороте в России, он сделал следующую запись в дневнике: «Царь был свергнут революцией, которую фаворизировала Антанта. Причины поддержки Антантой революции не ясны. Судя по всему, Антанта ожидала, что революция принесет ей какие-то преимущества» (Пагануцци П. Правда об убийстве Царской семьи. М.: ТРХ, 1992. С. 27).

Вся эта история имеет большую значимость для сегодняшнего дня. Россия ведет уже около трёх лет специальную военную операцию на Украине. И все эти годы было очень туго для нашей армии. Сейчас российские вооруженные силы овладели инициативой и уверенно теснят противника (украинских военных, которые дополняются «добровольцами» и «военными инструкторами» из других стран). Надо иметь в виду, что за спиной Зеленского стоят всё те же англосаксы, которые 110 лет назад рядились в тогу российских «союзников», а спустя два с половиной года, в феврале 1917-го, всадили России нож в спину в виде Февральской революции. Такой нож в любой момент опять может быть пущен англосаксами в дело. Но врага надо уметь упредить и разоружить.

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ УКРАИНЫ

Украина является обладателем совершенно секретного оружия, недоступного ни одному другому государству. Называется оно — перманентное предательство и по мощи превосходит всё, что смогло до сих пор изобрести человечество.

Не то, чтобы в других странах не водились предатели. Этого добра везде хватает. Но нигде, кроме Украины предательство не становилось государственной политикой и предметом национальной гордости. Обычно предатели стесняются совершённого, пытаются как-то оправдаться, мол «хотели как лучше», обстоятельства так сложились, «не мы такие — жизнь такая». Только на Украине предательством хвастаются, предателей превозносят, а у брезгающих предателями удивлённо спрашивают: «Ты шо, обидывся?»

Хмельницкий предал польского короля, подняв мятеж, а затем и русского царя, вступив в переписку со шведами, которые тогда против России воевали. Это предательство он до конца довести не успел — умер, но его преемники, генеральный писарь Выговский, сын Юрий и прочие, последовательно предавали всех: русских, поляков, татар, турок, друг друга, малороссийский народ.

Довели дело до «Руины», когда население малороссийских земель сократилось вдвое (может, и больше, кто же их считал?), хозяйственная деятельность практически прекратилась, а «основой экономики» стал грабёж всех, кто под руку подвернулся и не смог защититься.

Окончательное восстановление Малороссии после руины произошло при Самойловиче, который предал своего предшественника Многогрешного, и сам был предан своим преемником Мазепой. До Самойловича Мазепа предал Гетмана правобережной Украины Дорошенко и польского короля, после Самойловича — Петра I и Россию. В конце концов пытался предать и Карла XII шведского, но не успел — умер.

Население Малороссии Мазепа тоже предавал, поэтому, чтобы не допустить новой «Руины», Пётр Великий провел первую ликвидацию Запорожской сечи и серьёзно ограничил самостоятельность гетманов, а ещё через полвека Екатерина Великая окончательно ликвидировала войско Запорожское и гетманство. Но и тут украинская «элита» умудрилась предать свой народ, выторговав себе за отказ от «вольностей казацких» дворянство российской империи и закрепощение в свою пользу лично свободных прежде крестьян.

Так закончился период малороссийской автономии, которую современные украинские историки почему-то считают независимой государственностью, именуя захватом элементарное наведение порядка российскими императорами на части имперской территории, которая самоуправлялась так неэффективно, что постоянно норовила исчезнуть с карты. Пришлось ввести в этой провинции прямое правление центра. И сразу началось процветание.

Прошло 150 лет, и после свержения российской монархии местные элиты решили прибрать к рукам одну из богатейших провинций империи. Грушевский ещё до революции предал Россию Австрии ради профессорской кафедры во Львовском университете. Затем предал Австрию, решив, что покровительство Германии выгоднее, ибо она сильнее. Затем предал Германию, попытавшись перебежать на сторону Антанты. Антанта им побрезговала, и он вновь убежал в Австрию. Но что могла дать ему проигравшая мировую войну Австрия? И Грушевский перебежал на сторону большевиков, которые назначили этого «историка» академиком. Большевиком он предать не успел, так как умер в 1934 году.

Примерно аналогичный путь прошёл Винниченко, только он до революции являлся не с австрийцами, а с французами, а после 1918 года успел предать ещё и гетмана Скоропад-

ского, а затем Петлюру и в конце концов большевиков, которым в 1920-м успел послужить зампредом Совнаркома УССР и членом ЦК КПУ, но практически сразу разругался с ними и эмигрировал в Вену, оттуда в Чехословакию и наконец в Париж. Только немцам во время Второй мировой войны не служил, всё же он изначально, ещё до Первой мировой, поставил на Францию, в которой и умер в 1951 году.

У Михаила Булгакова можно прочесть, как предал своих сторонников Скоропадский, до этого изменивший империи, которой присягал, украинизировавший свой корпус и сделавший его главной боевой силой Центральной рады, которую затем предал немцам, организовав с их помощью государственный переворот. Ну и Петлюра, ради самого себя изменивший Центральной раде, к которой перебежал со службы Российской империи, в конечном итоге предал Украину Польше. На большее его не хватило.

И вновь «Руина», организованная собственной украинской элитой завершилась только с установлением более-менее прочного прямого правления центра, на этот раз коммунистического.

Не думаю, что следует перечислять все предательства, совершённые украинской «элитой» в конце XX — начале XXI века. Они происходили на наших глазах. Достаточно сказать, что один лишь Володя Литвин, пока поднимался по карьерной лестнице от помощника президента до председателя Верховной Рады, успел последовательно предать трёх президентов, до этого, как водится, предав КПУ, в которой работал помощником секретаря ЦК. Ну и предательство Зеленским Коломоййского, своих избирателей и памяти деда тоже. Результат не отличается от предыдущих — опять «Руина». Более-менее нормальная жизнь, несмотря на продолжающиеся военные действия, устанавливается только в тех регионах, которые перешли в состав России и попали под прямое управление центра. Там, где местные «элиты» даже при российской власти смогли сохранить чуть больше самостоятельности, порядка меньше, население живёт хуже, а круговорот предательств в природе продолжается.

Трижды происходит одно и то же: в условиях кризиса центра, местная «элита» предательски провозглашает самостоятельность (полную или частичную, как повезёт). Вместе с самостоятельностью приходит черед политических предательств, результатом которой становится тотальное разорение территории, вымирание и бегство народа. В конечном итоге центр возвращается и наводит порядок, чтобы зараза не распространялась дальше. С возвращением центра начи-

нается процветание, тем большее, чем меньше власти и влияния остаётся у местных «элит», «лояльных» до следующего кризиса.

В общем, классическое: «Вначале мы вместе едим твою порцию, а затем каждый свою».

И скажите теперь, что Украина не обладает воистину страшнейшим секретным оружием. Каждый раз, как только украинская элита его применяет, последствия хуже, чем у ядерного взрыва — на территории больше чем в 600 тысяч квадратных километров исчезает не меньше половины населения и практически вся экономика. Причём это оружие, будучи раз применено, не прекращает своё действие десятилетиями. Нейтрализовать его способна только Россия, приносящая порядок и стабильность.

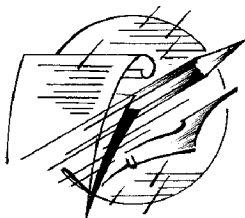
Счастье человечества заключается в том, что это оружие (перманентное предательство) имеет исключительно украинский характер. Только украинцы им обладают, но и действует оно только против украинцев.

Иногда думаю: а если бы Россия хоть раз подождала лет сто, прежде чем вернуться? Может быть, на этой территории вообще никого бы не осталось? Может, в этом и заключается великая сермяжная правда? Может не надо мешать «нации», стремящейся самоубиться прямо в процессе рождения? Отмучается один раз и всем лучше будет — спокойнее.

ГЛАВНЫЙ СИОНИСТ АМЕРИКИ

Идейные позиции победившего в президентских выборах Дональда Трампа политики и журналисты определяют самыми разными словами: «консерватор», «либерал» (особенно в части, касающейся экономики), «изоляционист», «традиционалист», «патриот», «пацифист», «делегат», «коммерсант», «прагматик», «пресвитерианец» (приверженец одной из форм протестантизма), «универсальный христианин» (пребывающий вне конкретных христианских доминаций), «фундаменталист», «модернист», «милитарист», «империалист», «глобалист» и т.д.

Нетрудно заметить, что некоторые из определений идейной позиции Трампа дополняют друг друга. Но большинство несовместимы, противоположны. Например, в одних публикациях Трампа подают как фанатичного изоляциониста и протекциониста, а в других — как империалиста и глобалиста. В одних его представляют как пацифиста, а в других как милитариста. И т.п. Объяснить это нетрудно: Трамп, как артист, меняет роли в зависимости от политической конъюнктуры и команд, которые он получает от «глубин-

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

ного государства» (которое в конечном счете и «назначило» его на пост президента США). Некоторые наблюдатели обращают внимание на такую мировоззренческую «волатильность» Трампа и справедливо дают ему определение «беспринципный».

Впрочем, ряд наблюдателей обращает внимание на то, что в каких-то вопросах он удивительно постоянен. Можно сказать, даже фанатично постоянен. Одно из определений Трампа как политика не меняется ни при каких обстоятельствах. Дональда Трампа называли и продолжают называть «сионистом». Это его качество ярко проявилось в проходившей в 2023—2024 гг. предвыборной президентской кампании. Более того, многие эксперты считают, что именно благодаря этому качеству Трамп и сумел добиться победы в выборах.

Многие в Америке об этом секрете популярности Трампа и этой причине его победы знают. И политики, и сколь-нибудь интересующиеся политикой американцы. Это секрет Полишинеля. Достаточно зайти в интернет, там мы найдем уйму публикаций, из названия которых видно, что Трамп и сионизм неотрывны друг от друга. Вот примеры.

Наверное, для многих российских читателей подобная характеристика Трампа покажется неким «хайпом», пиар-акцией, приемом желтой прессы.

Но не будем спешить с выводами. Для начала приведу определение сионизма из «Википедии»: *«Сионизм (от названия горы Сион в Иерусалиме) — политическое национальное движение, целью которого является объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине — в Земле Израиля (Эрец-Исраэль), а также идеологическая концепция, на которой это движение основывается. Основателем политического сионизма является общественный и политический деятель Теодор Герцль».*

В советское время в учебниках, монографиях и справочниках давалось более глубокое и широкое определение сионизма, включающее социально-экономическую и политическую составляющую. Вот, например, определение из книги Игоря Ярославцева «В чем обвиняется сионизм» (М.: Прогресс, 1984): *«Сионизм — это шовинистическая идеология крупной еврейской буржуазии, ее реакционная практика, выражающаяся в деятельности разветвленной системы организаций, выполняющих тактические и стратегические установки еврейской финансово-промышленной олигархии в ее борьбе за всемерное утверждение своих позиций в капиталистическом мире».*

Всякие сомнения насчет того, является ли Дональд Трамп сионистом, снимает он сам. Он не шепотом, а громогласно, с высоких трибун и с пеной у рта доказывает, что он самый главный в Америке приверженец и защитник Израиля и его

политики на Ближнем Востоке. Следовательно, он отвечает самым строгим стандартам высокого звания «сионист». Кстати, внимательные наблюдатели отмечают, что за многие годы со стороны Трампа не было ни одного публичного замечания, критического высказывания в адрес Израиля.

Приведу цитаты из его признаний в страстной и беззаветной любви к Израилю. В середине прошлого десятилетия в ходе тогдашней предвыборной кампании Трамп заявлял: *«Единственный [кандидат], который окажет Израилю реальную поддержку, — это я. Все остальные — только разговоры, никаких действий. Они политики. Я был верен Израилю с того дня, как родился. Мой отец, Фред Трамп, был верен Израилю до меня. Единственный, кто окажет Израилю необходимую поддержку, — это Дональд Трамп».*

А вот признание примерно того же времени, в котором Трамп клянется в любви не только к Израилю, но и к евреям, которые находятся за его пределами. Он признается в непреодолимой тяге к евреям, которые близки ему по духу:

«Я знаю так много людей из Израиля. У меня так много друзей в Израиле. Прежде всего израильтяне — прекрасные бизнесмены. У них есть природный инстинкт к бизнесу, и их стартапы фантастические. Я всё время имею дело с израильтянами, и я всё время имею дело с людьми, которые являются евреями, независимо от того, израильтяне они или нет».

Трамп, видимо, сильно переживает, что он не еврей по крови. Но с евреями (точнее иудеями) он един по духу: *«Я испытываю большое уважение к традициям Шаббата».*

Трамп с радостью записал в евреи своё потомство: *«У меня много — у меня огромная любовь к Израилю. У меня, как ни странно, есть зять и дочь, которые являются евреями, ясно? И двое внуков, которые являются евреями».*

Трамп хочет быть святее папы римского. Он считает себя более правозверным израильтянином, чем многие «номинальные» евреи Америки и Израиля. Вот, например, публикация 2019 года с очень откровенным названием: *«Трамп повторяет сионистскую доктрину: евреи США должны быть лояльны Израилю».*

В конце своего пребывания в Белом доме в 2020 году Трамп сделал следующее признание: *«Не путайте там, в Израиле: я сейчас ваш самый большой друг. Моя дочь замужем за евреем, который является ярким сторонником Израиля, и я принимал участие во многих парадах в честь Дня Израиля. Моя дружба с Израилем очень крепка».*

Дональд Трамп также клянётся в вечной дружбе и любви к израильскому премьеру Биньямину Нетаньяху, которого он нежно называет Биби: *«Я большой друг Израиля. Я был Вели-*

ким Маршалом Парада в честь Дня Израиля. У меня так много друзей. Нет никого ближе. И Биби Нетаньяху попросил меня сделать рекламу для него, для его кампании. Я сделал рекламу для него».

Соответственно, Трамп ненавидит всех, кто плохо относится к Биби. Не пожалел он в 2016 году и президента Барака Обаму, который якобы «обижал» бедного Биби: *«Президент Обама нехорош. Для Израиля он был худшим президентом в истории. Посмотрите, как расстраивался премьер-министр Нетаньяху каждый раз, когда приезжал в Вашингтон. Все заявления Нетаньяху верны; он прав на 100%. Разве так относятся к нашим друзьям? Я позабочусь, чтобы это изменилось».*

Обаму Трамп обвинял в предательстве Израиля на протяжении всей своей первой предвыборной кампании. Прежде всего за то, что Обаман пошел на сближение с Тегераном и подписал в 2015 году многостороннее соглашение (с участием Китая, России, Великобритании и Франции) по ядерной программе Ирана: *«Президент Обама не был другом Израиля. Он относился к Ирану с нежной любовью и заботой и сделал его великой державой. Иран действительно стал великой, великой державой всего за очень короткий период времени из-за того, что мы сделали. И всё это за счет Израиля, наших союзников в регионе и, что очень важно, самих Соединённых Штатов».*

Президент Трамп к большому удовольствию Израиля вышел из упомянутого соглашения в 2018 году. Трамп за время своего президентства сделал также много других «услуг» еврейскому государству. Наиболее важные:

6 декабря 2017 года Трамп признал (вопреки решениям ООН об особом статусе Иерусалима) этот город единой и неделимой столицей Израиля и перенёс туда посольство США;

официально признал аннексию Израилем оккупированных им Голанских высот в Сирии;

лично приказал ликвидировать 3 января 2020 года командующего спецподразделением «Аль-Кудс» в составе КСИР Касема Сулеймани и угрожал Ирану применением ядерного оружия.

Сионисты регулярно демонстрировали свою ответную любовь этому американскому политику. Вот, например, в ноябре 2022 года бывший президент Дональд Трамп получил медаль Теодора Герцля — высшую награду Сионистской организации Америки — за то, что он «был лучшим другом Израиля, который когда-либо был в Белом доме». Трамп был очень польщен такой наградой. Ведь ранее ее удостаивались «самые-самые» (после того, как покидали свои высшие посты): бывший премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, бывший

президент Гарри Трумэн и бывший премьер-министр Израиля Голда Меир. Среди других обладателей медали Теодора Герцля также такие «самые-самые» лорд Бальфур, Давид Бен Гурион, Менахем Бегин и Шелдон Г. Адельсон.

Сам Трамп хвастливо заявляет, что кроме медали Теодора Герцля, у него еще куча других наград от сионистов: *«Что касается Израиля, я люблю Израиль. Я удостоился многих [израильских] наград — премию «Древо жизни» и различные награды Еврейской федерации. Когда вы будете в Нью-Йорке, вы придете ко мне в офис, потому что я хочу показать вам свою стену. На ней так много наград от Израиля, от еврейских благотворительных организаций и разных групп».*

В Израиле бурно отмечали победу Трампа на американских выборах. Израильский премьер Биби Нетаньяху был в восторге. Вот его первая реакция на объявление об итогах выборов: *«Дорогие Дональд и Мелания Трамп, поздравляю с величайшим возвращением в истории! Ваше историческое возвращение в Белый дом знаменует собой новое начало и мощное подтверждение приверженности великому союзу между Израилем и Америкой».*

Остальной Ближний Восток, наоборот, — в полном напряжении. Соседи Израиля понимают, что приход «миротворца» и «главного сиониста Америки» Трампа в Белый дом грозит им большой войной. Которая может быть намного «круче», чем шестидневная война 1967 года и война Судного дня 1973 года.

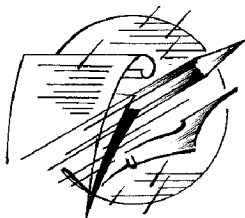
Впрочем, напряглись и многие другие страны, находящиеся далеко от Израиля и Ближнего Востока. В том числе американцы, которые переживают по поводу того, что Америка оказалась под полным контролем сионистов. Вот, например, что думает о новом американском президенте известный бывший чиновник из администрации Рейгана Пол Крейг Робертс. В статье, называемой «Trump Is America's First Zionist President» («Трамп — первый сионистский президент Америки») он пишет: *«Трамп установил такие отношения США с израильским сионизмом, каких у США нет ни с одним другим государством, и у Израиля — ни с одним другим государством. По любому вопросу, затрагивающему интересы Израиля, Трамп отдал внешнюю политику США в руки Израиля. Трамп установил такие отношения США с израильским сионизмом, каких у США нет ни с одним другим государством, и у Израиля — ни с одним другим государством».*

ЕВРЕИ ВОКРУГ ТРАМПА

В первый период правления Дональда Трампа евреев было много. Что произойдёт во время второго? Как выглядит теперь еврейская команда Трампа? Что мы знаем об этом и чего нам ожидать?

Джаред Кушнер и Иванка Трамп. Начнём с известного. Тут всё понятно: зять Дональда Трампа и его дочь (она прошла гиюр перед замужеством). Блистали в первую президентскую каденцию. Джаред, занимая пост советника президента, ведал большим спектром вопросов: от торгового соглашения с Мексикой и Канадой — до соглашений Авраама. Супруги были и еврейским лицом администрации: посещение еврейских мероприятий, устройство еврейских праздников в Белом доме, встреча шабата и пр. После проигрыша Трампа на выборах пара заявила, что отходит от политики, чтобы сосредоточиться на бизнесе и семье. Однако во время предвыборной кампании они появились на нескольких мероприятиях, включая съезд Республиканской партии и торжества по случаю победы на выборах.

Вероятно, Джаред продолжит заниматься связями с умеренными арабски-

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

ми режимами. Но при этом будет оставаться в тени. Настолько, насколько это будет нужно Дональду Трампу, много интересного и не для публикации мне рассказал мой друг и бывший советник Трампа Рудольф Джулиани.

Стивен Миллер. Один из самых жестких и влиятельных людей в окружении Дональда Трампа. Он будет занимать пост заместителя главы администрации президента. В последние четыре года возглавлял компанию America First Legal. Стивену 39 лет, он сын Майка Миллера и Мирьям Глоссер, которая корнями из Антополя (Брестская область). Получил еврейское воспитание, считается большим другом Израиля. Во время первой каденции Трампа был спичрайтером и политическим советником. Именно он стоит за наиболее радикальными решениями в отношении мусульман. Ему принадлежит одна из решающих ролей в победе Трампа на нынешних выборах. В недавнем интервью Fox News Миллер сказал, что Трамп начнёт депортировать нелегальных иммигрантов сразу после вступления в должность. Он также декларировал готовность выдворить миллионы нелегальных и нелояльных мигрантов.

Дэвид Мелех Фридман. 65-летний Дэвид Мелех Фридман хорошо известен израильтянам — он был послом США во время первой каденции Трампа. У Дэвида Фридмана не было предшествующего дипломатического опыта, но была любовь к Израилю. Этого оказалось достаточно, чтобы получить пост посла. И именно он сыграл ключевую роль в переносе американского посольства в Иерусалим и в признании Голанских высот израильской территорией. Считается сторонником израильской аннексии Иудеи и Самарии. Фридман более не будет работать в Израиле (послом станет Майк Хакаби), но именно он будет «негласно» курировать израильское направление Госдепа, играя значительную роль в администрации.

Стивен Виткофф. 67-летний Стивен Виткофф, родившийся в еврейской семье в Бронксе, считается личным другом Дональда Трампа, его партнером по бизнесу и гольфу. В администрации он займет пост спецпредставителя президента на Ближнем Востоке (в первой каденции на этом месте был Джейсон Гринблатт). В том, что у Виткоффа нет никакого дипломатического опыта, ничего удивительного нет. Для Трампа это не важно. Как и в случае с Фридманом, достаточно расположения к Израилю. Кстати, именно Виткофф был выбран главой инаугурационного комитета предстоящего второго президентства Трампа (при участии экс-сенатора Келли Леффлер).

Мирьям Адельсон (Фарбштейн). Она не просто знакома израильтянам, она сама израильтянка, родившаяся в Тель-Авиве. Она вдова миллиардера Шелдона Адельсона, по-прежнему считающаяся очень влиятельной силой в Республиканской партии. Адельсон много лет поддерживает доверительные отношения с Трампом, она пожертвовала 100 млн. долларов на его предвыборную кампанию. Именно Мирьям Адельсон представляла Дональда Трампа на встречах с еврейскими избирателями. Она была соавтором его речи по борьбе с антисемитизмом. Помимо прочего Мирьям Адельсон владеет газетой «Израэль ха-йом», основанной ее мужем.

Борис Эпштейн. Родившийся 42 года назад в Москве, Эпштейн считается незаменимым помощником и политическим стратегом Дональда Трампа. У него сложная биография и непростые отношения с еврейской общиной. Однако связан он будет не с Израилем, а с Украиной, спецпосланником в которой, вероятно, станет уже в январе 2025 года. Детально об Эпштейне смотрите в конце статьи.

Говард Лютник. 63-летний миллиардер Говард Уильям Лютник, глава Cantor Fitzgerald и VGC Group, станет в администрации Дональда Трампа министром торговли. Он сын профессора Соломона Лютника, выпускник Хаверфорда. Считается теневым кардиналом Трампа, принимая участие в формировании его команды. Играл одну из ключевых ролей во время предвыборной кампании и даже выступал от имени Трампа в СМИ. Поддерживает многие произраильские проекты. Спонсирует «Ихуд ха-ацала» и «Таглит». Он сопровождал Дональда Трампа к могиле Любавичского ребе в Нью-Йорке.

Элизабет Пипко. 26-летняя дочь выходцев из Советского Союза, внучка известного минского художника Лиза Пипко возглавит пресс-службу Республиканской партии. В прошлом она была топ-моделью, снимавшейся для обложек глянцевого журналов, потом очень успешной писательницей. Училась в еврейской школе на Манхэттене. Участвовала в кампаниях по поддержке Израиля и борьбе с антисемитизмом. Входит в число ближайших соратников президента. Достаточно сказать, что ее свадьба состоялась в Мар-а-Лаго, имении Трампа во Флориде. В 17 лет Элизабет заключила контракт с модельным агентством Wilhelmina Models. Она появлялась на страницах Maxim, Harper's Bazaar, Grazia, Esquire, L'officiel и в других престижных изданиях. В 2019 году Элизабет основала движение «Исход». Эта политическая организация агитирует американских евреев, традиционно многие годы поддерживающих Демократическую партию, пе-

рейти в лагерь республиканцев. С декабря 2018 года Элизабет замужем за Дарреном Сентинелло.

Ли Зельдин. 44-летний Ли Майкл Зельдин возглавит федеральное Агентство по охране окружающей среды. Это такой троллинг Трампа: Зельдин, будучи конгрессменом, проваливал одну за другой природоохранные инициативы. Зельдин — член Палаты представителей США от 1-го избирательного округа Нью-Йорка с января 2015-го по январь 2023 года, представлявший Республиканскую партию. В ноябре 2024 года Трамп номинировал Ли Зельдина на должность Администратора Агентства по охране окружающей среды. Для Зельдина очень важны его еврейские корни и всё, что связано с еврейством и Израилем.

Лора Лумер. Американская политическая активистка, теоретик заговора и интернет-персона, родилась 21 мая 1993 года. Была кандидатом от республиканцев на пост представителя 21-го избирательного округа Флориды на выборах 2020 года, но проиграла демократу Лоис Франкль. Лумер работала в нескольких организациях, включая Project Veritas, the Geller Report, Rebel News и InfoWars. Она получила известность благодаря тому, что её заблокировали на различных платформах социальных сетей, включая Facebook, Instagram и Twitter, за нарушение политики о ненависти и распространение дезинформации. Трамп поддержал ее выдвижение в конгресс в 2020 году. Он хотел включить ее в предвыборную команду, но пиарщики отговорили, опасаясь, что ее высказывания о мусульманах могут распугать потенциальных избирателей. Пока ее кандидатура не рассматривается ни на одну из ключевых должностей. Однако ее голос будет хорошо слышен, особенно в том, что касается защиты Израиля.

Сид Розенберг. Еще один необычный персонаж и тоже очень эпатажный. 57-летний радиожурналист Сид Розенберг, именующий себя шок-спортсменом, не скрывает, что голосовал за Хиллари Клинтон в 2016 году. Но потом он стал настоящим трампистом, поддерживал Трампа в ходе предвыборной кампании. Розенберг — большой друг Израиля. Он приезжал с визитом солидарности после событий 7 октября 2023 года.

Уилл Шарф. 38-летний адвокат У.Шарф станет секретарем аппарата Белого дома, что является ключевой должностью по управлению информацией, которую видит президент. Структура также образно называется «нервным центром Белого дома». В частности, Staff Sec решает, что попадет на стол президента: проекты решений, информационные материалы, списки потенциальных кандидатов, отчеты разведки, рас-

писания, корреспонденция, черновики речей. Он всегда сопровождает президента в любых рабочих поездках. Родился Уилл Шарф в ортодоксальной семье в Нью-Йорке, рос во Флориде, посещает в шабат синагогу ХАБАДа. Соучредитель организации «Евреи против Сороса», которая борется с еврейскими леваками, разделяющими взгляды Сороса.

Марк Роуэн. 62-летний Марк Роуэн, миллиардер, инвестор и соучредитель Apollo Global Management, родился в Нью-Йорке, но, как многие нынешние соратники Дональда Трампа, состоялся во Флориде. Считается ведущим кандидатом на пост министра финансов. Роуэн — большой друг Израиля. Когда начались антиизраильские протесты в его родном Пенсильванском университете, он вышел из совета попечителей и лишил вуз дотаций.

Роберт Лайтхайзер. 77-летний ветеран американской политики, работавший еще при Рейгане и занимавший пост торгового представителя США в первой администрации Трампа, считается архитектором американской торговой политики и идеологом торговых войн с Китаем. Недавно Дональд Трамп заявил, что Лайтхайзер станет его «торговым царем». Родился Лайтхайзер в еврейской семье в Огайо, сейчас живет во Флориде. После учёбы работал юристом, долгое время представлял сталелитейную промышленность США. В 1980-х годах был заместителем торгового представителя США в администрации Рональда Рейгана. 3 января 2017 года избранный президент США Дональд Трамп выдвинул кандидатуру Лайтхайзера на должность торгового представителя США.

Стивен Шварцман. 77-летний Стивен Шварцман, миллиардер и глава Blackstone Group, рыцарь-командор ордена Британской империи, родился в еврейской семье в Пенсильвании. В молодости увлекался балетом и даже был победителем конкурсов. В 2007 году Стивен Шварцман вошел в список 100 самых влиятельных людей мира по версии журнала Time. Был министром торговли при президенте Ричарде Никсоне. В первой каденции Трампа возглавлял стратегическо-политический форум. Вряд ли займёт официальную должность, однако его влияние на экономический курс новой администрации будет заметным. В 2011 году Шварцман занял 52-е место в списке 400 богатейших американцев по данным журнала Forbes, оценившим его состояние в 4,7 млрд. долларов.

Нас особенно интересует Борис Эпштейн. Мы помним, что советник президента США Дональда Трампа Борис Эпштейн давал показания в конгрессе по делу о «вмешатель-

стве России» в выборы в 2016 году. Эпштейн вырос в Москве и познакомился с сыном Трампа Эриком в Джорджтаунском университете, где учился на юриста. Во время предвыборной кампании 2016 года он работал в команде Трампа, был специальным помощником президента по связям с общественностью, а в переходный период после выборов занимал пост старшего советника избранного президента. В марте получил должность в пресс-службе Белого дома, но вскоре был уволен.

Борис Эпштейн родился в 1983 году в Москве. В 1993 году вместе с родителями переехал в США. В 2004 году окончил Школу дипломатической службы Джорджтаунского университета. В 2007 году – юридический центр Джорджтаунского университета. Работал над сделками с ценными бумагами и банковскими финансами в Milbank, Tweed, Hadley & McCloy в Нью-Йорке. В октябре 2013 года он провел мероприятие под девизом «Инвестировать в Москве!». В 2008 году стал политтехнологом у Джона Маккейна, когда тот баллотировался в президенты. Благодаря знакомству с сыном нынешнего президента США Эриком попал в ближайшее окружение его отца, сыграл видную роль в его избирательной кампании и получил должность старшего советника после победы на выборах. В Белом доме он отвечал за координацию и инструктаж представителей администрации, выступающих в СМИ от имени президента Трампа. В ходе избирательной кампании Эпштейн неоднократно высказывался в поддержку президента России Владимира Путина и однажды заявил в интервью CNN: «Россия не захватывала Крым!.. Мы можем говорить о конфликте между Украиной и Крымом, этот конфликт все еще продолжается, но российского захвата не было!»

27 января 2017 года он написал заявление Белого дома по поводу Дня памяти Холокоста без единого упоминания в нем еврейского народа, которое вызвало широкий резонанс в мире и резкую критику со стороны Антидиффамационной Лиги. Не надо забывать, что отсутствие дипломатического опыта у Эпштейна не является большой проблемой. Стоит припомнить, что в прошлую каденцию Трампа спецпредставителем по Украине (правда, Госдепа) был Курт Волкер, твердокаменный дипломат, окормлявший Минский процесс. Результат известен. Источники NYT утверждают, что 43-летний Борис Эпштейн играет большую роль в формирующейся команде Трампа. Миллиардер Илон Маск, один из спонсоров нового президента США, в частных беседах выразил удивление, что у юриста так много полномочий: он сыграл решающую роль

в формировании кадровой повестки будущей администрации, продвигал команду Минюста, советника президента по юридическим вопросам Уильяма Макгинли, а также был ключевым сторонником скандального назначения сенатора Мэтта Гетца на пост генерального прокурора. Один из советников Трампа, попросивший не называть его имени, охарактеризовал общую ситуацию как «Соединенные Штаты Бориса».

Курированием Армении по поручению Трампа будет заниматься пастор-республиканец Джоэл Тенни. Администрация избранного президента США Дональда Трампа будет самой проармянской со времен президентства Вудро Вильсона, уже заявил Джоэл Тэнни.

Русская народная линия

ГРАФ МИХАИЛ СЕМЁНОВИЧ ВОРОНЦОВ

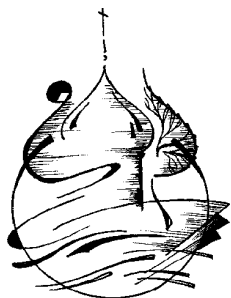
*Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным, наконец.*

Эта поэтически талантливая эпиграмма А.С. Пушкина, написанная им в 1824 году на графа М.С. Воронцова, содержит много язвительности, но в ней нет правды. Ниже мы в этом убедимся.

А начнём с того, что Михаил Семёнович имел блестящее образование (свободно владел английским, французским, немецким, много читал, знал историю и математику), был мужественным воином и человеком высокой порядочности и благородства.

Детство и юность он провёл у рано овдовевшего отца — русского посла в Англии, который дал ему блестящее домашнее образование и привил любовь к русской культуре и который считал немыслимой жизнь своего сына вне России.

Ещё в раннем детстве он был записан в Лейб-гвардии Преображенский полк, а военную службу начал с 19-ти лет в чине поручика. Участвовал в боевых действиях на Кавказе во время русско-персидской войны 1804—1813 гг., на Балканах во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг., в сражениях с войсками Наполеона в 1806—1807 гг. Во всех боях

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

он проявил не только личное мужество (за что получил два «Георгия»), но и полководческий талант — уже в 27 лет (1809 г.) стал генерал-майором.

В Бородинском сражении Воронцов командовал дивизией, которая находилась у Багратионовых флешей на направлении главного удара наполеоновской армии и сумела удержать позиции до самого конца сражения. Из почти 5-ти тысяч в ней в конце боя осталось 300 человек. Сам граф получил ранение в бою, был отправлен в тыл, но вскоре вернулся в действующую армию и участвовал в крупных сражениях Заграничного похода 1813—1814 гг. После поражения Наполеона генерал-лейтенанту Воронцову была доверена высокая военная и политически ответственная миссия — командование 36-тысячным русским оккупационным корпусом во Франции в 1815—1818 гг.

Здесь стоит отвлечься от боевой деятельности Михаила Семёновича и рассказать о нём как о человеке. Когда Наполеон приблизился к Москве, для вывоза в тыл богатого московского имущества графа было направлено 200 подвод, но, узнав об этом, тот распорядился вывезти на них раненных солдат и офицеров (всего 350 человек) в своё имение в с. Андреевском Владимирской губернии, обеспечил им за свой счёт кров, питание и лечение, а каждого выздоровевшего солдата перед отправкой в действующую армию наделил одеждой и 10 рублями. Всю жизнь он свято соблюдал завет своего отца: «Люди с властью и богатством должны так жить, чтобы другие прощали им и власть, и богатство».

Командуя оккупационным корпусом, он приказал ограничить телесные наказания солдат, организовал во всех подразделениях «ланкастерские школы» (когда более грамотные сослуживцы учат менее грамотных или неграмотных) для обучения солдат и унтер-офицеров. Накануне вывода корпуса из Франции он погасил все долги офицеров и солдат местному населению, для чего пришлось продать доставшееся по наследству имение своей знаменитой тётки по отцу княгини Е. Р. Воронцовой-Дашковой. Он был воистину «слугой царю, отцом солдатам». Незадолго до этого корпус с инспекционной целью посетил Александр I и во время церемониального парада войск заметил, что солдаты маршируют не так быстро, как надо бы. Воронцов ответил: «Да, Ваше Величество, но этим шагом мы пришли в Париж».

В 1823 году Император назначил М. С. Воронцова генерал-губернатором Новороссии в составе Херсонской, Екатеринославской, Таврической губерний и недавно присоединённой Бессарабской области (современных Молдавии и Приднестровья) с центром в Одессе, и не ошибся. На этом

посту граф прослужил более 30 лет, и его вклад в развитие этого огромного, неосвоенного края сопоставим только с вкладом великого Потёмкина. При нём

- открыты первые музеи в Одессе (1825) и Керчи (1826),
- основан город Бердянск (1827),
- основан город Ейск (1848)
- открыто пароходство на Чёрном море (1828), что резко увеличило объём торговли и доходы казны,
- создано Херсонское училище торгового мореплавания (1834), Институт для девиц в Керчи (1833) и много других учебных заведений,
- организована разведка и добыча полезных ископаемых, в первую очередь — угля для пароходов,
- составлены топографические карты края,
- огромное развитие получило виноградарство и виноделие в Крыму, тонкорунное овцеводство и хлебопашество в степных районах,
- учреждено в Одессе «Общество сельского хозяйства Южной России», в деятельности которого он сам активно участвовал,
- построена горная дорога Симферополь — Алушта — Ялта — Севастополь,
- развёрнуто интенсивное строительство во всех городах края (в т.ч. построены такие шедевры архитектуры, как Потёмкинская лестница и губернаторский дворец в Одессе, дворец в Алушке, каменная лестница в Таганроге, храм св. Иоанна Златоуста в Ялте, храм св. Фёдора Стратилата в Алуште, церковь в Ак-Мечети),
- заложены основы садово-паркового искусства в Крыму и степного лесоводства,
- в Одессе на его деньги построены сиротский дом, лечебница для неимущих, Александровский детский приют и др.,
- Одесса стала четвёртым городом России по численности населения, а Новороссия — самым динамично развивающимся регионом Российской Империи. По существу, граф прорубил второе, южное «окно в Европу».

В 1828 г., во время очередной русско-турецкой войны, он параллельно с основной службой был назначен, взамен раненого князя Меншикова, командовать войсками, осаждавшими Варну. Через месяц после его прибытия в войска крепость была взята. Тогда же, благодаря его решительным мерам, занесённая из Турции чума не распространилась в России.

Ещё ранее, в 1826 году, М.С. Воронцов был назначен членом Государственного совета и членом Верховного уголовного суда по делу декабристов. Как и большинство других чле-

нов суда (71 из 72-х), граф, сам будучи высокогуманным человеком, голосовал за предание заговорщиков смертной казни. Противоречия здесь нет — Михаил Семёнович был прежде всего государственным-патриотом России и понимал, что всякие выступления против монархии есть подрыв государства. Как нет противоречия и в том, что, верно служа России, он по отношению к существовавшему крепостному праву и к унижительному сословному неравноправию был одновременно либералом-западником. И свою либеральную политику проводил в пределах возможного в своих имениях и во вверенном ему генерал-губернаторстве. Господскую землю в своих имениях он отдал в аренду крестьянской общине под небольшой оброк, а крестьянам своих поместий, желавшим переселиться в Новороссию, он давал «вольную» и подъёмные деньги.

В 1845 г. Николай I назначил генерал-губернатора Новороссии одновременно кавказским наместником с резиденцией в Тифлисе и главнокомандующим войсками на Кавказе, где шла война с горцами. Однако первая же боевая операция графа против Шамиля («Даргинская экспедиция») закончилась неудачно. Шамиль ускользнул из аула Дарго, а безрезультатное преследование того по труднопроходимым горным лесам стоило нашим войскам больших потерь. Более успешными были операции М.С. Воронцова (теперь уже князя) по взятию двух твердынь Дагестана — аулов Гергебиль и Салты в 1848 году.

Главное же, чем прославился здесь Михаил Семёнович, — обустройство Северного Кавказа и Закавказья, развитие там сельского хозяйства, промышленности и торговли с выходом на общероссийский рынок, усовершенствование системы образования, укрепление границ с Турцией и Персией и т.д.

Много внимания было уделено Тифлису — не зря там ещё в 1867 г. на добровольно собранные средства ему установили памятник (уничтожен в 1922 г.). *«Дома строгой европейской архитектуры красуются рядом с восточными постройками и плоскими крышами... На Головинском проспекте и Эриванской площади здания большие, высокие, прекрасно отделанные, с магазинами всех европейских национальностей, с галантерейными предметами высшей роскоши и цивилизации, а рядом армянский базар, где на узких улицах олицетворялась восточная жизнь, во всех ее подробностях»* (генерал В.А. Полторацкий). *«На левом берегу Куры образовывались целые новые кварталы до самой немецкой колонии со всеми условиями европейского города, особенно с устройством нового Воронцовского моста, взамен прежнего...»* (князь А.М. Дондуков-Корсаков) *«Весь Новороссийский край, Крым и отчасти Бессарабия в четверть века, а труднодоступный Кавказ в девять лет были исследова-*

ны, описаны, иллюстрированы гораздо точнее и подробнее многих внутренних составных частей пространнейшей России», — писал другой современник.

В 1852 г. за заслуги в деле развития Кавказа Николай I присвоил князю М.С. Воронцову титул светлости — он стал светлейшим князем. А 26 августа 1856 года, в день коронации Александра II, совпавший с днём Бородинского сражения, светлейший князь был пожалован чином генерал-фельдмаршала, но тому жить осталось недолго — 6 ноября он умер в своей сильно пострадавшей в Крымской войне, но любимой Одессе.

Его личный врач записал: *«В 4 часа 20 минут сердце ещё билось, но он был без сознания, в 4 часа 25 минут от этой благородной жизни осталось лишь одно неподвижное тело, но выражение энергии и доброты, некогда присущее его прекрасному лицу, внезапно вернулось, и мы увидели его таким, каким знали в течение пятнадцати лет. Это были черты того человека, в котором Россия, как тогда говорили, потеряла одного из самых главных своих представителей».*

«Во всех делах М.С. Воронцова, и в официальной его деятельности, и в частной жизни мы видели одно руководящее правило: это подавлять дурное развитием хорошего. Его богатая административная опытность с чрезвычайной прозорливостью и меткостью отыскивала везде и во всем хорошее, здоровое начало, выдвигая их на производительную почву, развивая их, подавляя семена зла и вреда», — вспоминал Д.И. Кипиани, бывший секретарь канцелярии Воронцова на Кавказе.

Похоронили князя в Спасо-Преображенском соборе (разрушен в 1936 г., восстановлен в начале 2000-х гг.), перед собором в 1863 году одесситы установили ему памятник. После его смерти в Одессе долго жила поговорка: «Бог высоко, царь далеко, а Воронцов умер».

А что же с эпиграммой Пушкина, который написал её во время ссылки в Одессу (формально — не ссылки, а служебной командировки под начало Воронцова)? Надо признать, что Александр Сергеевич несколько зарвался. Встретив по приезду радушный приём у генерал-губернатора, он решил приударить за его красавицей-женой, на что получил соответствующую реакцию — холодность отношения, требовательность к выполнению своих мелких чиновничьих обязанностей и потом отсылку его в Санк-Петербург, а оттуда — в с. Михайловское в 1825 г., где во всём размахе и проявился его поэтический дар. Впрочем, после смерти великий поэт и великий государственный деятель примирились — оба они изображены на памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде.

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ

Ко дню памяти выдающегося русского мыслителя, публициста, писателя, критика, Константина Николаевича Леонтьева (13 (28) января 1831 — 12 (25) ноября 1891) публикуем воспоминания о нём духовного писателя Евгения Поселянина (Евгения Николаевича Погожева (21.04(3.05) 1870 — 13.02.1931), написанные в Царском Селе в 1900 г. и изданные тогда же.

<...>

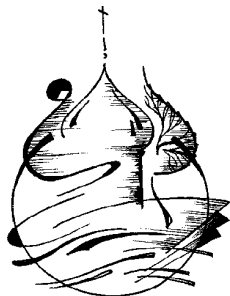
Леонтьева самым решительным образом замалчивали при жизни. Он не имел и малейшей доли успеха, какой заслуживали его искренность, тонкий, сверкающий ум, его идеи, с которыми могли не соглашаться люди иных взглядов, но блестящую самоубытность коих нельзя было не оценить. Кажется, после его смерти судьба будет к нему снисходительнее. Его едва ли забудут.

Желая сохранить некоторые черты его характера, я здесь предлагаю воспоминания, записанные со слов одного лица, знавшего покойного в последние годы его жизни.

I

Летом 1888 года я случайно был в Оптиной.

Мы приехали туда с семьей одной моей тетки из деревни за 200 верст, в большой коляске четверней, на своих. Мы ехали отчасти для развлечения таким необычно долгим на лошадях путешествием; отчасти чтоб повидать молодого родственника, бывшего в Оптиной послушником.

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Перед отъездом нашим один господин, рассказывавший нам о Пустыни и ее достопримечательностях, назвал в числе их Леонтьева, писателя-националиста и восторженного поборника Православной Церкви, советуя познакомиться с ним. Он добавил, что Леонтьев известен в Пустыни под именем «консула».

Мы приехали в Оптину в ночь на большой праздник, и я за поздней обедней увидел в соборе на клиросе бокового придела старого видного господина с манерами человека хорошего общества, совсем необычного на вид. Очень выразительное лицо с оттенком глубокой грусти и пытливости, живые глаза более пристально, чем быстро, смотревшие на всё. Он был высок, и рост скрывал его полноту. Он стоял за обедней без особых внешних знаков усердия и от времени до времени с большою любознательностью разглядывал толпу. Я догадался, что это «консул».

Но в этот приезд я у него не был.

В ту же осень я поступил в Московский университет. Былая у П.Е. Астафьева, писателя-философа и профессора, заведовавшего тогда университетскими классами Лицея Цесаревича Николая и гостеприимно собиравшего у себя молодежь, преимущественно лицейскую, я не раз слышал от него о Леонтьеве, о котором, при всём уважении к нему, Астафьев не мог говорить спокойно.

— Нет, вы не можете себе представить, — рассказывал он, — какой оригинал иногда Константин Николаевич. Представьте себе: когда в последний раз я был в Москве, он мне вдруг заявил: «Петр Евгеньевич, я буду вам рассказывать свои мнения, а вы мне не противоречьте». Я, разумеется, говорю ему: «Константин Николаевич, как же это я буду вас слушать молча и не буду вам, если найду нужным, *противоречить*?» (это слово Астафьев выговаривал старательно и раздельно)... А знаете, до чего доходят его парадоксы? Моя жена его спрашивает: «Что, вы «старцу» (Амвросию) во всем повинуетесь?» — «Во всем». — «Что бы он вам ни сказал?» — «Что бы ни сказал. Да вот, например, я вас очень люблю. А если б старец мне сказал: «Убейте ее», то есть вас, я бы ни на минуту не задумался». Конечно, это он говорил так, для яркости. А все-таки странно.

II

Чрез год после первой поездки я отправился в Оптину уже один, чтобы ближе присмотреться к старцу Амвросию, произведшему на меня за те несколько минут, которые я его в первый раз видел, чрезвычайно глубокое впечатление.

Тут я отправился к Леонтьеву. Сперва я из гостиницы послал ему чье-то письмо — кажется, П. Е. Астафьева, — в котором было писано обо мне. К письму была приложена брошюра начинавшего писателя, о которой у него спрашивали мнения. На следующий день я отправился к нему и сам.

Брошюра дала счастливую тему для того первого разговора, который так сглаживает неловкость, происходящую, когда лицом к лицу, не в обществе, встречаются двое совершенно незнакомых лиц. Во время этого первого разговора я заметил любознательность Леонтьева, направленную на людей вообще. Он жадно изучал всякого, кого видел в первый раз, — его выражения, манеры, выговор, слова, взгляды. Потом меня приятно поразила простота его. Впоследствии мне приходилось видеть пишущих лиц, стоявших неизмеримо ниже Леонтьева по значению, уму, дарованиям. И как старались они становиться на ходули. А он был совершенно прост, непритязателен во всем.

У него и той мысли, кажется, не было, чтобы производить какой-нибудь эффект. Он как-то радостно выражал свои мнения. Казалось, что мыслям было тесно в его голове, и они искали выхода в словах.

После знакомства с ним как мелки казались люди, говорившие: «Никогда не выказывайте никому много привязанности. Это обесценивает человека. Скупой делитесь мыслями, чтобы не выдохнуться на глазах людей».

Он не скупился своими думами — конечно, потому, что он всегда был преисполнен ими, всегда «кипел мыслями». Ну а насчет первого: его, пожалуй, потому и недостаточно ценили, что он слишком много и щедро давал, слишком был усерден к людям. А на людскую посредственность большее впечатление оказывает скардность чувства и сдержанность, чем безудержное богатство заботы и прямотушия с людьми...

Он очень сочувственно и живо разобрал тогда присланную ему брошюру, указывая то, что, по его мнению, нехорошо и не «со вкусом». Когда я уходил, он пригласил меня на следующий день обедать.

В этот раз, около недели проведя в Оптиной, я почти ежедневно видел Леонтьева.

Пока он был жив, мало читая его, страстно дорожа лишь тем, что он писал собственно о литературе, я знал его почти исключительно как человека, а не как писателя. Так как он был разговорчив и откровенен, то мне пришлось узнать кое-что из его биографии.

III

Происходил он из старой дворянской семьи, хоть и не игравшей в Московской Руси видной роли, но часто упоминаемой в разрядных и писцовых книгах. С половины прошлого, XVIII, столетия одна ветвь этого рода стала возвышаться, другая, от которой произошел сам Леонтьев, хиреть.

Мать его была из семьи тоже известной, Карабановых, воспитывалась в Смольном и пользовалась вниманием императрицы Марии Федоровны. Через нее г-жа Леонтьева, не имея на это, по чину мужа, права, записала двух сыновей в пажи.

В кабинете Константина Николаевича висели старинные портреты — акварелью и тушью. Мать его по портрету была очень красивая, нервная, по-видимому, женщина — то, что выражается словами *raffinée, distinguée, intellectuelle* (утончённая, изысканная, умная). Она устроила себе в глуши калужской деревни, в незатейливой Кудиновской усадьбе, уютный уголок, где читала, мечтала, вспоминала прошлую юность, столицу, которую ей удалось видеть сквозь дымку, не узнав на деле блеска и разнообразия ее жизни. А, кажется, ее натура в этом нуждалась.

По-видимому, в средствах был недостаток, и Константин Николаевич с благодарностью хранил у себя на стене портрет двоюродного или троюродного брата своего отца, генерала Леонтьева, бравого, воинственного вида, с высоко взбитою прической. Этот Леонтьев рыцарски-заботливо относился к матери Константина Николаевича и, кажется, помогал ей в ее затруднениях. Константин Николаевич благодарно помнил об этом по прошествии трех четвертей века.

Будучи в университете, Леонтьев немного ездил на балы. У него был акварельный портрет, сделанный с него в это время. Высокий, стройный, худой, с нежными светло-русыми волосами, с тем же *raffinement*, как у его матери. Но он никогда не утвердился в свете, имея на то полное право.

«Свет» — очень странное явление. В нем бывают люди, не имеющие на то никаких прав, не обладающие, кроме терпения и неуклонности, никакими качествами. И он иногда безответен для таких людей, которые, как Леонтьев, кроме того, что носят старое имя, незаменимы для общества.

Только раз мне удалось подслушать в Леонтьеве чувство боли по этому поводу. Он говорил об одной очень умной женщине, с большим положением, очень знавшей славянофилов, пригласившей его к себе, когда он был цензором в Москве.

— Я у нее был только раз. Мне не хотелось к ней больше возвращаться. Она меня приняла не так, как я бы хотел. Она,

например, не предложила мне курить. Конечно, я был только цензором. Но ведь я еще Леонтьев.

Я понял, что он хотел сказать, что если б она встретила его раньше в нескольких домах известного круга, то отнеслась бы к нему иначе.

Он рассказывал об этом случае без злобы, без осуждения и горечи, а с какою-то грустью. И, глядя на этого выдающегося человека, с несомненными признаками «породы», думая о том, что он рассказал, вспоминались вымучившиеся в душе Лермонтова слова об «обломках игрою счастья обиженных родов».

Начал он писать рано, и Тургенев, который в числе печальных слабостей своего характера имел обычай захваливать молодых людей, внушая им заведомо для него самого несбыточные надежды, наговорил ему о его беллетристических опытах что-то вроде: «Вы нас всех скоро за пояс заткнете».

Тургенев говорил это против своего убеждения и причинил тем Леонтьеву вред. Не беллетристика, а критика истории, общественной жизни и литературных явлений — вот где он стал полным хозяином.

После нескольких лет, проведенных в качестве домашнего врача (он кончил курс на медицинском факультете) в деревне, в семье барона Розена, Леонтьев поступил на службу по дипломатической части, став консулом на Балканском полуострове. Здесь совершился с ним переворот, направивший его жизнь в новое русло.

IV

Леонтьев давно жаждал веры. Отдав дань всяким отрицательным учениям, до самых крайних включительно, он не мог на них успокоиться. Ошибочность их ему стала ясна. Невозможно ему было жить и с душою опустошенной. Ум его еще не мог склониться пред непостижимыми тайнами веры, и этот разлад гордого ума и стремящегося к вере сердца был для него мучителен.

Тут совершилось событие, о котором я слышал от него несколько раз. Он сам всегда был взволнован при этом рассказе, и теперь, вспоминая его чрез столько лет, испытываешь то же волнение.

«Я жил в Константинополе, в окрестностях его, на даче. Была холерная эпидемия. Мне приходило на мысль, что могу заболеть и я, а умирать мне не хотелось. Я знал за собою много грехов. Не буду всего рассказывать. Много их было и тяжелых.

Во мне было предчувствие другой жизни. И пока, еще не достигнув веры, не хотелось уходить, как я был, с пустою душой, и заканчивать жизнь, каким я был в то время...

Дача моя была отдалена от жилья; со мною было только несколько человек прислуги. Как-то ночью я проснулся с несомненными признаками холеры. Я, врач, не мог ошибиться. Припадки были сильны. Надежд на спасение почти не было. Разослав людей в разные стороны, я остался почти один. Я был лицом к лицу со смертью, не готовый, с не смытой грязью всей моей бурной жизни. Предо мною была вечность: теперь я ее уже чувствовал...

У меня в комнате стояла икона Божьей Матери, старая семейная икона, которою я дорожил при всем своем неверии. Я в отчаянии посмотрел на нее и, ударив изо всей силы кулаком, закричал:

— Рано! Ты видишь: рано мне умирать!

Могут сказать, что это было богохульство. Вернее, это был первый вопль зарождавшейся веры. Как бы то ни было, я к утру был здоров.

Прошло несколько времени. Жизнь, по-видимому, шла та же, но во мне была затаенная мысль.

Через несколько времени я отправился на Афон, в знаменитый Пантелеймонов монастырь, где были великие старцы Иероним и Макарий. Как консула, представителя русской власти, меня встретили торжественно. Я прибыл с целою свитой провожатых. А навстречу мне, при колокольном трезвоне, вышел весь монастырь; впереди, со крестом, архимандрит Иероним. Меня с торжеством ввели в собор... Я старался с достоинством принять это чествование, относя его к значению России в судьбе православия.

Затем, на следующий день, я послал к отцу Иерониму с просьбой, чтоб он принял меня наедине... Я подходил к его келье с безконечною жаждою смирить себя и найти здесь веру. Переступив порог, я подошел к старцу и без слов с рыданием упал к его ногам.

Так разрешилась эта напряженная внутренняя драма!»

Это был первый решительный шаг Леонтьева.

Нужно сказать, что одна сторона верующего человека никогда не была в нем разрушена. Леонтьев признавался, что в те даже годы, когда им владели самые разрушительные учения, он готов был положить на месте того, кто стал бы говорить против пасхальной заутрени в Кремле, — одно из многих противоречий русской души.

Вообще красота христианства, красота истории его, чрезвычайная красота христианских исторических лиц, так по-

ражавших Пушкина в последние годы его жизни и доселе скрытых под спудом для нашего общества, грубо невежественного во всем, что касается религии, — красота христианского культа была одною из притягательных сил, привлекавших Константина Николаевича к христианству.

Он отдал себя всецело руководству старца; несколько раз возвращался к отцу Иерониму и его ученику и преемнику, отцу Макарию, и с их помощью нашел веру.

Это был тяжкий, сложный путь. Но, уезжая в Россию, он был верующим человеком.

Понятно, как старчество стало дорого Леонтьеву. И он уже не мог обойтись без постоянного руководства старцем. В России он нашел отца Амвросия. Он ездил к нему из Москвы, а затем, оставив службу, поселился совсем в Оптиной.

При полном подчинении старцу понятной становится фраза, сказанная им г-же Астафьевой, — фраза, как все, что он говорил, яркая, выпуклая.

V

Мне кажется, что Леонтьев был всю свою жизнь довольно одинок.

Во время своей консульской жизни он женился на простой гречанке, бывшей, по его словам, замечательной красавицей. Она была в него страстно влюблена. Лет через десять после свадьбы она сошла с ума.

Я видел этого большого ребенка: она всегда жила при муже. Очень высокая, крепкая собой, она сохраняла следы прежней красоты в блестящих больших глазах, в чертах расплывшего лица. Тихая, добродушная, она иногда с хитрою улыбкой ребенка, воображающего, что его никто не видит, совала мне в руки яблоко или что-нибудь сладкое, и я тогда останавливался послушать ее неправильную ласковую русскую речь. К своему мужу она и в болезненном состоянии была преисполнена необычайного почтения и относилась к нему, как дети к старшим. Произнося «Константин Николаевич», она понижала голос и принимала серьезный вид.

Конечно, эта женщина, и будучи здоровой, не могла ничем скрасить умственного и нравственного одиночества такого человека, как Леонтьев.

Его политические мысли, и особенно привязанность к Греческой Церкви (против Болгарской), делил покойный Т.И. Филиппов, который приезжал даже к нему в Оптину: некоторый подвиг для очень старого человека, при 140 верстах грунтовых дорог. Филиппов оказывал ему поддержку в делах. Для такого «барина», с такими привычками, как Ле-

онтьев, и, главное, с неудержимо добрым сердцем, материальные заботы были тяжелы. Тут Филиппов много сделал для него, устроив ему своим влиянием пенсию в 3000 рублей, когда он должен был оставить службу, вконец расстроив здоровье.

Кажется, самым счастливым временем жизни Леонтьева в смысле пользования приятным обществом, подходящим к нему, были дни и недели, проведенные в Константинополе. Он с удовольствием вспоминал о тогдашнем после — графе Н.П. Игнатеве и о разных других, служивших по дипломатической части. Между прочим, он для всех посольских подыскал названия болезней по характеру и привычкам каждого лица. Так, одну прелестную молодую женщину, всю поглощенную своим двухлетним сыном, носившим уменьшительное имя Алеко, он определил «*Alecotrofia pedantissima*» (*trofia* — значит питание, воспитание). Он мне как-то читал целый список таких определений, очень остроумных.

Кстати, вот характерный для обеих сторон разговор, который произошел у него однажды с первой настоятельницей Шамординской общины, матерью Софией (из рода Болотовых), женщиной выдающейся по уму и характеру, блиставшей в миру красотой, а в монастыре подвижничеством и рано почившей в схиме.

Встретив его в Оптиной, мать София приглашала его посетить Шамордин, говоря, что стоит приехать хоть из-за необыкновенной живописности места.

— Зачем говорить о живописности, — отвечал Леонтьев... — Не знаю, «как понесет» мою искреннюю речь ваше монашеское смирение... Но одного вашего присутствия где-нибудь достаточно для того, чтоб туда стремились люди... При вас я, может быть, не замечу красоты этого места... Осудите ли вы меня, матушка, за мое искреннее удивление излитым на вас Богом даром?..

Монахиня поникла головой и тихо произнесла:

— Все во славу Божию...

VI

Человек, с которым Леонтьев делился происходившей в нем религиозной эволюцией, духовной своей жизнью, был отец Климент (Зедергольм), сын пастора, блестяще служивший в Петербурге, в Сенате, принявший православие и ставший оптинским иноком.

Леонтьев написал после его безвременной смерти прекрасную книгу «Отец Климент Зедергольм», по которой столь же привязываешься к описываемому лицу, как и к автору. Имен-

но эта книга возбудила во мне желание узнать Константина Николаевича, и его первую из целого ряда книг, полученных мною от старца, дал мне отец Амвросий, который ее очень одобрял.

Из писателей Леонтьев мог бы ценить Достоевского. Но он существенно расходился с ним, между прочим, в следующем. Он находил преувеличенной его исключительную пропаганду любви. Он написал возражение на знаменитую речь его при открытии памятника Пушкину.

Леонтьев особенно настаивал на необходимости страха Божия как первой, подготовительной ступени к исполнению заповедей, которые в приученном уже к ним человеке позже будут совершенствоваться из любви.

Человеку, сколько-нибудь жившему духовной жизнью, и особенно человеку с пылким темпераментом, испытавшему увлечения раньше, чем серьезно стать на путь христианина, понятна эта настойчивость Леонтьева на «страхе».

За это на него много нападали люди, хотящие прямо доскочить до совершенства (или, быть может, уже и считающие себя обладающими совершенством), без предварительной работы, а в сущности далекие любви. Меня особенно поразило в этом отношении одно лицо, говорившее о нем почти у его гроба, в самых резких выражениях, прежде чем он был даже опущен в могилу: поступок сторонника «любви», на который почивший проповедник «страха Божия» не был бы никогда способен.

Раз при мне Леонтьев получил по этому же поводу письмо от В.С. Соловьева, с которым переписывался и которого очень любил.

Соловьев, сколько помнится, приводил в возражение слова Писания: «И бесы веруют и трепещут».

— Да, — мог бы возразить Леонтьев, — трепещут и противятся, а наш трепет побуждает нас к исполнению закона.

И в этом смысле Леонтьев говорит, что милостыня из «страха» ценнее милостыни из сердечного влечения. Первая приобретена усилием. Вторая есть такое же произвольное дело, как вздох.

Леонтьев был самого высокого мнения, даже восторженного, об уме В.С. Соловьева. Этот ум так же чаровал Леонтьева, как разочаровывал его нестройный, бросающийся из стороны в сторону, отрицающий сегодня то, что он утверждал вчера, говорящий часто детски-несуразные вещи ум графа Л.Н. Толстого.

Леонтьев и не считал этого гениального художника очень умным человеком. Он тоже видал его, так как граф Толстой

не раз бывал в Оптиной, по близости которой, в Шамордине, монашествует родная его сестра.

Было интересно двойственное отношение Леонтьева к этому человеку. Он благоговел пред ним как пред художником. В последние годы своей жизни в нескольких критических статьях, особенно же в великолепной статье «Анализ, стиль и веяние», он высказал Толстому похвалы — может быть, самые восторженные, самые глубокие из того, что было писано о Толстом. Но, преклоняясь пред художником, Леонтьев с сожалением и досадой глядел на потуги Тостого-проповедника.

VI

Как странно бывает в жизни!

Именно те люди, которые наиболее щедро отдают себя другим и полны самых привлекательных черт, часто остаются почему-то наименее ценимыми.

Леонтьев ушел на склоне лет из мира к монастырю, но продолжал страстно интересоваться жизнью. Кроме газетных и журнальных известий ему хотелось видеть живых участников этой жизни. Как он звал, например, к себе хорошо и давно с ним знакомого и переписывавшегося с ним г. Губастова (теперешнего русского резидента при Ватикане). И по своей чрезвычайной скромности думая, может быть, что он сам недостаточно интересен, чтобы к нему приехали ради него самого, он писал, что для человека, сколько-нибудь интересующегося христианством, надо узнать «монашество», без которого нельзя понять христианство. А настоящее монашество так хорошо сохранилось в Оптиной.

Сколько тоже было разговоров относительно приезда к нему критика Ю.Н. Говорухи-Отрока! Константин Николаевич вызывался даже выписать к себе роля для его жены, занимавшейся музыкой. Но и этот проект не состоялся...

И в своем одиночестве Константин Николаевич должен был изливать сокровища своих дум пред людьми, которые не могли вполне понять его. Мог ли, например, войти в его мысли, в его чувства 19-летний студент живого характера, весь поглощенный внешним миром? И когда думаешь теперь, какая величина была пред тобой в то время, просто стыдно становится, как мало ею пользовался. Может быть, уже потому, что, находясь в Оптиной, всё время был под обаянием отца Амвросия, для которого и приезжал, а Константин Николаевич как бы тускнел рядом с громадною нравственною фигурой старца, стоял на втором месте.

С силой своего анализа Константин Николаевич постоянно обсуждал предо мной вслух свои поступки. Это было

очень интересно. Но долго следить за такой филигранной работой его ума утомляло мой мозг. Еще труднее мне было следить за ним. Когда он развертывал предо мною политические комбинации, я бывал всегда удивлен блеском его соображений. Но, не понимая политики, я более интересовался смелостью этих соображений и блеском слов, чем сущностью его мысли.

Помню, раз он долго говорил о роли России как главы православных народов и наиболее выгодной группировке держав, диктуя историю на несколько столетий вперед. Это было поразительно по блеску и проникновению.

Впоследствии мне приходилось видеть лиц старого и среднего поколения, известных своей способностью говорить. Но блестящее Леонтьева с его глубоким одушевлением, его неистощимо богатыми примерами, с силою и пронзительностью его мысли и ее выражения — я никого не видал.

VIII

Нельзя не вспомнить его греющее отношение к молодежи.

Вокруг него собрался маленький кружок студентов, и как он умел заботиться о них! Одному, который был оставлен при университете и, происходя из крестьян, не имел на что жить до получения кафедры, он лично выхлопотал у министра Делянова пособие. Один из более даровитых из этого кружка сделался священником на боевых местах: сперва в Западном крае, потом при тюрьме. Один стал дельным предводителем. Леонтьев письмами поддерживал в них бодрость, желание служить народу, тот культ России, который в нем самом был так силен; больше же всего поддерживал веру.

Бывало, когда, покидая Оптину, прощаешься с ним, он перекрестит и скажет:

— Ну, голубчик, придет зима — ездите по балам, пляшите. На то молодость. А Оптину не забывайте. Помните старца Амвросия... В наше время как бывало? Пляшет барышня всю масленицу до упаду. А в прощенное воскресенье, когда другие собираются на *folle journee* (франц.: безумный день), она с утра в возок: к Троице, к вечерне спешит.

Православная Церковь стала, если не грешно так выразиться, страстью души Леонтьева. Сам вполне подчиняясь ее уставам, он и других уговаривал исполнять их: ходить к службам, соблюдать посты, что делал он строго, как это ни было трудно ему, избалованному, болезненному, нервному.

Всякое оживление церковного дела его так радовало. Он и Оптину, верно, потому так любил, что она представлялась ему, так сказать, искренним собирательным христианином.

Помню я, как волновали надеждами его душу новые духовные течения, означившиеся в русском обществе: например вступление в ряды белого духовенства молодых людей высших классов, прилив таких же лиц в ученое монашество. Он написал тогда из своего уединения горячую статью под заглавием «Добрые вести».

Мне раз или два случилось видеть Константина Николаевича несколько минут спустя после того, как он приобщался (по болезненности его ему Святые Дары приносили на дом). И я не забуду того выражения, какое тогда было у него. Умилительно было видеть этого мудреца, с такой детской искренностью преклонявшего свой гордый ум пред таинствами веры.

IX

Расскажу еще о домашнем быте Константина Николаевича.

Он в Оптине занимал особый дом с садом, так сказать, маленькую усадьбу через дорогу от ограды монастыря.

В одно из первых моих посещений он принял меня в саду. Когда я зашел среди деревьев, уже ронявших свой убор, шедшую навстречу ко мне по дорожке, засыпанной палым листом, высокую, чуть согбенную, но крепкую фигуру, мне с поразительной ясностью вспомнился Лаврецкий. Я много думал потом об этом невольном моем чувстве и с радостью говорил себе, что как бы строго ни относился к себе Леонтьев, он не мог применить к себе последнего слова Лаврецкого: «Догорай, бесполезная жизнь!»

Дом был с мезонином. Внизу очень большая, во всю ширину дома, комната, выходящая с одной стороны дверью на балкончик и сад; с другой — окнами в палисадник, за которым была дорога и спуск к реке Жиздре. Эта комната была разом и столовой, и гостиной, и приемной. Внизу жила жена его и была небольшая комната для приезжих.

Маленькая крутая лестница вела кверху, где я был только раз. Там, опять во всю ширину дома, была большая комната, скорее две, соединенные в одну, — кажется, с колоннами посередине, кабинет и спальня. В кабинете, близ окна с видом на Жиздру и привольные заливные по ней луга, стоял его письменный стол. На стене висели семейные портреты. Кровать его была вовсе без белья. Он говорил, что так привык. Я думаю, что это был некоторый род жертвы. Он едва ли не спал полуодетый для самоистязания.

Что-то тихое, успокаивающее окружало этот дом. Но то не была мертвая, изводящая тишина захолустья, где нет жизни.

Не крикливое, но великое духовное дело совершалось постоянно подле него в нескольких десятках саженях за оградой.

Не имев никогда детей, Леонтьев из своих слуг создал себе как бы семью. Была девочка, Саша, из простого звания, которую он растил с малых лет и сам выдал замуж за своего служителя. На его глазах росли их дети. Этой Саше он заблаговременно поручил после его смерти ходить, как при его жизни, за Елизаветой Павловной, его женой.

Всем жившим у него людям он был как отец, входя во все их нужды, отлично зная их характеры, подолгу говоря с ними как с равными. Он даже любил рассуждать со своими знакомыми обо всех обстоятельствах своих людей.

Опять яркая противоположность человека, так много говорившего о сословности, а во всей своей жизни не отделявшего себя от низших, — с теми доморощенными, донные процветающими демократами на словах, которых навсегда заклеил Денис Давыдов:

*А, глядишь, наш Мирабо
Старого Гаверилу
За измятое жабо
Хлещет в ус и в рыло.*

Леонтьев всегда о ком-нибудь хлопотал. В последние месяцы своей жизни в Оптиной он заботился об одном уряднике, отставленном от места за запой. Он, кажется, целый год содержал его семью на свой счет, старался постепенно приучать его к трезвости и устроил его опять на место.

Х

У Леонтьева были мягкие барственные манеры. При всей его впечатлительности, откровенности, иногда резкости выражений — мягкое, приятное обращение. Даже насмешка его более ласкала, чем задевала собеседника.

Этот решительный в выводах своих и иногда приемах (он раз в Турции отстегал нагайкой по лицу французского консула, сказавшего задевшую его вещь) человек вообще любил мягкость.

— Что вы говорите все «Левин, Левин», — заметил он мне раз, когда мы рассуждали об этом литературном типе. — Надо говорить «Ле-евин, мягко... Вот прежде никогда не говорили «Леонтьев» — точно жесткая вода! А «Левонтьев». У кого вы были? У Левонтьевых. Так и народ, бывало, произносил: «Чьи будете?» — «Левонтьевские». Так лучше произносить — помягче.

Привычки былого времени проглядывали в нем в мелочах. Например, он не выносил, чтобы во время обеда обедающие что-нибудь придвигали или передавали сами. Например, во время обеда, возьмешь, бывало, когда в комнате не было человека, графин, а он говорит:

— Сделайте милость, оставьте этот графин. Потом звал человека и приказывал:

— Налей им!

До странностей ненавидел этот человек, так близко усвоивший себе европейскую культуру, разные проявления прогресса, например железные дороги.

— Что это, говорил он, за хамское положение... Еду я вот в экипаже, четверней, по шоссе. Когда хочу, тогда и выезжаю. Нравится мне местность — выхожу, располагаюсь, пока мне там хорошо. А тут я подчинен свистку какого-нибудь дуралея-кондуктора и могу остаться на станции без поезда, если не побегу как угорелый садиться, когда я что-нибудь допиваю или доедаю... В экипаже я еду один или со своими людьми. А тут сядет передо мной какая-нибудь рожа, один вид которой воротит все мои внутренности. И я должен выносить эту пытку иногда целые сутки. Хамство!

Вообще, изглажение красоты и разнообразия жизни, сопровождающее общую нивелировку, вносимую прогрессом, очень огорчало его.

Он терпеть не мог европейской одежи и носил высокие сапоги (из мягкого сукна по слабости ног), армяк с косым воротом и рубаху. Летом на нем было что-то из легкой материи, вроде подрясника.

Через его приятеля, поэта Фета, с которым он тоже переписывался и который был хорошо знаком с одним служившим при Дворе, Новосильцевым, заведовавшим, кажется, составлением извлечений из газет для государя Александра III, некоторые мысли Леонтьева становились изредка известными государю. В последний год жизни Леонтьев был занят тем, как бы привлечь внимание государя к тому, чтоб облечь весь Русской Двор в русское платье.

XI

В последний раз в Оптиной видел я Леонтьева в последние месяцы жизни отца Амвросия — в 1891 году.

Получив от Константина Николаевича к лету известие о том, что отец Амвросий сильно слабеет, я в августе поехал в Оптину. Отец Амвросий находился в основанной им в 17 верстах от Оптиной женской Шамординской общине.

Туда мы раз и ездили с Леонтьевым. Леонтьев говорил со старцем прежде меня и долго оставался с ним. Решался вопрос о переезде его на жительство в Сергиев Посад. Войдя за тем к старцу, которого не видал два года, я застал его в величайшем изнеможении. Голова его бессильно падала на подушки. Подведя ухо почти к его рту, я еле мог понять его шепот.

На обратном пути Леонтьев рассказал мне, что старец настаивает на его немедленном переезде. Многим помогая, Леонтьев обыкновенно был стеснен в деньгах. Старец предложил снабдить его довольно крупной суммой, какая требовалась на переезд всем домом, да еще в два места.

Конечно, прозорливость старца внушила ему это решение.

Леонтьев уезжал из Оптиной еще при жизни этого много значившего для него человека, присутствие которого делало Оптину столь дорогою для всех, знавших старца. Он уносил с собою ничем не ослабленное воспоминание о виденном им расцвете духовной жизни этого заветного русского уголка. Совершился бы этот переезд после смерти старца, пережить которую здесь было бы ему не под силу.

Конечно, они прощались тут навсегда. Но Леонтьев уходил от Жизни в жизнь. А тогда бы ему пришлось уйти из места опустевшего, и в душе его Оптина осталась бы не столь цельюю. В его же годы ощущать такую пустоту там, где еще недавно светила такая замечательная жизнь, куда труднее, чем переживать те же чувства людям молодым.

Последние дни, что я видел Леонтьева в Оптиной, он был поглощен распоряжениями к отъезду.

Вполне сознательно и спокойно он говорил о своем конце, рассказывая мне, кому и как распределил свои вещи. Жену свою со своею воспитанницей Сашей он отправил к племяннице, жившей в Орловском монастыре. С собою он брал слугу из окрестностей Оптиной. Будучи калужским помещиком, он дорожил калужскими людьми.

В эти дни, когда он оглядывался на всю прошлую жизнь, я узнал, как он относился к малой, незаслуженно малой своей известности.

Как человек безконечно искренний, не игравший никогда комедии, он не скрывал ни своей радости, когда о нем говорили (например, в одной политической французской книге, где ему было отведено видное место в числе мыслителей эпохи Александра III), ни своего огорчения, что вообще его так мало читают.

— Я думаю, — говорил он, поникнув головой, — что когда-нибудь на мои мысли обратят внимание. А то, что всю

жизнь я прошел так мало замеченным, на то была Божья воля... При успехе я бы мог возгордиться, Бог смирял меня. Значит, так было лучше.

Но Леонтьев, часто говоря о смерти, угадывая даже болезнь, от которой он умрет, в сущности думал еще жить и работать.

Не без надежд переселялся он в Московские пределы. Там центр жизни был так близок — в двух часах езды. Он надеялся быть полезным молодежи. Те, кто не мог ехать к нему за 300 верст сложного и недешевого пути, конечно, приехали бы легко из Москвы к Троице. И мы все, знавшие его, еще учившиеся и окончившие студенты, надеялись, что личные сношения с ним обратят на настоящий жизненный путь некоторых наших товарищей, в которых были богатые задатки и которые, отделившись умственно от своего народа, были оттого несчастны и не удовлетворены.

XII

В сентябре 1891 г. Леонтьев проехал через Москву к Троице.

Сильно занятый, я раз или два видел его, и не наедине, на очень короткое время, в гостинице, где он останавливался. Между прочим, когда я спросил его, отчего он не курит, Леонтьев сказал: «При моем теперешнем положении этого нельзя!» Он был спокоен, радостен, оживлен.

Только позже я узнал, что перед отъездом из Оптиной он принял тайный постриг с именем Климента. Это имя выбрал он в память отца Климента, бывшего к нему столь близким в ту эпоху, когда в Леонтьеве окончательно слагался христианин.

Он звал погостить к себе в Троице.

Между тем 10 октября почил о. Амвросий — смерть неожиданная, потрясшая всех его духовных детей, как ни была она естественна для 79-летнего человека, столь изнеможенного, что уже давно, казалось, он существовал только чудом.

Вернувшись из Оптиной от могилы, разобравшись после этого события немного с мыслями, хотелось увидеть Леонтьева, побольше поговорить с ним об этом человеке, как пришла весть и о его кончине. Он умер 12 ноября, проболев несколько дней воспалением легкого, напуганный таинствами Церкви.

К похоронам его съехались некоторые знавшие и чтившие его люди. Была и племянница из Орловского монастыря, и другая племянница, из Шамордина, ходившая за о. Амвросием в его предсмертной болезни.

Отпевали Константина Николаевича молодые монахи и священники, молодежь из любимого им сословия «меча и сохи», вступившая в ряды борцов воинствующей на земле и тяжело обуреваемой Церкви.

Был морозный, светлый, радостный день, когда его гроб везли на довольно простых санях к могиле на кладбище близ нового собора над пещерою, где стоит чудотворная Черниговская икона Богоматери.

Вскоре я получил письмо от Евгении Тур (графиня Салиас), с которою я переписывался и которая знала Леонтьева чуть ли не студентом. Она писала:

«Вот и Леонтьева уже нет. Это потеря. Был добрый человек, христианин. И сумел дойти до смирения. А это великая вещь...»

ХIII

Что же встретил он там?

Увидел ли своих учителей, утишивших его бурную жизнь и приведших его ко Христу старцев Иеронима и Макария Афонских, и Амвросия?

Глядя иногда на подаренную им карточку, на которой он своим своеобразным, совершенно особенным, тонким, нервным почерком написал свое имя, видя пред собой его тоскующие глаза, с вопросом смотрящие на жизнь, я спрашиваю себя: «Постиг ли он там ясно судьбы своей России? Успокоился и насытился ли вполне его тревожный ум? Открылась ли ему там вся полнота истины? Мыслит ли он там согласнее, чем здесь с такими людьми, как недавно ушедший туда же В.С. Соловьев, с которым его связывало взаимное уважение, но с которым он расходился мыслями?...»

А здесь, на земле, в России, его писания, быть может, случайно попав в руки, производят глубочайшее впечатление на чью-нибудь в невидном уголке России развивающуюся душу, подготавливая родине крепкого работника.

А что случилось с теми, кого убеждал он и устно, которых учил быть всегда и всюду русскими?

Немного было ее, этой молодежи, на которую Константин Николаевич оказал свою долю влияния.

Она разбросана по разным концам России, не сохраняя общения между собой, не имея возможности вместе вспоминать о человеке, так горячо желавшем ей добра, так искренне учившем ее чтить свой родной народ и всё, что этот народ выработал за свой страдный век.

Но много ли, мало ли работает она для русского дела, едва ли отойдет кто-нибудь из нее от того знамени, вокруг которо-

го собирал ее почивший и на котором написано: «Православная Церковь».

Да, во всех скитаниях, искушениях, при всей неполноте служения светлым идеалам, всё же маяком их душ служит одна святыня, поддерживающая их жизнь.

Измучит ли жалкое зрелище людской ограниченности и ничтожества, обледенит ли холодность людская — в каком приветном, отрадном свете поднимутся греющие, давно ушедшие люди любви и правды, всегда живые, готовые откликнуться, те, которых зовут святыми Церкви.

Когда не хватает более сил, опускаются руки и уныние клещами захватит душу, какою свежестью дохнет на нее при мысли, что есть всегда доступные таинства Церкви и в них возрождающая Христова благодать.

Станет ли невыносимо от всей грязи, однообразия, пошлости жизни и захочется красоты — вечной, живой красоты: какое обаяние ее повеет от праздничного торжественного богослужения в древних соборах, где столько поколений, измученных большими, чем мы, скорбями, находили под те же тихие напевы небесных слов, пред теми же заветными символами и отдых от горя, и отклик на те глубокие внутренние запросы, что утолены будут вполне лишь среди иного мира...

И стоит так над жизнью, связывая седую древность с жизнью грядущих поколений, великая, неизменная, непоколебимая святыня — наша Православная Церковь, чудная утешительница, создавшая Русский народ со всем его нравственным богатством.

И как же не поминать с горячею благодарностью такого человека, который сам, путем скорбных исканий, найдя это сокровище, старался открыть его всякому, с кем сводила его жизнь!..

Пусть же будет за то благословенно имя этого человека, которого мы звали здесь Константин Николаевич Леонтьев и который среди великой паствы старца Амвросия предстанет на суд Божий в рядах Оптинской братии — иноком Климентом.

Русская народная линия

Сергей МОСИН,
Тина ЛУКЬЯНОВА

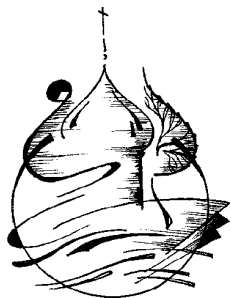
СПАСЁМ СЕЛО — УКРЕПИМ РОССИЮ!

Русская глубинка, несмотря на крайне тяжёлые условия жизни, является самой плодотворной почвой, рождающей выдающихся людей.

Сегодня немногие в России знают о маленьком селе Алешинка, затерявшемся в глубинке русской земли Навлинского района Брянской области. Из этих мест вышел яркий самобытный человек, который побуждает нас своими действиями служению малой родине, к выполнению долга перед ней.

Он родился в пятидесятые годы прошлого столетия в семье простых сельских тружеников Ивана Афиногеновича и Елены Петровны Сороченковых пятым ребёнком. Назвали его Алексеем. Своих четверых сыновей и дочь родители не баловали. С детства они познали тяжёлый крестьянский труд: помогали родителям на сенокосе, собирали ягоды и грибы, выполняли работу по хозяйству.

Младший Алексей любил гонять лошадей в ночное. Природа родного края помогала ему набираться сил. Он чувствовал её: слышал шелест луговых трав,

ПОДВИЖНИКИ

шёпот ветра, щебет птиц. И тянуло посмотреть выше, на бесконечное звёздное небо, туда, откуда исходил мерцающий свет. Эти воспоминания навсегда останутся в его душе и перерастут в большую всеобъемлющую любовь к природе своей малой родины, к которой будет его тянуть, как к живительному роднику.

Детство и юность в сердце Алексея оставят самые светлые воспоминания: милый сердцу родительский дом, красный угол с образом Божией Матери, церковные празднества, где всё происходило по-доброму, по-деревенски. На святках дети христославили и колядовали, на Пасху ели ароматные куличи и дарили друг другу крашенные яйца, на Троицу украшали свои дома зазеленевшими ветками.

Особенно в родном селе широко отмечали День Сретения, престольный праздник в честь иконы Владимирской Божией Матери. В домах накрывали столы, приглашали гостей. В селе звучали песни.

Односельчане сохраняли в душе веру православную. В памяти старшего поколения оставался сельский храм, закрытый в 1936 году в связи с отсутствием священника (повидимому, репрессированного).

Вспоминая рассказы односельчан, Алексей скажет: «В советские годы — активная борьба с религией, исключение из партии верующих. Казалось, нет Бога в советской стране. А в душе он был».

Отмечали церковные праздники и хранили иконы жители села, потому что в православной этике, трудолюбии и нестяжательстве, соборности и патриотизме открывались им истинные духовные ценности.

Уходил Алексей во взрослую жизнь по окончании школы, получив от учителей прочные знания, а от односельчан, как божественную энергию жизни, уроки добра, сыновью любовь и преданность малой родине. Не показную, а настоящую. Своё будущее он решает связать с землёй, которая кормила его, помогала набираться сил.

В Курске Алексей поступает в сельскохозяйственный институт на факультет «Агрономия». Заканчивает его с отличием. В институте уделяет большое внимание спорту, в соревнованиях занимает призовые места. Серьёзно, целеустремлённо готовит себя физически к трудной профессии.

По окончании учёбы в институте, его распределяют в совхоз «Менжинец» Мытищинского района Московской области.

Молодой агроном, с детства приученный к труду, с хорошей физической подготовкой и блестящими знаниями, трудится без усталости и с полной отдачей.

Далеко в непростые для России девяностые годы Алексея Ивановича избирают директором хозяйства, а после смены собственности — генеральным директором. Под его руководством совхоз «Менжинец» — в числе передовых, генеральный директор удостоивается звания «Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации».

За благотворительность — помощь детским домам, школам, больницам — его имя занесено в «Золотую книгу меценатов России». Впечатляют и другие награды.

Но работая в Подмоскowie, он не забывает и свою малую родину, много помогает школе, привозит всё необходимое для учебного процесса. Навещает родных, интересуется жизнью села. Алексей Иванович организует ежегодные встречи выпускников и учителей, находит их везде. При необходимости оплачивает проезд. Каждая встреча — яркий, запоминающийся праздник душевного общения.

Посетив в 2010 году малую родину, Алексей Иванович с болью видит, что жизнь в родном селе угасает. Его встречает запустение и безбожие. Нет таких широких праздников, нет работы для селян, интересного культурного досуга тоже. Едва закончив школу, молодёжь уезжает в город учиться дальше или в поисках работы. А те, которые оставались, уже не верили в лучшее. Село вымирало от алкоголизма и наркомании. Это был путь в никуда.

С тяжестью в сердце уезжал он из Алешинки, где прошли его счастливые годы. Все мысли Алексея Ивановича были о том, как помочь родному селу возродиться, а землякам обрести потерянный смысл жизни, и с ним найти внутренний стержень, который поможет справиться с любыми испытаниями.

Чуткому к поэзии Алексею Сороченкову этот путь подскажут строки выдающегося поэта-земляка Николая Мельникова, автора стихотворения «Поставьте памятник деревне» и поэмы «Русский крест».

Причину гибели духовной культуры в родном селe да и во многих российских сёлах, он увидит вслед за поэтом в том, что разрушен нравственный уклад русского народа, который создавался веками. В нём воплотился опыт и мудрость сотен поколений. Алексей Иванович делает вывод: если бы нашим мировоззрением было русское православие, такой беды не случилось бы.

Через великие испытания проходим мы к прозрению смысла наших утрат, к православной вере, к осознанию национальной идеи, спасительной для России и русского народа.

Алексей Иванович решает: пусть мудрость и опыт предшествовавших поколений, их патриотизм войдут в сердца молодых и направят на верный путь нравственного спасения.

Алексей Сороченков берет на себя духовный подвиг возведения нового храма на месте разрушенного. Новость о строительстве храма облетела село. Но немногие поверили в этот грандиозный план. Вскоре все убедились в серьёзности намерений земляка. Этот план он озвучил перед односельчанами без пафосных слов, просто и доходчиво:

«Больно видеть, как село деградирует. Душа человека, в которой нет веры, быстро заполняется пороками. Цель строительства храма — возрождение духовности, которая на протяжении веков была у русского народа, спасала его в трудные минуты жизни, воспитывала нравственные качества. Мои родители были верующими людьми, с детства прививали нам любовь к Богу. Теперь и я воспитываю своих детей, а они моих внуков в вере православной. Тяжело осознавать, что многих моих сверстников уже давно нет в живых. Когда прихожу на кладбище и вижу могилу одноклассника и его сыновей, становится больно. Что привело их к такому раннему уходу? Алкоголь, безверие, растерянность в жизни. Я принял решение: возвести в селе духовный форпост, который силой Божией и молитвой поможет людям найти себя, свой путь».

Строители, архитекторы, ландшафтные дизайнеры — все потрудились во славу Божию, создав в центре села, в живописном месте на берегу озёра необычайный по красоте уголок в лучших традициях православия. Помимо храма в него вошли: приходской дом, купель во имя Николая Чудотворца, смотровая площадка (островок), пешеходные дорожки, газоны, клумбы. Место под строительство храма в честь иконы Владимирской Божией Матери выбрано историческое. Прежде стоял он здесь несколько столетий, вначале деревянный, потом каменный. Храм был разрушен в годы Великой Отечественной войны.

Митрополит Брянский и Севский Александр совершил чин великого освящения нового храма в день Пасхи в 2015 году.

Настоятелем храма служит молодой священник Сергей Цыбин, поистине имеющий дар бескорыстного служения людям. Этот дар Алексей Иванович сумел разглядеть в юном выпускнике духовной семинарии для сельского прихода.

Первоочередной задачей для священника стало устройство приходской жизни. В храме начали совершаться регулярные богослужения, панихиды, молебны.

Приход сложился из жителей Алешинки, окрестных сёл и деревень. Часто приезжают паломники из других городов. Все восхищаются благолепием этого святого места. Доброй традицией стало чаепитие после богослужения.

В храме сложилась настоящая крепкая православная община, которая активно участвует в жизни прихода. Одной из главных задач церкви является воспитание духовно-нравственных качеств в человеке. При храме создана воскресная школа для детей. Занятия проводит матушка Наталья Сергеевна, учительница русского языка и литературы гимназии № 1 Навлинского района. Много учащихся разного возраста собираются в воскресные дни в стенах приходского дома. На занятиях они познают Закон Божий, изучают устройство храма, учат духовные песни, занимаются рукоделием, а на переменах участвуют в интересных играх.

Каждую пятницу после рабочего дня собираются взрослые слушатели для просветительских бесед, которые проводит отец Сергей.

Жителям села Алешинка 2016 год запомнился тем, что Алексей Иванович реконструировал памятник погибшим односельчанам в годы Великой Отечественной войны. Он понимает, подвиг героев должен сохраняться в сердцах и душах молодых, а памятник — это свидетель истории села, символ её славных страниц. Алексей Иванович нашёл имена всех погибших земляков. И количество мемориальных досок увеличилось втрое.

Территория вокруг памятника благоустроена, установлена металлическая ограда. В дни памятных дат, после панихиды в храме, крестным ходом идут к памятнику жители села с цветами и свечами. Алексей Иванович понимает, что мы своей жизнью обязаны многим поколениям предков, память о которых должны хранить. Он обустроил кладбище, поставил часовню в честь иконы Успения Пресвятой Богородицы. Расписали часовню талантливые художники из Сергиева Посада.

Выполнив первоочередную задачу — построить храм в селе — Алексей Иванович всё свое внимание уделил любимой школе. От прежней остался только фундамент и кирпичная кладка стен. Система отопления, полы, потолки, окна, двери — всё было заменено. А крыша — в первую очередь. В школе появились тёплые туалеты, на входной двери — тепловая завеса.

В школу привезли новую мебель, всё необходимое для столовой, в спортзал — инвентарь и необходимое оборудование. По окончании ремонта все увидели, что не всякое городское образовательное учреждение может сравниться с этой сельской школой.

В связи с малой комплектностью школу хотели закрыть. Когда учился Алексей Сороченков, было 300 учеников. На начало ремонта — 40. По причине малого количества детей школа стала «девятилеткой». Но благотворительность Алексея Ивановича даёт хорошие плоды. Настрой учителей оптимистичен в отношении демографической ситуации.

Сегодня преобразившееся село нельзя назвать умирающим и бесперспективным.

С возродившимся храмом и в селе произошли большие изменения. Это не только внешний вид села, превращённый в оазис красоты, но прежде всего — изменения в умах и душах земляков, в их отношении к собственной жизни. На улицах села уже не встретишь подвыпившую молодёжь. Зато на церковных службах храм переполнен молящимися. Родители охотно отдают детей в воскресную школу. В храм идут семьями, приезжают паломники.

С каждым годом Алешинка становится всё привлекательнее для горожан. Сюда переехали не только семьи из западных районов, пострадавшие от Чернобыльской трагедии, но и переселились на постоянное место жительства семьи из Москвы, Брянска. Люди довольны своим решением оставить шумные, суетные, загазованные города. В Алешинке они покупают старые дома, ремонтируют их или строят новые. Непроходимые для врага в годы Великой Отечественной войны навлинские леса щедро делятся экологически чистым строительным материалом. Молодёжь уже не уезжает из села, создаются молодые семьи. Растёт число новорожденных. Количество малышей увеличивается. И это радует. В планах Алексея Ивановича — перестроить прежний детский садик, сделать его больше и краше. В парке для малышей построена детская площадка, необыкновенной красоты беседка. В селе есть все необходимые социальные объекты. Построены спортивные сооружения. Есть футбольное поле, баскетбольная площадка, тренажёры.

Село не отрезано от мира бездорожьем. Алексей Иванович решил и эту большую проблему, построив дорогу с твёрдым покрытием.

Недавно через озеро Алексей Иванович построил мост из кованых металлоконструкций с проходом для лодок в другую часть села. Арки моста подсвечены. Десятиметровый фонтан радует разными световыми эффектами и формами.

Многое сделано Алексеем Ивановичем для своих земляков. Он обладает одним из великих свойств русского характера: ему нужен достаток, и совсем не обязательно богатство. Но кроме достатка, русскому человеку нужно что-то ещё и

для души. Именно православие воспитывает идеалы, которые нравственны, духовны и аскетичны. Православие воспитывает высокую цель жизни — служение людям. В этом и есть феномен Алексея Сороченкова...

Размышления о Боге, о духовности, вере православной должно стать частью жизни русского человека. Алексей Сороченков прошедшим летом в день престольного праздника села в честь иконы Владимирской Божией Матери открыл духовно-просветительский центр «Лето Господне». Центр создан для всей семьи. Он будет воспитывать детей и лечить души взрослых.

Белоснежное здание с синей кровлей входит в храмовый комплекс. В нём разместились учебные классы и ремесленные мастерские по изготовлению изделий из глины и стекла. Приобретено российское оборудование для обжига этих изделий и для выпечки просфор и хлеба. Просторная кухня предназначена для занятий кулинарией. В духовно-просветительском центре будут проводиться мастер-классы для учащихся воскресных школ из разных сёл и городов. В уютной просторной гостиной предусмотрены занятия музыкой, встречи с интересными людьми, концерты, творческие выставки, духовные беседы.

На здании центра мозаичная икона Спасителя напоминает о том, что оно православной направленности. Строительство духовно-просветительского центра поддержала вся его семья. У Алексея Ивановича трое детей. Дочь Маша учится в школе. Сыновья Виталий и Андрей — отцовские единомышленники, главные помощники во всём, что касается возрождения Алешинки. Они считают село своей малой родиной. Здесь их начало. Они такие же, как и отец: глубоко верующие, скромные, отзывчивые, добрые.

Любуясь открывающимся от центра необыкновенно красивым пейзажем, супруга Алексея Ивановича скажет ему: «Впечатление потрясающее! Куда приходит Алексей — туда приходит любовь. Он создаёт вокруг себя пространство любви. У людей под его влиянием меняется мировоззрение. Появляется надежда, что не всё так плохо, потому что есть доброе и прекрасное в мире. И это прекрасное создаёшь ты. Я горжусь тобой».

Село воскресло и стало уникальным духовным и культурным центром не только Навлинского района, но и всей Брянской области. Благодаря таким людям, как Алексей Сороченков, всегда стояла и будет стоять Святая Русь.

Возрождение Отечества начинается с русской глубинки!

ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ

С одной стороны

Казалось бы, после теракта в «Крокус-сити» должны были бы сделать соответствующие выводы в государственной национальной политике, осуществить решительные меры по пресечению миграционных потоков, провести массовые и комплексные проверки всех «тожероссиян» и «многонационалов», запретить этнические диаспоры. Но вместо этого какая-то мышиная возня. В Государственной Думе слышались только какие-то предложения, но законы не принимались. В парламенте страны предпочитали топить миграционные проблемы в бесконечных дискуссиях на волнах разногласия мнений со стороны самих депутатов.

Правительство России также никаких существенных мер по борьбе с беспределом мигрантов и по изменению госнацполитики в стране не предпринимало, администрация президента — тоже.

Полгода назад комитет Государственной Думы по делам СНГ только одобрил для рассмотрения в первом чтении один из законопроектов об усилении федерального контроля в сфере миграции.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Но вот, наконец, 29 октября 2024 года депутаты Государственной Думы на пленарном заседании приняли во втором и третьем чтениях четыре закона, направленных на борьбу с незаконной миграцией.

Так, внесены изменения в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ. К числу особо тяжких преступлений отнесено осуществление незаконной миграции организованной группой или в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Наказание предусматривает лишение свободы сроком от 8 до 15 лет (ранее максимальный срок составлял до семи лет), штраф от 3 млн. до 5 млн. рублей и лишение права занимать определенные должности на срок до 10 лет.

Также установлены меры повышенной ответственности за подделку или оборот поддельных документов, за преступления, связанные с фиктивной регистрацией и постановкой на учет иностранных граждан.

В соответствии с еще одним принятым законом, обстоятельством,отягчающим наказание, признано совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории страны. Кроме того установлен полный запрет для посредников принимать участие в организации и приеме экзаменов у мигрантов. До сих пор 65% организаций, которые принимали экзамены у мигрантов, были коммерческими структурами. Теперь, видимо, будут только государственные. Также принятым законом введена внесудебная блокировка интернет-ресурсов, содержащих предложения о предоставлении незаконных услуг мигрантам и реализации поддельных документов для оформления миграционного статуса.

Председатель Госдумы В.В. Володин по указанному блоку документов заключил: «Принятые законы позволят сформировать законодательное поле в части противодействия незаконной миграции и снизить количество преступлений в этой сфере. Теперь у надзорных и правоохранительных органов, профильных министерств есть все возможности для эффективной борьбы с противоправными действиями иностранных граждан, находящихся на территории нашей страны, а также с пособничеством в этом».

Безусловно, хорошо, что приняты указанные законы. Но они решают лишь часть проблем в миграционной сфере, касаются в основном незаконной миграции. А как быть с теми «тожероссиянами», кто формально получил право находиться в стране? А тем более с теми, кто уже по коррупционным и иным сомнительным схемам получил гражданство России? А практика «упрощенного получения гражданства» продолжается до сих пор.

Миграционную политику государства нужно менять кардинально, на все 180 градусов! Говорю об этом минимум два десятилетия. Прекратить нужно все миграционные потоки и «точечный въезд» мигрантов в Россию (за исключением лиц, представляющих интеллектуальный интерес для развития науки и промышленности). Необходимо приступить к массовому выдворению мигрантов, нарушающих российское законодательство и не занятых конкретным трудом (а таких подавляющее большинство), прекратить выдачу российских паспортов мигрантам из стран Средней Азии и Закавказья, проверить законность выдачи им гражданства за предыдущие годы. Также — прекратить практику, когда трудовые мигранты переезжают в Россию семьями. Необходимо запретить деятельность нацменьшинских диаспор и многое иное.

Адепты бесконтрольной миграции десятилетиями нагоняют на страну бесчисленные толпы радикальных исламистов и всякой иной нечисти. Большинство из них рядятся под благочестивых граждан, но чаще им это не удаётся, многие потом, после совершения преступлений, направляются в места лишения свободы. Ещё большее количество — коррупционным образом «отмазываются» от заслуженного наказания. Парадокс в том, что этого контингента, исчисляемого уже миллионами потенциальных преступников, вообще не должно было бы быть, если бы государством проводилась ответственная, соблюдающая интересы государствообразующего русского народа госнацполитика.

А потому самой первейшей мерой государства должна быть замена всех высоких должностных лиц в федеральных и региональных органах власти, занимающихся миграционными вопросами...

С другой стороны

«Следить за мигрантами в Екатеринбурге начнут полицейские из Киргизии», — сообщает «URA.Ru». «В Екатеринбурге открылось представительство МВД Киргизии, его возглавил подполковник милиции Нурдин Жороев. Особый акцент силовики сделают на работе с мигрантами-нелегалами. Об этом сообщили в пресс-службе республиканского МВД... Сотрудники представительства будут плотно работать с управлением международного сотрудничества МВД России. «Стороны обсудили вопросы развития взаимодействия, особенно по профилактике наркопреступности», — добавили в МВД. Бывший оперуполномоченный уголовного розыска,

а ныне адвокат Сергей Колосовский добавил, что с появлением этого представительства упростится работа для екатеринбургских силовиков. «Обычно запросы в другое государство идут месяцами и порой просто остаются без ответа. Теперь наши полицейские будут оперативнее выяснять подноготную иностранных преступников», — отметил Колосовский», — пишет агентство.

Как замечательно! В помощь российским правоохранителям направлены зарубежные сыщики, в данном случае — киргизские. Они быстро наведут порядок в России. А то у нас «кое-где ещё порой» ущемляются, понимаете ли, права мигрантов. Ведь мигранты не убивают, не насилюют, не издеваются над русскими в России. Их, «трудолюбивых мигрантов», распространяющих к тому же наркотики, нужно дополнительно защищать.

По поводу убийства киргизом в Москве доктора искусствоведения, крупнейшего эксперта по русскому национальному костюму Раисы Кирсановой, я вновь задавал в прессе уже исторический вопрос: «Сколько убийств русских ещё надо?..» Сколько убийств и других преступлений, глумлений и издевательств над русским народом ещё нужно, чтобы прекратить, наконец, эту мигрантскую вакханалию?..

Оказывается, вот так нужно решать вопросы на государственном уровне — заливать огонь бензином. Коль российское МВД не справляется (а точнее, создаёт дополнительные проблемы), то нужно приглашать киргизское МВД.

«Царьград» пишет: «Весьма странная инициатива реализована в нескольких городах России. Там были открыты представительства МВД Киргизии. Выходит, теперь у мигрантов своя полиция? Работают такие представительства МВД Киргизии в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Новосибирске. Заявлено, что они будут защищать права мигрантов. Звучит красиво. Но возникает недоумение: зачем нужны отдельные представительства иностранного ведомства на территории России? Неужели российские правоохранительные органы не справляются со своими обязанностями? И кто в таком случае будет защищать права россиян в конфликтах с мигрантами?»

А никто не будет защищать. Зачем, по логике доморощенных высоких управленцев от внутренней политики, защищать русских?

Интересно, вся эта «инициатива» с официальным киргизским вторжением во внутренние дела России — шизофрения российских органов управления или диверсия? Я вот склонен полагать, что диверсия пятой колонны.

Это же только первая ласточка. Почему бы не только киргизское, но и все остальные МВД иностранных стран не

запустить в Россию, во все регионы страны? А почему только МВД? Можно и расширить: по вопросам службы безопасности, внешней разведки, прокуратуры — тоже можно «на помощь» позвать зарубежные службы. И почему только по вопросам правоохранительной сферы? А в области, например, культуры? Впрочем, в России и так на местах существуют «общества культуры» всех народов, диаспоры всякие и всё такое. А последние объединения и центры русской культуры уничтожаются. А, может, ещё и экономические вопросы будем решать напрямую через размещённые здесь иностранные органы власти? Впрочем, во многом так и есть. Благодаря чему и каким «сигналам» решает финансовые вопросы всей страны Центробанк Эльвиры Набиуллиной?..

Но вернёмся к вопросам МВД. Год назад в материале «Проблемы миграции: профанация продолжается» говорил как раз о доведении до абсурда мигрантских проблем со стороны МВД России. Партийные заседания застойных времён, о которых складывали анекдоты, выглядят верхом деловитости и результативности на фоне формалистики и казуистики решений, заседаний и коллегий МВД под руководством министра Колокольцева. Со стороны МВД — ни планов, ни системы, ни осмысления самой проблемы, ничего, кроме пустых слов, мало кому нужной статистики и деклараций о перевыполнении каких-то планов. Поговорили, поставили пунктик о мероприятии, которым можно отчитаться, если что, о предпринимаемых мерах, и до следующей коллегии.

Тут уместно напомнить, как начальник Главного управления по вопросам миграции МВД России генерал-лейтенант полиции Валентина Казакова на пресс-конференции в сентябре 2021 г. насчет самих фактов межэтнических разборок в России и преступлений против русских говорила: «Я полагаю, что это выдуманные истории...» Зато бойко рассказывала о совместном проекте с Минстроем по привлечению в страну новых мигрантов.

Вот от такой «высокой» осмысленности и результативности и нужно призывать на помощь иностранцев, чтобы, наконец, с ещё большим успехом разваливать Россию.

Начиная с 2010 года, постоянно задаюсь вопросом: неужели никогда не будут пересмотрены основы госнацполитики? Россия уже давно в мигрантском огне! Почему не принимаются кардинальные меры?! Дело дошло до того, что мигрантские объединения образуют собственные органы управления в России!

Удивительно, но третьестепенная проблема в борьбе с миграцией российскими властями всё в большей степени возводится в ранг культа и панацеи якобы от всех миграционных бед. А именно — обучение мигрантов русскому языку. С этой проблемой носятся как с писаной торбой, не замечая, что необходимо пресекать сами миграционные потоки и высылать из страны потенциальных преступников из состава «тожероссиян» и запрещать деятельность нацменских диаспор.

А откуда средства на обучение самих мигрантов и их детей русскому языку? Из бюджета. За чей счёт «банкет»? За счёт русских людей, которые ещё и платить должны за то, чтобы дети мигрантов подходили под критерии приёма в учебные заведения, чтобы они потом третируют в школах детей местного населения.

Дожили: мигранты будут учить мигрантов русскому языку. За наш счёт. На Камчатке азербайджанская диаспора получила субсидию для обучения мигрантов русскому языку и основам трудового законодательства.

Председатель Камчатской региональной национальной азербайджанской общественной организации «Азери» Рамазан Гусейнов торжественно говорит: «Наша организация получила субсидию на возмещение затрат по интеграции и адаптации мигрантов Камчатского края. В рамках предстоящей работы для трудовых мигрантов мы будем проводить обучение знанию трудового законодательства, миграционной политики, бытового поведения, русского языка, культуры нашей страны и истории Камчатского края. У нас уже есть соответствующие договорённости с крупными работодателями региона, где трудятся иностранные граждане численностью более ста человек, о проведении обучения на их территории. Уроки будут организованы также на базе нашей организации».

Как заключает «Царьград», такого ещё не было, чтобы деньги из бюджета отдавали мигрантам, и те выполняли роль проверяющих органов для своих земляков.

«К слову, миллионы мигрантов в России выводят из нашей экономики миллиарды наличных... С началом СВО статистика по трансграничным переводам закрыта. Но даже те данные, что удалось раскопать Царьграду, впечатляют. В том же Таджикистане 50% ВВП в 2023 году — переводы мигрантов. В Киргизии — до 30%, в Узбекистане — примерно 14%. В денежном выражении только эти три республики вывели из России порядка 15 триллионов рублей! А есть ещё Азербайджан, Армения, Казахстан... Спрос на доллары у мигрантов

стабильный, диаспоры в России скупают в наших банках десятки миллиардов долларов ежегодно, стимулируя спрос на валюту. Как следствие — растёт курс», — отмечает канал.

За счёт русского народа будут теперь создаваться новые рабочие места для мигрантов, чтобы те «обучали» друг друга русскому языку! На что идут государственные средства? На разрушительные процессы самого государства?

И ещё немного в довесочек. Как пишут, власти русского города Норильска поддались на требования приезжих и решили изменить школьное меню. Из рациона школьного питания была исключена свинина. Примечательно, что женщина, потребовавшая убрать свинину, оказалась уроженкой Таджикистана, носит хиджаб и плохо говорит по-русски. Пользователи соцсетей были удивлены, что ради одной личности было принято такое решение.

Многострадальный русский народ! Кто-нибудь в твоём Отечестве о тебе будет хоть немного думать?!

Олег КАССИН,
председатель Общероссийского общественного движения
«Народный Собор»

ЧИНОВНИКИ-ИНОАГЕНТЫ?

По информации польского издания Portal Obronny, ратифицированной многочисленными СМИ, глава киевского режима Зеленский предложил США совместно разрабатывать природные ресурсы, включая месторождения стратегического минерального сырья на территориях, отошедших к России.

Журналисты предполагают, что подобным образом Зеленский пытается расположить к себе избранного президента США Дональда Трампа.

По сути, украинский диктатор пошел по стопам другого диктатора — испанского генерала Франко, который в обмен на помощь нацистской Германии в гражданской войне передал немецким фирмам контроль над горнодобывающей промышленностью страны. Пункт о доступе к ресурсам Украи-

ны был включен Зеленским в его «план победы». По данным некоторых западных СМИ, у Трампа он вызвал значительный интерес.

Пытаясь убедить вступающего 20 января 2025 года в должность президента США Дональда Трампа в необходимости продолжения войны с Россией, политический шулер Зеленский предложил ему совместно разрабатывать залежи природных ресурсов на территории ДНР и ЛНР, в Запорожской и Херсонской областях, а также в Крыму.

«Аналитики подчеркивали, что минеральные ресурсы Украины, которые оцениваются в триллионы долларов, включая титан, графит и литий, могут стать разменной монетой в переговорах Владимира Зеленского с Дональдом Трампом», — пишет польское издание.

Как утверждает канадская консалтинговая фирма SecDev, в 2022 году около 7% мировых запасов титана, 20% запасов графита и 500 тыс. тонн лития находились на территории Украины. Однако сейчас значительная часть этих запасов оказалась на землях, которые стали частью России, отмечается в материале.

Донбасс и Крым также богаты природным (сланцевым) газом. Запасы сланцевой нефти на шельфе Черного моря оцениваются в 100—150 миллионов баррелей.

Но даже сами авторы статьи не уверены в реалистичности новой затеи Зеленского, сомневаясь в том, что Россия захочет отдать эти территории, которые по Конституции РФ уже является частью Российской Федерации.

Но каким же образом украинский диктатор собирается впарить США такую сделку?

Логика здесь может быть следующей. Раз многие западные страны не признают новые регионы и их территории, отошедшие в ходе СВО к России, то, соответственно, и всё, что находится там наверху и внизу — является собственностью нынешнего киевского режима. И под эту собственность, в том числе — разведанные и прогнозные запасы месторождений, являющиеся серьёзными активами на триллионы долларов, можно выпустить всевозможные ценные бумаги, еще раз пополнив уже колоссально надутый мировой финансовый мыльный пузырь очередными сомнительными деривативами. А под их какую-то часть Киев может и выпросить еще один крупный финансовый транш на продолжение войны с Россией. И при этом обещать заинтересованным сторонам, что в случае даже частичного успеха на фронте рассчитается с кредиторами ресурсами отвоеванных территорий. Чем не вполне рабочая схема?

Учитывая вопиющую наглость и цинизм Запада, игнорирование им всех международных прав в отношении России, там вполне могут найтись силы, которые захотят использовать такой мутный сценарий для поддержания киевских неонацистов.

Кстати, примерно по такой же схеме в XIX веке барон Ротшильд, шантажируя русского царя Николая I, сумел «отжать» у него деньги за конфискованное имение российского писателя-революционера Герцена, завив, что теперь это его, Ротшильда, недвижимость. Да ещё и набежавшие проценты содрал.

Поэтому лучший ответ со стороны России на подобные рэкетирские сценарии — полный разгром киевской хунты, нанесение ей тотального военного поражения.

А ведь и сейчас внутри нашей страны существуют сепаратистские силы и группировки, подыгрывающие нынешнему неонацистскому киевскому режиму и пытающиеся облегчить ему реализацию подобных торгашеских схем с Западом.

Вот только один из таких примеров.

18 ноября 2024 г. мною на имя Директора ФСБ России А.В. Бортникова было направлено обращение. Вкратце суть вопроса такова. Чиновники Департамента государственной политики и регулирования в области геологии и недропользования Минприроды России разработали новый проект постановления правительства Российской Федерации по утверждению Правил установления и изменения границ участков недр, предоставленных в пользование.

Этот Проект содержит грубые нарушения действующего законодательства и предусматривает необоснованные административные барьеры для деятельности горнодобывающих предприятий.

Вопиющим фактом является стойкий отказ чиновников Минприроды России распространять действие проекта этих Правил на территорию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, где вопросы добычи полезных ископаемых, особенно строительных материалов и угля, жизненно важны для восстановления инфраструктуры, жилищного фонда и экономики.

По данному поводу «Народный Собор» и горная общественность неоднократно направляли в Минприроды России соответствующие обращения, в которых высказывалось закономерное удивление и возмущение. Однако эти грубые правовые нарушения устранены не были.

Такая сепаратистская позиция чиновников Минприроды России противоречит Конституции Российской Федерации

и иным законодательным актам, в соответствии с которыми указанные территории включены в состав Российской Федерации.

В связи с этим, «Народный Собор» попросил ФСБ России провести проверку по указанному факту, по итогам которой дать соответствующую правовую оценку.

И сейчас в контексте новых инициатив Зеленского, возникает закономерный вопрос: «Так, может, именно с целью облегчения реализации киевскому режиму подобных торговых сделок с ресурсами Новороссии и продавливают чиновники-крючкотворы Минприроды такие вопиющие законодательные новеллы, закладывая опасные правовые мины в серьезные государственные нормативные документы?» Создавая тем самым правовую коллизию и «серую зону» в данной области, они значительно облегчают режиму «просроченного Зеленского» возможность вести с США торг новыми российскими территориями и их недрами, позволяя ему утверждать, что даже в самой России эти территории считаются не вполне законными, а освоение их недр исключено из российского государственного регулирования, и что Россия не претендует на включаемые в сделку запасы.

Кстати, при возможных тяжбах в международных судах в случае реализации Западом предлагаемой Зеленским схемы, там всегда могут ткнуть пальцем в те же, не дай Бог, принятые у нас без корректировки Правила установления и изменения границ участков недр и заявить, что Россия сама на законодательном уровне не считает эти недра своей собственностью, отказавшись от их использования.

Вполне возможно, что у чиновников Минприроды есть какие-то высокие покровители во власти. И таким образом выполняя их негласные указания, через различные министерства по-тихому продавливается целая система подобных сепаратистских закладок в нормативную базу России, скрытно подыгрывая киевскому режиму. И сейчас вскрыт лишь один из вопиющих моментов. Но на этот вопрос должны дать ответ уже российские компетентные органы.

В контексте вышесказанного, еще раз возникает неоднократно поднимаемый в СМИ вопрос о необходимости учреждения в России некоего аналога легендарного СМЕРШа для проведения комплексной работы по выявлению в стране скрытых подрывных структур врагов нашего Отечества и их пособников на всех уровнях.

«Народный Собор» внимательно следит за данной ситуацией и о результатах проведенных по его обращениям проверок будет информировать широкую общественность.

БЛАГОДЕТЕЛЬ МИГРАНТОВ

22 ноября пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков заявил: «Мигранты — это потребность. Мы живём в самой большой стране мира, но нас мало... Нам нужны рабочие руки, мы их только приветствуем. Мигранты — это не проблема. Проблема — это незаконные мигранты. В среде, где нарушается закон, возникают предпосылки для преступности всех видов, будь то религиозный экстремизм, наркомания и так далее... Нужно сделать понятные, жёсткие, но удобные правила, которые застрахуют нас от преступности среди мигрантов».

Подобное заявление является в высшей степени удивительным. Дмитрий Песков сознательно или бессознательно искажает ситуацию, играя смыслами проблемы.

Хотя официально безработица в нашей стране минимальная, в 2023 году она составила 3,2%, тем не менее от 76 миллионов работающих в России — это полновесных 2,5 миллиона человек.

Но в ком Россия более всего нуждается? Не в чернорабочих, а в квалифицированных кадрах — наладчиках станков, токарях высоких категорий. Страна нуждается в том самом рабочем классе, который в течение последних лет методично уничтожался в расчёте на завоз дешёвой рабочей силы из Средней Азии. Только подобная дешёвая рабочая сила может дорого обойтись России. Во-первых, качеством своей работы. Во-вторых, волей-неволей, независимо от личных намерений всех лиц, прибывающих в Россию, мигранты объективно становятся «пятой колонной».

Во-первых, в силу образования и воспитания, которое мигранты получили в своих республиках. Речь идёт об умеренной русофобии. В учебниках этих республик Россия представляется как угнетательница и эксплуататор несчастных среднеазиатских народов. Отметим, что, к сожалению, в этом плане постарались ранние советские учёные — та же самая школа Покровского и советские учёные эпохи Перестройки

и грантоеды 90-х годов. Мигранты воспитаны в духе, что Россия им всё должна, а они России — ничего! А если Россия им не даёт желаемого, то она становится объектом презрения, ненависти и эксплуатации.

Во-вторых, к нам приезжают работать мусульмане, у которых существует концепция, которая пока не осуждена ни одним исламским учёным и ни одним исламским общественным деятелем. Речь идёт о концепции, разделяющей мир на два двора: Дар аль-ислам (араб. — «обитель ислама») и Дар аль-харб (араб. — дом войны). Война не обязательно должна быть, как теракт в «Крокусе». Война может вестись мирными инструментами — пропагандой, проповедью, агитацией. В настоящее время — в дело идёт стратегическая рождаемость. Как заявил один исламский деятель: «Утробы наших матерей — наше самое главное стратегическое оружие».

А что касается утробы русских матерей, то их систематически отравляют ядом потребительства и страха. Русским матерям внушают пожить для себя или запугивают: «Вы слишком больны, чтобы родить детей!» А потом высокопоставленные спикеры удивляются, говоря о демографических ямах, которые они сами и вырыли.

В такой ситуации любой нормальный правитель задумался бы о будущем и пытался бы лечить причину болезни, а не её последствия. По крайней мере, задумался бы о той смене, которая придёт через 20 лет — о реальных, а не мифических стимулах рождаемости. А они состоят, во-первых, в создании инфраструктуры для детей: детские сады, школы, спортивные клубы и площадки, рабочие места. А во-вторых, задумался бы о грамотной противонаборной пропаганде, при которой совершать аборт было бы страшно, было бы стыдно быть детоубийцей ради красивой жизни — и для русских мужчин, и для русских женщин. Нужно создавать соответствующие образцы поведения, по которым и воспитывать общество. А с другой стороны — жёстко пресекать, вплоть до уголовной ответственности, всякую абортивную пропаганду.

А что касается разрешения нынешней кризисной ситуации, то она серьезна, но не катастрофична. Все эти кадровые бреши можно и нужно закрыть своими силами. Пусть наши дорогие таджикские, киргизские и узбекские друзья озаботятся своими рабочими местами на своей исторической родине. Только так можно избежать грядущей мигрантской революции, угроза которой вполне реальна. Стоит появиться яркому проповеднику, который заявит: «Братья мусульмане, вас эксплуатируют неверные, выпивают из вас все соки!», и может полыхнуть.

Возникает недоумение: с одной стороны, президент подписывает целый ряд законов по сдерживанию миграции, а с другой стороны его спикер выступает в роли защитника и благодетеля мигрантов. Как это понимать? Песков — уста президента России или главы другого государства? Получается, что президент говорит то, что приятно русскому народу, а Песков говорит то, что приятно мигрантам и глобалистам. Только в подобной двойной игре существует смертельная опасность: можно забыть, где правда. Как говорил один герой пьесы Шварца: «Ну что ты, сыночек, как маленький, — правду, правду... Я ведь не обыватель какой-нибудь, а бургомистр. Я сам себе не говорю правды уже столько лет, что и забыл, какая она, правда-то. Меня от нее воротит, отшвыривает. Правда, она знаешь, чем пахнет, проклятая?»

Для президента воюющей страны подобное забвение правды предельно опасно — всё равно, что слепому переходить дорогу на красный сигнал светофора. Пожелаем Владимиру Владимировичу ясности в кадровых и информационных вопросах, а господину Пескову — верности и вразумления! А если спикер Главы государства не способен к верности, то — благополучной миграции на пенсию!

Владимир АНИЩЕНКОВ

БЕЗ РУЛЯ? БЕЗ ВЕТРИЛ? БЕЗ ИДЕИ?

Война диктует свои законы. Если их не соблюдать, то наказание последует обязательно. Но каждая война имеет свои особенности. Нынешняя война под названием «специальная военная операция» порождена нашим поражением в холодной войне. В 90-е годы мы проиграли не на внешнем фронте, а на внутреннем. Следовательно, и сейчас внутренний фронт является определяющим. В том смысле, что ход военных действий во многом зависит от внутреннего состояния общества. А в этом есть серьезные проблемы. Наши неудачи

на фронте: непродуманный уход из-под Киева, отступление под Харьковом, сдача Херсона и курский провал обусловлены не только просчетами военного командования, но и системными проблемами в государственном механизме. А они, в свою очередь, происходят от того, что мы до сих пор не устранили те проблемы, которые породила перестройка и бездумные реформы. У нас до сих пор нет четкой оценки произошедшего в 90-е годы. Соответственно, нет и анализа разрушительных процессов, происходивших в нашей стране. Не названы конкретные виновники развала страны. А значит, они и их последователи продолжают действовать в том же духе, т.е. на разрушение. Это касается и людей, и идей. С идеи и начнем.

Сейчас преобладает мнение, что идеология нам не нужна. А если нет идеологии современного дня — значит, продолжает действовать идеология прошедшего этапа, т.е. перестроечная, разрушительная. В.В. Путин неоднократно говорил, что наша идеология — патриотизм. Это хорошо. Но идеологической системы, основанной на патриотизме, пока нет. Ее надо разрабатывать. Отрадно, что уже создана национальная доктрина «Россия — страна-цивилизация», но она пока не стала основой для государственной идеологической платформы. Очевидно, что работа ведется, но разрозненно, исходя из индивидуальных взглядов и возможностей отдельных мыслителей. Нет четких ориентиров, нет общей задачи. Для тех, кто имеет прямые контакты с властью, — это хорошо, а для общего дела... не очень. Создание современной патриотической идеологии, основанной на традициях русской мысли, есть первоочередная государственная задача.

Если нет общегосударственной платформы, то нет и устойчивого отношения к ее важнейшим составляющим: образованию, культуре, информационной политике. Многого строится, исходя из видения ситуации чиновниками, поставленными на данные направления.

Образование. Кого мы растим, на чем воспитываем, какие цели стоят перед системой образования? Внятных ответов на эти вопросы нет. У этой системы должна быть осмысленная и понятная программа. Учителя должны иметь свободу в выборе средств, но все вместе они должны выполнять государственную задачу воспитания сознательных, творчески мыслящих граждан своего Отечества. Слава Богу, провозглашена опора на традиционные ценности, но все ли знают, в чем они заключаются? Мы отказались от болонской системы — это правильно. А вот на ЕГЭ споткнулись. То есть исправление положения происходит, но пока без четкой про-

граммы действий. И такие недоразумения будут происходить до тех пор, пока мы не устраним соросовские установки и не вычистим из системы его последователей.

Еще более запущенное положение на ниве культуры. Здесь господствует вкусовщина и групповщина. К счастью, многие иноагенты покинули страну, где зарабатывали славу и деньги. И это огромный плюс, который вряд ли был бы возможен без СВО. И шанс для талантов, которых воротили шоу-бизнеса на большую сцену не допускали.

Не менее запущенная ситуация в средствах массовой информации. Либерально-демократические СМИ были застрельщиками развала СССР. Они же всячески поддерживали грабительские реформы 90-х. С началом СВО они притихли или замаскировались. Часть перекарасилась в патриотов. Вернее, припудрилась под патриотов. Но очень многие живые установки либералов оказывают воздействия до сих пор. Например, о том, что СМИ должны находиться в позиции отстраненности и плюрализма (всеядности). Целые поколения журналистов воспитаны либералами и заражены либеральными идеями. Они волей-неволей продолжают политику подрыва государственных устоев. Таковых надо выявлять и перевоспитывать. А при рецидивах удалять из информационного поля. Это делать очень непросто, потому что со времени перестройки в обществе утвердилось негативное отношение к службам государственной безопасности. Но в условиях войны и усиления террористических угроз просто необходим строгий контроль за средствами, формирующими общественное сознание. Должна быть усилена контрразведывательная деятельность. И в нее надо вовлекать граждан с устоявшейся патриотической позицией. Давно назрела необходимость восстановления смертной казни за измену Родины и терроризм.

Как видим, на внутреннем фронте стоят задачи не менее сложные, чем на линии боевого соприкосновения. Однако без их решения цена нашей победы значительно возрастает. Конечно, основная задача войны решается на фронте нашими воинами, но для того, чтобы победа была полной и с наименьшими потерями, мы должны победить на внутреннем фронте. Отечественную войну, а сейчас идет битва за Отечество, выигрывает народ. Весь народ. И те, кто воюет на передовой, и те, кто борется в тылу. Только все вместе мы сможем победить в новой Отечественной войне.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2024 г.

(Октябрь — декабрь)

Мы знаем о фальшивке, приписываемой Лермонтову, под названием «Прощай, немытая Россия!» Не однажды было доказано, в том числе и мной, что этот оскорбительный для Лермонтова опус принадлежит борзописному пародисту девятнадцатого века Дмитрию Минаеву (оскорбительный одновременно и для Пушкина, т.к. Минаев спародировал его строку «Прощай, свободная стихия!») Не говоря уже о том, что не существует лермонтовского автографа этой зарифмованной мерзости.

Но в русской литературе присутствует и также до сих пор входит в школьную хрестоматию и другая не менее оскорбительная фальшивка, приписываемая уже самому Пушкину. И речь вовсе не о «Гаврилиаде», от которой сам поэт не однажды отрекся. Речь — о десятой главе «Евгения Онегина», якобы Пушкиным сожженной, но некими стихотворными умельцами «реконструированной». Кстати ее пушкинского автографа тоже не существует.

Пушкин действительно говорил друзьям, что он обдумывает план де-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

сятой главы и что уже есть ее некоторые наброски. Однако строк, написанных его рукой, относящихся непосредственно к этой главе, никто не видел. Их нет. Но есть строки, ему приписанные, которые гуляли по рукам в Петербурге после его смерти и которые якобы вошли в его неоконченную десятую главу романа. Наиболее известными строками, вошедшими в учебники литературы, в пушкинские собрания и в различные литературоведческие исследования, стали, конечно, эти:

*Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щёголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.
К противочувствию привычен,
В правах удавкой ограничен,
Лозой отеческой крещён
И барабаном просвещён,
Он как противник изуверства
Припудрил прежний произвол
И перестройку произвёл —
Ввёл эполеты, министерства,
Тьму комитетов учредил,
А фран-масонов запретил.*

Теперь уже все, кому не лень, эти строки цитируют как именно стопроцентно пушкинские. И всем, конечно, стало ясно, что речь в них идет об Александре Первом, т.к. далее в тексте говорится о войне 1812 года. Мало того, что в этой «реконструированной» главе о герое романа, Евгении Онегине, как и о других героях, не сказано ни слова. Но сама эта «глава» настолько оскорбительна для царя и русского самодержавия как такового, что будь она обнаружена при жизни Пушкина и будь она признана им своей, поэту грозила бы каторга.

Датирована эта глава якобы 1830 годом, осенью, когда Пушкин находился в Болдино. Как пишут некоторые «исследователи», она была поэтом зашифрована. И тут никуда не деться от вопроса: что же им, этим умельцам, удалось расшифровать? Сожженный текст? Или сохранилась какая-то не сожженная зашифрованная рукопись? Вопросов возникает множество.

К тому времени уже произошла встреча А.С. Пушкина с Николаем Первым, после которой великий поэт был освобожден от цензуры. Через год ему высочайшим указом будет

пожаловано звание камер-юнкера царского двора... Он и его семья окружены многими другими царскими милостями... Он мечтает об основании собственного литературного журнала...

С чего это вдруг в 1830 году умерший Александр Первый стал у поэта-государственника *«властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда»*?.. Ведь ровно пять лет назад Пушкин в стихотворении «19 октября» писал о нём совсем другое!

*Ура, наш Царь! Так! Выьем за Царя!
...Он взял Париж, он основал Лицей!*

Оказывается, этот «враг труда» основал Лицей, о котором Пушкин с таким теплом вспоминал всю свою жизнь...

Те, кто имеет поэтическое чутье, кто много лет отдал поэтическому творчеству, перечитайте внимательно т.н. «десятью главу» «Евгения Онегина» — и вы увидите, почувствуете, что этот довольно примитивный и явно подражательный текст написан не пушкинским языком.

Фальшивки надо разоблачать, а нашу великую литературу надо от них очищать.

* * *

Депутаты Госдумы от Чечни и Дагестана Адам Делимханов и Султан Хамзаев в довольно наглой манере потребовали от Министерства образования и молодежной политики Владимирской области отмены решения о запрете в школах Владимирской области ношения хиджабов. При этом депутаты ссылались на Конституцию России, декларирующую свободу религиозного исповедания. Во-первых, с чего это вдруг депутаты от южных республик диктуют властям других регионов, какие распоряжения принимать на своих территориях и какие отменять? А во-вторых, согласно федеральному закону об образовании внешний вид учащихся общеобразовательных школ не должен иметь каких-либо религиозных признаков. И требования депутатов от Чечни и Дагестана — это и есть хамоватая и высокомерная попытка несоблюдения закона.

Правительство Владимирской области дало этим горедепутатам компетентный ответ: «Решение о внесении уточнений в приказ о внешнем виде учащихся принято в соответствии с конституционными нормами и Федеральным законом об образовании. Правительство Владимирской области опиралось на опыт других регионов, где приняты аналогич-

ные решения, а также на позицию Верховного суда, который дал свою оценку ситуации ещё в 2013 году. В июле 2013 года Верховный суд РФ признал законным запрет на ношение хиджабов в общеобразовательных школах Ставропольского края, так как в РФ закреплён светский характер образования».

Вообще-то согласно Конституции и данному постановлению Верховного суда Российской Федерации в школах Чечни и Дагестана точно так же должно быть запрещено ношение хиджабов. В школах России должны быть одинаковые порядки. Ещё в 2012 году В.В. Путин на вопрос о хиджабах сказал о необходимости введения в школах единой формы для учащихся.

* * *

6 ноября 2024 года, стало известно, что в США сменился президент. Им стал Дональд Трамп. Камала Харрис проиграла вразг. Эта бессмысленно смеющаяся дура, без суфлера не способная ни одной фразы самостоятельно произнести, опозорилась и опозорила преступные кланы демократов Байдена, Обамы и Клинтона. «Демократический» позор этих кланов ещё не раз даст о себе знать, а Трамп поиздевается над ними вволю.

То, что он стопроцентно станет президентом, мне стало понятно после т.н. «покушения» на него с якобы простреленным ухом (уже через два дня после того «выстрела» с уха была снята повязка, и оно было как новенькое...) Тогда, 16 июля, я писал в «Протуберанцах»: «...псевдопокушением на него добивались его стопроцентной победы на выборах в ноябре этого года. Решительный Трамп будет очень нужен штатовскому сионизированному «глубинному государству»...

Собственно, так и произошло. Закулисные воротилы уже тогда поставили на него, и «неудачным покушением» ему дали понять: станешь президентом, но будешь выполнять нашу волю.

Зеленский одним из первых кинулся поздравлять новоизбранного президента, хотя тот не раз выступал против накачки Украины американским оружием и американскими деньгами. Но хамелеонские повадки заставляют мелкого беса изворачиваться ради спасения своей шкуры. Однако недавние его горячие объятия с Байденом и Харрис, а также его просьбы о предоставлении бандеровской «нэньке» «томагавков» будут, скорее всего, не по нутру даже Трампу. Уж больно омерзительно ведёт себя этот морально грязный накокаиненный жидохохляцкий слизняк.

Если Кремль всё же начнет переговоры с этой мразью, это будет предательством всех наших воинов, погибших на полях сражений. Погибших как в наше время, так и более 80-ти лет назад.

Жидо-нацистско-бандеровская мразь должна быть уничтожена вся, ликвидирована до самых корней. И разговаривать с ней, а тем более вести переговоры — аморально. Это должен знать и понимать **каждый** представитель российской власти.

* * *

21 ноября, в день Архистратига Михаила, в ответ на обстрел Брянской и Курской областей американскими ракетами «Атакамс» был нанесен удар по заводу «Южмаш» в Днепропетровске нашей новой гиперзвуковой баллистической ракетой средней дальности «Орешник» с шестью разделяющимися головными частями. Завод перестал существовать.

Из орешника в прежние времена делали розги. Нынешний «Орешник» применил свои шестиударные розги для физического наказания нацистской хохляндии и морального воспитания Европы и Америки. Посмотрим, пойдет ли это наказание и это воспитание им впрок.

Но у нас растет и другое растение с похожим названием — чубушник, из которого когда-то запорожские казаки делали чубуки, т.е. курительные трубки. Было бы неплохо назвать этим словом новую гиперзвуковую ракету с десятью разделяющимися боевыми головками, чтобы от всей русской души дать прикурить от неё жидохохлам, полякам, прибалтам и натовским дегенератам. (Как говорится по-русски: на орехи.) Дыма и пепла от этого «Чубушника» было бы много. Не знаю, был бы им приятен их «дым отечества», но после розог из «Орешника» хохлоевропейский аромат от «Чубушника» стоял бы долго над всей русофобствующей Европой.

И тогда «Орешник» и «Чубушник» станут названиями новых глав в продолжение поучительной книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа».

* * *

22 ноября президент России на совещании в Кремле с руководством Минобороны и представителями ОПК в связи с ударом «Орешника» по Южмашу сказал: «Такого оружия ни у кого в мире пока нет. Да, рано или поздно оно появится в других ведущих странах, мы знаем, какие разработки там ведутся. Но это будет завтра, или через год, или через два, а у нас эта система есть сегодня».

Ну что ж, если есть такое оружие, его нужно использовать именно сегодня, чтобы именно сегодня, в это время, — победить. А не откладывать это применение для ответов на новые удары западных мерзавцев по русским городам. Когда-то сам президент произнёс эту фразу: «Если драка неизбежна, надо бить первым».

А вот слова из пастырской проповеди протоиерея Александра Шаргунова в праздник иконы Божией Матери «Скоропослушница»: «Будем молиться нашей Скоропослушнице о том, чтобы нам научиться быть внимательными ко всему, что дается нам в нашей земной жизни, чтобы не упустить самое главное. Святые отцы дают хороший ответ на вопрос, какое время является самым главным для нас, какое дело самым значительным и какой человек самым важным. Тот человек, с которым ты сейчас говоришь. То дело, которое ты сейчас делаешь. То время, которое тебе сейчас дано, потому что другого времени может не быть. Но даже если оно и будет, оно будет другим. В этом тайна постоянного и скорого послушания. Время, которое будет потом, еще не наступило, а время, которое прошло, его уже нет. Есть всегда только сейчас, другого не существует».

Вот и надо действовать здесь и сейчас. Другого времени может и не быть.

* * *

Американские конгрессмены, в том числе и от республиканской партии, открыто говорят и пишут в прессе о необходимости передачи Украине ядерного оружия. Вопрос о нанесении Украиной безъядерных ударов крылатыми ракетами вглубь России уже решен. Такое разрешение ей дано и Америкой, и Англией, и Францией. И никакой «Орешник» на это разрешение уже повлиять не может. О ядерном оружии для «нэзалэжной» пока лишь идут разговоры в политических кругах США. А это означает, что работа в данном направлении уже ведется. И когда начиненные ядерными зарядами боеголовки и средства их доставки там окажутся, тогда и будет дано разрешение на их применение. Или Байденом, или Трампом.

И вот теперь яснее ясного становится необходимость освобождения **всей** Украины от нацистско-бандеровской власти. Потому что из любой находящейся под ее контролем территории возможно будет нанесение ударов по России снарядами и ракетами с ядерным оснащением. То, что за три года СВО нам не удалось дойти до Киева или хотя бы ликвидировать главарей жидохохлятской банды, ставит нас в крайне

опасное и уязвимое положение. Покуда по т.н. «украинской», а на деле — российской земле свободно передвигается одуревший от злобы слизняк Зеленский, жители любых русских городов европейской части России могут проснуться ночью от sireны воздушной тревоги. Наши трехлетние «жесты доброй воли» подвели жидохлятского врага к ядерным амбициям. И пока он не будет уничтожен, эти амбиции никуда не денутся.

* * *

На прошедшем в конце ноября Всемирном Русском Народном Соборе патриарх Кирилл вновь, как и год назад, в своей речи говорил об опасности, которая грозит России от баснословной и бесконтрольной среднеазиатской миграции в нашу страну. Вот лишь фрагмент из его доклада на пленарном заседании XXVI Всемирного Русского Народного Собора 28 ноября: *«Подчеркну еще раз: непропорциональные замещения коренного населения мигрантами — носителями иного цивилизационного кода, иного исторического опыта — может привести к критическому культурному дисбалансу в нашей стране. А это, в свою очередь, несёт несомненную угрозу Русскому миру, ценностным ядром которого является Православие. Кроме того, не секрет, что мигрантскую среду не оставляют без внимания те, кто проповедают идеи радикального исламизма, экстремизма, представляющие прямую угрозу российской государственности. Вот я и в прошлом году уже говорил об этом, но получил гневную отповедь от некоторых не очень доброжелательно относящихся к Русской Церкви исламских руководителей. Меня это огорчило. Потому что речь идёт не о желании Церкви ограничить мусульманское присутствие в России, речь идёт не о межрелигиозной теме, а речь идёт о будущем нашего государства. Речь идёт о том, что будет с Россией, в том числе о судьбе русского народа. И как же Церковь может об этом не говорить?»*

Казалось бы, если патриарх уже не однажды на столь значимом и столь высоком общественном форуме среди главных проблем, стоящих перед страной, называет проблему миграции, то высшая власть, прежде всего в лице президента, должна, вернее, просто обязана прислушаться к этим словам и хоть как-то на них отреагировать. Более того, когда об этой же проблеме неоднократно публично заявляют силовые министры Бастрыкин и Колокольцев, когда телеканал «Спас» ежедневно поднимает вопросы, волнующие население в связи с хулиганским и нередко преступным поведением мигрантов на нашей земле, глава государства просто не

имеет права отмалчиваться и вообще никак не реагировать на эти выступления, заявления и кричащие факты. Однако президент по какой-то причине делает вид, что ничего этого не слышит. На выступления патриарха по этой проблеме — с его стороны реакции никакой. На заявления силовых министров по аналогичным вопросам — в Кремле такое же молчание. Спрашивается: почему? Немного зашевелилась Дума, приняв несколько косметических законов, касающихся миграционных проблем, однако по-серьёзному этих проблем не решающих и не влияющих на масштабы миграционных потоков в Россию. Для многих политиков, общественных деятелей и публицистов такая реакция власти выглядит не случайной...

(Я уже писал об этом.) В 2020 году президент России В.В. Путин поручил правительству оформить членство страны в Международной организации по миграции (МОМ). А уже в 2021 году Путин подписал закон о ратификации устава МОМ. С тех пор Россия подчиняется решениям, принятым этой организацией, поскольку является членом ООН, куда входит МОМ. Согласно ее уставу Россия должна «закрывать все потребности мигрантов, относиться к ним как к полноправным гражданам, концентрироваться на положительной роли миграции», «способствовать разработке и реализации связанных с миграцией программ, направленных на извлечение максимальной выгоды от миграции», «оказывать помощь в целях содействия интеграции мигрантов в новых условиях и вовлечения диаспор, в том числе в качестве партнёров по развитию». Именно этот договор с МОМ и способствует движению неограниченных *путинских* потоков среднеазиатской миграции в Россию. Именно по этой причине он публично и не реагирует на выступления патриарха и силовых министров по вопросам миграционной политики. Россия выполняет устав МОМ, а мигранты и их диаспоры это знают и потому ведут себя столь нагло, бесцеремонно, а часто и преступно.

* * *

Согласно непубличной информации от наших силовых структур, на банковские карты боевиков, начавших наступление на сирийские города, посыпались деньги из Таджикистана, Узбекистана и других государств Средней Азии. Об этом 2 декабря сообщил Владимир Соловьев в своей телепрограмме «Вечер с Владимиром Соловьевым». Но главное, на что обратил внимание ведущий этой программы, деньги боевикам посыпались и с карт азиатских мигрантов, нахо-

дящихся на территории России. Но кто бы в этом сомневался?! Я еще несколько лет назад писал о том, что среди этих «российских» мигрантов, по всей видимости, полным-полно завербованных террористов, а также *сочувствующих* головорезным исламистским боевикам. И трагедия в «Крокус Сити» это только подтверждает.

Как сообщают интернет-ресурсы, среднеазиатские мигранты в большинстве своем отправляют заработок на родину, а уже оттуда эти (российские) деньги шли на поддержку сирийских боевиков. Кроме этого они, как правило, отчисляют деньги в общак своих диаспор. И не исключено, что те, в свою очередь, также частично переводят деньги на поддержку сирийских террористов. Вот чем нужно заняться нашим силовикам — расследованием и обнародованием этих фактов, если они будут доказаны. А уж если эти факты будут выявлены и доказаны, то всей русской общественности нужно будет добиваться расторжения договора с Международной организацией по миграции (МОМ) и стопроцентной остановки среднеазиатской миграции в Россию, несмотря ни на чье сопротивление в российских властных верхах.

* * *

Победивший на президентских выборах Дональд Трамп, еще до своей инаугурации, в самом начале декабря предложил России новые бусы. Бусы эти состояли из нескольких «жемчужин»: возобновление прерванных дипломатических отношений западных государств (в том числе и США) с Россией, отмена некоторых экономических санкций, принятие Украины в НАТО в течение 10 лет, приостановка вооружения Украины, сохранение за собой отвоеванных Россией украинских территорий (без их официального признания) и остановка боевых действий на нынешней полосе огневого соприкосновения. Ну и, естественно, начало новых переговоров о будущем Украины. Бусы эти, конечно же, Трамп вытащил из американского сундука в тот момент, когда российские войска пусть не слишком быстро, но наступали по всем фронтам, а мобилизанты «нэзалежной» по всем фронтам отступали. И новые «жемчужные» бусы — это незаменимый американский аргумент для того, чтобы данную тенденцию остановить и перевести ситуацию в нужное для пиндосов направление. Дважды эти «жечужины» сработали — бусы минские и бусы стокгольмские, которые позволили Украине подготовиться к войне, вооружиться и перейти в наступление. Россия, вернее, российская властная элита, дважды на эти бусы клюнула. Но они, как ни странно, оказались не

жемчужными, а стеклянными. После чего она искренне округлила глаза и разводила руками: «Нас опять обманули...»

Ну уж теперь-то можно не сомневаться — Трамп нас не обманет. Он ведь, по словам нашего президента, «мужественный человек». И, конечно же, бусы на этот раз будут настоящими, драгоценными, с самого дна сундука...

И как тут не вспомнить двух легендарных героев из знаменитого романа:

— А почему, Михаил Самуэлевич, вы решили, что эти гири золотые?

— Шура, а какие же еще они, по-вашему, могут быть?

* * *

Сирию сдали. Той Сирии, какую мы защищали и освобождали восемь лет назад, больше нет. Сколько наших военных там погибло! За что? За что погибли наши летчики? За что погиб Краснознаменный ансамбль им. Александрава? За то, чтобы через восемь лет вскормленные Турцией, Израилем и США террористы без сопротивления вошли в Алеппо, Хомс, Хаму и Дамаск? Для чего устраивали концерты на развалинах Пальмиры? Что, разве наши стратеги не понимали, что нельзя оставлять террористов и турок на территории Сирии, в Идлибе? И что нельзя оставлять на сирийской земле американские базы. Что за восемь лет турки, Израиль и США их вновь вооружат и бросят в наступление на Дамаск. Надежались на авось, на то, что всё как-то обойдётся? И сквозь пальцы смотрели на то, как чуть ли не через день все эти восемь лет Израиль наносил ракетные удары по сирийским аэродромам и пригородам столицы. Наш МИД за это время ни разу не вызвал на ковер посла Израиля. Чем-то это всё напоминает сдачу Карабаха. И опять же — в угоду Турции.

Мы не подготовили, не создали современную сирийскую армию. Но самое главное, мы, вернее, наше руководство в сирийском противостоянии не придавало особого значения религиозному вопросу. А на Ближнем Востоке он — самый главный. И турки прежде всего сосредоточились на нем. В войне за Сирию победила религиозная идея. И теперь нашим властям и телеэкспертам осталось только оправдываться и объяснять причины...

Да, конечно, Асад не оправдал надежд, не сосредоточил всё свое внимание и все свои силы на создании боеспособной армии, не обеспечил ее современным оружием, в том числе беспилотниками, не выстроил оборонительные заслоны вокруг крупных городов (да и мы ему в этом не помогли). Не преодолел религиозный раскол в стране и в армии. И начал

заигрывать с Западом... Время было потеряно понапрасну. А турки и америкосы всё это время не дремали. Хотя нам то и дело впаривали по ящику дремлющего Байдена, но он напоследок успел нанести нам жестокий удар в спину.

Конечно, как и в Ираке, имело место широкое предательство сирийского генералитета. Очень многих из этих генералов просто купили большими деньгами и возможностью выехать вместе с семьями в США и в Европу.

Хлебнувшие крови исламистские террористы теперь на Сирии не останутся. Не для того их готовили и вооружали. И не случайно сразу после этого провала в Сирии Кремль и МИД спешно начали делать заявления о согласии на прекращение огня и на новые переговоры с Украиной, как сказал президент, «на основе стамбульских договоренностей».

Армия Израиля с Голанских высот уже вошла на территорию Сирии, и никакие исламисты ей не помешали...

Наши прикормленные политические «эксперты» все как один тут же стали говорить о том, что мы, уйдя из Сирии, избежали для себя второго фронта. Да, на какое-то время. Но второй фронт, теперь уже более обширный и более кровавый, нас ждет впереди.

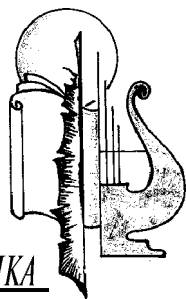
Кроме этого, те же «эксперты» с какой-то странной надеждой начали рассказывать о сохранении в Сирии двух наших военных баз... Но надо же понимать, что ни США, ни Израиль, ни Турция с этим не смирятся. И в скором времени нам придется эти базы эвакуировать под многословные и одобрительные объяснения тех же прикормленных «экспертов».

Слава Богу, что хотя бы удалось спасти Башара Асада и его семью, и он избежал участи Хусейна, Милошевича и Каддафи.

Израиль, Турция и США уже начали раздел территории Сирии.

БЕЗ НЕГО БЫ РОССИЯ НЕ ОБОШЛАСЬ

Не думал выдающийся башкирский советский писатель-фронтовик, народный поэт Башкирской АССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, лауреат Государственной премии СССР, Государственной премии РСФСР имени К.С. Станиславского, премии Башкирской АССР имени Салавата Юлаева, кавалер двух орденов Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени, орденов Красной Звезды, Отечественной войны II и I степени, «Знак Почета», Дружбы народов, авторитетный в писательском сообществе и любимый читателями всего Советского Союза Мустай Карим (настоящее имя — Мустафа Сафич Каримов), что его родное союзное государство, которое он защищал в годы Великой Отечественной войны, и культурную славу которого поднимал до небывалых доселе высот все последующие мирные годы, будет развалено, предано, оболгано. Впрочем, тревогу за судьбу великой страны поэт и общественный деятель, чей 105-летний юбилей со дня рождения пришелся на 20 октября 2024 года, стал испытывать задолго до

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

трагических событий августа 1991 года. Еще в 1989 году, предчувствуя всеобъемлющий хаос, он добровольно откажется от депутатства и членства в Верховном Совете СССР, так как сил перекричать «прорабов перестройки» у него уже не было. Да и не криклив был поэт. Не в его правилах было вступать в словесные перепалки с демагогами и откровенными болтунами-временщиками, искавшими лишь легкую наживу и дешевую славу. Не так он был воспитан. Не теми категориями мыслил...

Кстати, в перестроечные годы, когда со стороны ретивых «обновленцев», превратившихся со временем в отпетых либералов и русофобов, стали слышны огульные обвинения во всех смертных грехах как отдельных советских писателей, так и всей советской литературы, Мустай Карим в одном из интервью мудро и предостерегающе скажет: «Давайте говорить конкретно о каждом писателе, даже не о писателе, а о книгах, написанных им. Мы снова ударяемся в общие рассуждения. Переоценки требуют конкретные произведения, а не вся советская литература прошедших лет. Только в этом случае не произойдет подмены истинных ценностей мнимыми. И не забыть бы при этом прислушаться к читателям». Увы, подобные разумные, прозорливые, дальновидные мысли тогда развеются в мутном потоке догадок, измышлений и откровенной лжи.

После фатальных потрясений 1991 года о башкирском поэте и прозаике на просторах России и всего постсоветского пространства практически ничего не было слышно. И вот 17 февраля 1993 года «Литературная газета» опубликовала обширное интервью с ним под броским названием «Почему молчит Мустай Карим?», подготовленное обозревателем газеты, писателем Борисом Евсеевым.

По прошествии трех десятилетий высказанные тогда Мустаем Каримом в интервью размышления по существу не утратили своей актуальности и сейчас. Выделится в той беседе и вопрос интервьюера об отношении башкирского писателя к известному украинскому писателю Д. Павлычко (состоявшему с 1954 по 1990 годы в КПСС, в молодые годы бывшему членом ЦК ЛКСМУ, многократно избираемому депутатом Верховных Советов СССР и УССР, награждавшемуся орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Дружбы народов, писавшему стихи, прославлявшие партию, Ленина, коммунизм), написавшему «хорошее, грамотное» предисловие к трехтомнику его произведений. При этом Евсеев обратит внимание на тогдашний облик Павлычко, ставшего ярким националистом, рухвцем, политическим деятелем-демократом. Мудрый Мустай Карим, художник прежде всего национальный, на этот непростой вопрос ответит так:

«Дмитро Павлычко — мой друг. Я никогда не «выведу» его из личных друзей. А убеждения политические мне всегда представлялись чем-то низким по сравнению с настоящей дружбой. Но то, что говорят руховцы и сам Павлычко об отношениях России и Украины, меня глубоко огорчает. Кстати, большая часть украинской интеллигенции (Союз писателей, театры, Академия наук) во время войны жила в Уфе. Хочется спросить тех украинских интеллигентов, что ныне здравствуют, чувствовали ли они тогда неприязнь к России, как об этом твердит Рух? И кто тогда был младшим братом? Украинцы или башкиры, у которых они нашли приют? Младшие братья еще меньших?.. Это ведь абсурд какой-то. Мы просто были братьями. И в моих словах нет и тени упрека. Есть только гордость. Мы были вместе.

Вот я когда-то написал стихотворение «Россиянин», и меня теперь часто спрашивают, не отказываюсь ли я от него. Не отказываюсь! Я убежден: Россия — моя большая Родина. Я говорю: Башкортостан — мой очаг. Башкирия — моя колыбель, вера моя, надежда... Мой Башкортостан не требует от меня отречения от России. Но Россия всё собирает и соединяет. Это факт истории, и его нельзя игнорировать и оспорить. И это не только факт истории, но, я думаю, и наша будущность».

Кстати, Мустай Карим в годы Великой Отечественной войны освобождал территорию Украины от фашистских захватчиков. С украинцами же, культурой украинской он был знаком практически с детства. Потому, наверное, передавая читателю ощущение боли за израненную врагом братскую республику, проникновенно и прозвучат его строки из написанного интернациональным духом стихотворения с предельно конкретным названием «Украине»:

*О, Украина! Ветки наклона,
Вся в яблонях, плывет твоя долина.
Сапер открыл траншею для меня,
Твои цветы засыпав, Украина!..
И чудится, что яблоня ко мне
Метнулась от пылающего тына,
К траншее руки протянув в огне,
Как девушка, чье имя Катерина.*

(Перевод М. Максимова)

А вот ставшее хрестоматийным стихотворение «Я — россиянин» Мустай Карим напишет через некоторое время после Победы, в 1952 году. Оно, думается, никогда не растеряет своего глубокого интернационального содержания и худо-

жественных достоинств. Чрезвычайно важно его всячески пропагандировать и в наши тревожные дни, когда коллективный Запад воюет не только с самой Россией как государством, но, фактически, и со всем Русским миром, с нашей великой культурой, с традициями, с духовностью, с коллективной ментальностью нашей, разительно отличающейся от западной, нацеленной в большей степени на разрушение, нежели на созидание.

*Не русский я, но россиянин. Ныне
Я говорю, свободен и силён:
Я рос, как дуб зеленый на вершине,
Водою рек российских напоён.*

*Свою жизнью я гордиться вправе —
Нам с русскими одна судьба дана. <... >*

*Давно Москва, мой голос дружбы слыша,
Откликнулась, исполненная сил.
И русский брат — что есть на свете выше! —
С моей судьбой свою соединил. <... >*

*И полюбил я силу в человеке,
И научился радость жизни брать.
За это всё, за это всё — навеки
Тебе я благодарен, русский брат.*

*Ты вкус дал хлебу моему и воду
Моих степей в живую обратил.
Ты мой народ, для радости народа,
С народами другими породнил.*

(Перевод М. Дудина)

Много лет спустя поэт вспоминал о том, что в редакции республиканской газеты, в которую он принес это стихотворение, редактор, башкир по национальности, ему укажет на недопустимость сравнения русского народа с народом малым без подчеркивания старшинства первого. Мустай Карим же тому редактору, мыслившему узко и позабывшему о национальной идентичности, скажет «что в дружбе нет старших и младших, больших и малых, а если есть, то это уже не дружба». А через пару лет поэт получит бандероль из США с испещренным пометками сборником его стихов. И эмигранту из Башкирии особенно не понравится стихотворение «Я — россиянин». Обвинив поэта в отсутствии национальной гордости, американский

башкир напишет: «Как тебе не совестно объявлять себя россиянином? Ведь ты башкир и должен думать только о своем народе. Русские же обойдутся без твоей заботы».

Эмигрант тот, вызвавшийся гневно настаивать своего соплеменника, как говорится, не на того напал. Мустай Карим был настоящим российским башкиром и, вне всякого сомнения, Россия бы без него не обошлась...

Важно подчеркнуть в этой связи и то, что башкирский творец братство с русским народом воспринимал, можно сказать, на генном уровне. Об осознанном историческом выборе башкирского народа Мустай Карим говорил и в интервью писателю Евсееву:

«Четыреста с лишним лет назад самые почтенные вожаки башкирских племен добровольно вошли в Российское государство, заключили с ним договор. Были, конечно, башкирские восстания против прижима петербургских и московских чиновников, но никогда не было вражды с русским народом. Земли наши заселялись разными нациями с разрешения башкирских общин. И в пугачевском бунте башкиры вместе с русскими воевали не против русских же, а против зарвавшегося оренбургского губернатора, против других стеснителей народной воли, против ловких махинаторов и явных грабителей! И отец Салавата Юлаева командовал башкирскими конниками в семилетней войне в составе Русской армии. А в составе армии Пугачева командовал вольницей его знаменитый сын».

Духовная взаимосвязь с русским народом завязывалась у будущего поэта не на пустом месте. И тут, полагаю, что-либо пояснять особо не требуется, так как воспитывался он в советской школе и в советское довоенное время, и прививались ему тогда подлинные нравственно-гуманистические ценности, базировавшиеся на русской многогранной культуре, на всем ее бесценном наследии. Потому-то русская культура, русский язык, русская литература для Мустая Карима всегда были родными и любимыми. Любил он, скорее, боготворил и великого Пушкина. «...Пушкин — это тот, кто, как сама жизнь, всё время в процессе раскрытия. Пушкин неисчерпаем. Я, башкир, получил воспитание в национальных традициях, но для меня Пушкин — мой личный праздник. Это почти необъяснимо. Но это именно так».

На привязанности и любви к русскому языку, русской литературе и культуре обозначится и интернациональный дух башкирского художника. «Сознание того, — как-то отметит поэт, — что ты являешься соотечественником не только Салавата, но и Пушкина, Чайковского и Шевченко, Руставели и Навои, Райниса и Ауэзова, Ломоносова и Гагарина, повышает тебя, скажу больше, повышает смысл твоей жизни».

Формирование творческой личности, известное дело, процесс трудный, даже мучительный. Но, пожалуй, немаловажно обратиться и к вопросу о том, что же повлияло на человека, решившегося взяться за перо. *«Я никогда не говорил себе: я буду писать и больше ничего не буду делать, — отметит Мустай Карим в беседе с осетинским поэтом Нафи Джусойты, опубликованной в журнале «Вопросы литературы» (1974, № 8). — Я начал сочинять стихи очень рано, печататься начал в четырнадцать лет, в восемнадцать лет у меня вышла книга, в девятнадцать меня приняли в Союз писателей, но я не думал тогда, что буду профессиональным писателем. Учился в педагогическом институте, готовился стать учителем, но вместо школы пошел на войну. И вот на войне я почувствовал себя не только солдатом, но и поэтом. У меня родилось острое ощущение, что надо сказать слово о войне, свое слово, которое услышали бы все.*

Вообще-то творчество — процесс не «запрограммированный». И я не могу сказать точно, когда я начал *«говорить стихами»*. *<...> И все-таки один такой момент в своей жизни, когда мне захотелось непременно написать стихи, я помню. Это было 3 или 4 декабря 1934 года. В тот день мы в деревне получили известие о смерти Кирова, и наша учительница со слезами на глазах говорила о нем. <...> Весть пронзила мое сердце со страшной силой, и я вечером написал стихи. Стихи были, конечно, несовершенные. Но в них я выразил свою боль.*

И сейчас, спустя столько лет, я думаю: видимо, ощущение утраты, ощущение боли было первым толчком к осознанному писанию стихов. Быть может, я чуть произвольно обобщаю — ведь до этого у меня были мои собственные, личные боли, но никогда не возникало такого неотвратимого желания говорить стихами. И все же я убежден: человек, имеющий отношение к творчеству, может обрести себя как художник тогда, когда он будет ощущать боль другого, когда эта боль станет его болью. <...>

Конечно, писатель должен откликаться не только на людские боли — иначе будет очень мрачно в его душе. Поэта должна греть радость других; его окно, его дом должна освещать радость людей... Видимо, только полнота ощущения боли и радости людской делает человека поэтом».

В той большой и содержательной беседе Мустай Карим предельно ясно обозначит и свое понимание национального творчества, которое для него подкреплялось за счет двух основополагающих условий, им давно и четко уясненных.

«Во-первых, — скажет тогда башкирский поэт, — мое слово на моем родном языке должно дойти до тех, кто меня читает, кто знает нашу культуру, кто живет жизнью нации, народа. Если бы я об этом не думал, было бы плохо.

А раз так, то большое значение приобретает отношение к культурным ценностям, созданным до тебя. Не осмыслив и не вобрав в себя то, что создано веками твоим народом, ты не сможешь вторгаться своим творчеством в его духовный мир, не сможешь воздействовать на его нравственное бытие. Ведь невозможно себе представить, чтобы писатель был вне своего народа. Он всегда в нем, живет и умирает только с ним, если, конечно, он настоящий писатель. И я не верю людям, которые стремятся создать какие-то особенные литературные приемы, не свойственные ни строю языка, ни психологии народа.

Во-вторых, меня очень заботит, и вполне сознательно, и другой вопрос: если наша поэзия не будет понята другими и не будет приемлема для других народов, то разве не будет она терять свое значение и для моего народа? <... >

И в этой ситуации, я думаю, если ты остаешься замкнутым в эстетическом, нравственно-идейном кругозоре только своей нации, то к тебе потеряет интерес даже твой народ. Это мое твердое убеждение. И об этом писатель не должен забывать».

Высказывался Мустай Карим и о новаторстве, к которому относился сдержанно и понимал его не совсем обычно. Оно в представлении поэта «не просто формальное явление, оно связано с мироощущением, которое, в конце концов, диктует и форму, и строфу, и строку, и размер, и все остальное».

Подлинным новатором, отразившим свою эпоху, точно ощущавшим ее дыхание и пульс, Мустай Карим считал Маяковского. Потому-то выступал он и за то, чтобы «творчество всегда было естественным продолжением гражданской и художественной сущности писателя. Сознательным проявлением этой сущности, а не заданностью. Творчество должно быть осознанно, но не диктуемо рационалистическими предвзятыми соображениями». В общем, поэт ратовал за то, чтобы «каждый человек и в жизни и в творчестве был самим собой и тем, кем он в состоянии быть по сути своей натурой, характера и интеллекта. Искусственных ревнителей традиций я так же не люблю, как и новаторов поневоле».

Тут же следует сказать и о том, что национальную литературу как явление Мустай Карим считал возможным оценивать двумя мерами оценок. Первой мерой для него являлось самобытное развитие и темпы ее собственного роста. Второй же мерой выступали достижения национальной литературы в кругу других литератур, в сравнении с ними.

Мысли эти, не утратившие своей литературоведческой значимости, поэт высказывал в зрелом возрасте. И о многих вещах, событиях, людях, он рассуждал с позиций современности, заглядывая, конечно, и в прошлое, на которое был не в обиде. Более того, в 1974 году Мустай Карим прошлым про-

житым годам пошлет и свое благословенье, высказанное в стихотворении «Минувшему — благословенье».

*На прошлое свое я не в обиде:
Я больше радости, чем горя, видел,
Благодарили больше, чем ругали,
Друзьями был богаче, чем врагами. <...>*

*Коль виноват был раз — не обессудьте:
Сто раз добро творил во искупленье...
Простите прегрешения мне, люди! —
Минувшему я шлю благословенье!*

*Настанет час — я вам махну рукою,
Немая... И поймете вы в мгновенье:
В минувшее я ухожу, в бывшее...
Оставшимся я шлю благословенье...*

(Перевод Е. Николаевской)

Бывшее между тем не только о себе напоминало, оно и в самом деле было действенным, плодотворным, давшим писателю и жизненный опыт, и возможность осуществления творческих поисков. Сами же поиски, естественно, были простыми. Но и они шли по пути восходящему к определенным высотам, от малого, вроде даже приземленного, совсем земного, к более сложному, подкрепленному философскими размышлениями и непрерывными исканиями в такой чрезвычайно близкой ему сфере, как человековедение.

Значительное влияние на Мустая Карима оказала Великая Отечественная война, бесспорно, многому его научившая, в том числе и к использованию собственного поэтического слова в качестве мощного инструмента эмоционального воздействия на своих соплеменников. На сам же фронт он попадет только в мае 1942 года, — вначале ему следовало отучиться в Муромском училище связи, где он буквально рвался на фронт, будучи уверенным в том, что «если ты не солдат — ты не поэт, если ты не на фронте, если ты не разделяешь участь солдат — то о героизме, о страданиях и смерти других ты не имеешь права писать».

Попав на фронт, Мустай Карим стал активно писать и в строю на передовой, и работая во фронтовой газете. Там-то, каждодневно общаясь с солдатами, он поймет сплачивающую и объединяющую людей силу газетного слова. Стихи его на родном языке начнут печатать во фронтовых газетах, издававшихся на башкирском и татарском языках. А в 1943 году, ознакомившись с письмом-обращением от своего на-

рода, Мустай Карим всего за несколько дней напишет небольшую поэму «Ответное слово от воина».

«На войне я для себя кое-что уяснил, — поведает поэт три десятилетия спустя. — Я уже был взрослым и понял, что на войне речь шла не только о противоборстве армий, шел бой за всё, что создано человечеством. И я обратился к традициям народного творчества, к истокам поэзии. У меня военная поэзия по существу полуфольклорная. Война и фольклор! Это сочетание родилось не потому, что не хватило опыта. Я хотел со своими читателями, со своими сородичами говорить на языке истории. Я хотел напомнить им: вы не сегодня явились на свет божий, вы веками создавали культуру, вы создавали самих себя, вы защищаете свою сущность, созданную веками».

После войны Карим напишет удивительную поэму «Черные воды», в которой «идейное острие обращено не только против врага, с которым мы столкнулись лицом к лицу, но против врага скрытого — труса, предателя». Такого скрытого врага, предателя поэт в поэме накажет сурово. Встав с поднятыми руками перед вражеским танком на колени, предатель будет этим танком раздавлен. Финал трусости и предательства, убедительно говорил в поэме Мустай Карим, закономерен — жалкая, не вызывающая сочувствия смерть. И вечное людское отчуждение, осуждение, позор.

*Коль сгину, жизнь свою отдам,
Что получу взамен?
Что за могилой ждет меня?
Забвенье, прах и тлен.
Нет! на коленях пусть — но жить,
Но жить — пусть сдавшись в плен!.. <...>*

*Шли вражьи танки. Шли и шли.
Гремела, грохотала сталь.
Он руки поднял, и шагнул,
И посреди дороги встал. <...>
Встал на колени... Двадцать лет
Ходил он прямо, может, пел,
А тут — колени преклонил!
Жить на коленях захотел!*

*Он захотел...
Передний танк
Подмял его, как червяка,
И — вдаль, об участи своей
Еще не ведая пока...*

(Перевод Е. Николаевской)

Поэма «Черные воды» драматична. В ней поэт наряду с образом земли, олицетворяющей вечную жизнь, покажет предателя Якупа, вся философия которого заключена в горькой и унылой формуле: «На коленях пусть — но жить». Но для чего такая жизнь? Что может сделать доброго на земле человек, влачащий существование на коленях, на коленях перед врагом, вероломно вторгшимся на просторы Родины, чтобы ее поработить?

Жизнь только для себя, мелкую, ничтожную, «растворяющуюся в тени» и оборачивающуюся в предательство, Мустай Карим решительно осуждает. Опустошение человеческой личности, мелочный животный страх за физическое существование, хотя бы и рабское, бесправное — между строк говорил он в поэме — явления по-настоящему страшные, убивающие человеческое достоинство, превращающие человека в пресмыкающееся, безликое, бездумное существо, обреченное на забвение.

Верную, хотя и несколько путаную трактовку этой поэме в свое время даст известный критик Дмитрий Хренков: «...Поэту предстояло ответить на безмолвные вопросы жен и матерей, которые так и не дождались своих любимых с войны... Нужно было обладать немалой смелостью, чтобы прервать идущую из глубины души здравицу в честь павших и сказать, что в семье не без урода, что не все не вернувшиеся с войны должны пользоваться народной благодарностью и признательностью. Мы не станем беднее, если откажем в дружбе трусу. Тень не падет на героев, если одного назовем тем именем, которое он заслужил, — предателем».

Поэт в «Черных водах» отвечал, разумеется, не на «безмолвные вопросы», да и прерывать всенародную здравицу в честь подлинных героев он явно не собирался. Задачу перед собой поэт ставил другую — показать процесс деградации человека и напомнить о том, что жалость к самому себе чревата не только потерей человеческого облика, но и самой жизни, ведь предателей никто не уважает и не ценит, даже те, кто получает политические и другие дивиденды от предательства того или иного человека. И забывать об этой истине, красноречиво высветленной Мустаем Каримом, никогда не стоит.

Среди драматических поэм Мустая Карима выделяются две его ставшие широко известными поэмы: «В ночь лунного затмения» и «Салават». Так в поэме «В ночь лунного затмения», по словам поэта, «идея предшествовала сюжету». И это обстоятельство сыграет свою определенную роль. Сам же Мустай Карим вспоминая работу над этой значительной вещью, придет к такому заключению:

«Меня давно волнуют проблемы внутренней свободы человека, потому что человек, не став изнутри свободным, вообще не может быть свободным человеком.»

Все социальные и политические свободы мы завоевали с оружием в руках, а внутренняя свобода завоевывается по-другому, иными средствами. И человек может стать личностью, то есть внутренне свободным, только в борьбе с самим собой, в борьбе за свои принципы. Несвобода возникает не потому что тебе что-то запрещают; не свободен ты тогда, когда чувствуешь себя неспособным бороться против зла, в полной мере утверждать добро, когда мелочные обстоятельства мешают поступить так, как надо. <...>

И может быть, несколько нескромна моя претензия, но мне хотелось показать моих сородичей, живших три столетия назад, людьми крупными, людьми больших страстей, трагических судеб».

А вот в «Салавате» поэт выстроит сюжет из известного исторического материала, глубоко осмысленного им:

«В трагедии я говорю лишь об одной проблеме — об ответственности личности перед народом и об ответственности народа перед вождем, перед полководцем. <...>

Почему меня заинтересовал именно Салават? Возникла внутренняя потребность поразмыслить о нашем национальном герое. Ведь я писатель уже не молодой, а Салават — первый башкир по значимости, нет другого башкира, ему равнозначного. Он в двадцать два года завершил все свои дела, а память народа хранит его образ уже двести лет. И чем шире раскрываются духовные силы народа, горизонты его памяти во времени, тем величественнее становится этот образ. О нем хотелось сказать свое слово. <...>

Образ Салавата — это все мои знания о нем, пропущенные через фильтр моего понимания его личности, фильтр моей индивидуальности, если хотите, моей субъективной концепции его характера. Моей задачей не было воссоздание подлинной исторической биографии, я искал в истории и в характере Салавата свое, современное, но так, чтобы ни в коей мере не исказить ни истории, ни сути характера Салавата».

При этом в поэме Мустай Карим представит оригинальный образ Салавата — солнца, опускающегося в море. Уходящего в море «вечерним солнцем». И такое творческое решение не было случайным. Поэт не мог себе представить, «чтобы гордый Салават дорожил своей жизнью, когда он потерял всякие надежды на освобождение и возвращение на родину». Всё, что герой мог сделать, было уже позади, потому не цеплялся он за жизнь, которая могла обернуться лишь рабским существованием. «Умереть в кандалах, влачить жалкие дни на каторге — этого не могла вынести гордая душа Салавата. Он жил героем и должен был умереть героем».

Прославление национальных героев являлось, по сути, продолжением целого поэтического направления в творчестве поэта, которое условно можно назвать философско-психологическим. И отличие его в том, что поэт в этих творениях рассуждал о человеке, его духовном мире, о потребностях и пристрастиях, взглядах на жизнь и убеждениях, о дружбе, о добре и зле, о нравственных ценностях.

«О, человек могуч!», — писал Мустай Карим. Он «держит ствол вселенной», совершает подвиги, добивается грандиозных результатов в труде, но при сем можно ли считать человеческую жизнь совершенной? Пожалуй, нет. И на пути к совершенству, к примеру, может встать элементарная человеческая необязательность. Необязательность в исполнении собственных обещаний, дающихся нами налево и направо. Об этом поэт скажет читателям в стихотворении «Обещаний не давай».

Казалось бы, ну разве это повод для серьезных раздумий? Подумаешь, обещаем, но не исполняем, — что от этого? Жизнь ведь на этом не останавливается. Да, не останавливается, и не заканчивается, но человек становится менее ответственным, обязательным, последовательным, и даже честным, причем, в первую очередь, перед самим собой. И с таким положением дел, убежден был поэт, мириться нельзя.

*Не обещай! Довольно обещаний!
Их запросто давали мы вчера;
Ведь обещанье часто — обнищанье
Души, когда ей действовать пора!*

*Мечты все наши, замыслы, надежды
Отныне большие — как бывало прежде —
Уж на картонных не летят конях...
Да, лишь тогда мы силу обретаем,
Когда не в смутных облаках витаем,
А землю ощущаем на корнях!*

(Перевод Е. Николаевской)

Жизнь — штука сложная и за все в ней приходится платить. Но Мустай Карим по сему поводу не отчаивался. Дважды рожденный, за разум и безумие, сопровождающие человека по жизни, он готов был дважды поравняться и с землей.

*Я знаю точно: миру, свету
Был дважды явлен, смертный, я.
И в первый раз сырым рассветом
Меня явила мать моя. <...>*

*Второй раз — мчались ветры, воя, —
Рождался я средь бела дня:
Вела в сообщество мужское
Меня любовь, родив меня. <...>*

*Рожденный дважды, многократно
Живу... Под вечер — платы срок.
Пусть жизнь, по сути, неоплатна —
Плачу за всё, что дал мне рок.*

*За вас, безумие и разум,
Я дважды стать землей обязан.*
(Перевод И. Снеговой)

Не единожды внимание Мустая Карима привлекал образ огня. И это не случайно, ведь огонь в его понимании был более значим, чем любой другой сквозной образ, чем тот же дождь. Огонь в представлении художника — символ. Символ непреходящих истин, обретенных в горестях и потерях, а отнюдь не в радостях. Так в известной трагедии Мустая Карима «Не бросай огонь, Прометей!», — огонь небесный и земной, соединившись, открывают истину любви. Пламя, объяввшее возлюбленную Прометея, Агазию, даст прозрение и землянам... Сам же поэт в стихотворении «Песня костра» признается, что вся его жизнь проходила среди огня. Огня любви и верности, огня творчества, огня гражданственности, позволявшего ему заниматься и общественной работой, отнимавшей много времени, но и приносившей удовлетворение от общения с людьми, от возможности им чем-то помочь... Что и говорить, огонь — стихия Мустая Карима, горевшего всю жизнь, до последних ее дней и часов...

*Бесплотные мечтания подчас
Зовем мы дымом, сопрягая с тленьем,
Я запалил костер в лесу осеннем,
И к своему огню зову я вас.*

*Пускай вас греет он теплом своим,
Пусть свет его не растает с вами!..
Но слушайте же — как хохочет пламя
И как рыдает, задыхаясь, дым.*

*Всю жизнь я был среди огня... Пока
Не знаю: это кара иль даренье?*

*Но знаю: пламя — празднество горенья,
А горький дым — сгорания тоска...*

(Перевод Е. Николаевской)

Известен Мустай Карим и как непревзойденный мастер любовной лирики. И любовь для его лирического героя всегда являлась чем-то возвышенным, своеобразным духовным обновлением, возрождением, стимулом к высшим нравственным помыслам и деяниям.

Настоящей любви нестрашны никакие невзгоды. Осень и зима для подлинного чувства далеки, влюбленных они обходят стороной.

*Прощались мы. Был день совсем такой,
Как будто лето прочь ушло, печалась.
В душе в тот миг любовь моя с тоской,
Как в море буря с ливнем, повстречались.
Опавшею листвой слова легли,
Дождем осенним слёзы потекли...
Как та весна, что за снегами где-то, —
Так далеко ты от меня сейчас...
Но знаю я: цвести весне и лету!
Меж нами не блеснет февральский ветер
Студеным лезвием.
Нет! Ни за что на свете!*

(Перевод И. Снеговой)

Однажды Мустай Карим в стихотворении «В краю моей любимой» приведет своего лирического героя на малую родину любимой... И чувство у влюбленного человека заметно помолодеет. Он пылко произнесет слова о «девичьей юности мира». Той самой прекрасной юности, сделавшей его по-настоящему счастливым.

*Я побывал в краю моей любимой,
Его весну я долго в сердце нес.
Здесь детство с милой пробежало мимо
Веселых подрастающих берез. <... >*

*Как будто мне семнадцать. Я не чаял,
Какие грозы встретятся со мной,
Я не успел притронуться к печалям,
Я не коснулся радости земной. <... >*

*В моей груди огонь такой же властный,
Он не потухнет, если я горю.*

— Ну что же, здравствуй, юность!
Здравствуй,
Девичья юность мира! —
Говорю.

(Перевод М. Дудина)

Любовь к матери, любовь к женщине, любовь к родному краю, любовь к народу. Все эти чувства в совокупности были поэту неимоверно близки. «Поэтов я называю разносчиками писем любви от своих народов к другим, — скажет Мустай Карим корреспонденту газеты «Известия» (17 октября 1989 года) накануне своего семидесятилетия. — Возможно, мои слова кому-то покажутся высокопарными, но смысл их точен. Мы, писатели разных национальностей, понимаете, никогда не думаем одинаково. Но всегда делились думами и мыслями. Мог бы перечислить десятки имен тех, кто мне доверял сокровенное, дорогое и кому я доверял. Из поколения сверстников это Михаил Дудин, Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Олесь Гончар, Абдижамил Нурпеисов, Геворг Эмин, Давид Кукультинов, Юстинас Марцинкявичюс, Наби Хазри, Зульфия, Хута Берулава, Ион Друцэ... <...>

Гражданское, человеческое достоинство писателя, как и его творчество, принадлежит не только ему самому — это достояние страны, не надо растрчивать его в раздорах. Нам нужно проникнуться мыслью, что в конечном счете у нас одна цель — служение своим пером народу, стране. Если будем всегда помнить об этом главном, мы быстрее избавимся от всего мелкого, наносного».

Служение народу для Мустая Карима не могло проходить в отрыве от более приземленного, в какой-то мере даже обычного служения родному краю, земле отцов и дедов. Само же служение, бесспорно, зиждилось на любви... Посему и сочинялись поэтом такие проникновенные, светлые, наполненные сыновьей любовью и верностью строки:

*Мой край, возлюбленный навеки!
За то, что часто я в пути,
Как ветер, мчусь, теку, как реки, —
Не осуди меня, прости. <...>*

*Когда в чужих краях студеньих
Из проруби я воду пил,
Я видел там, в глубинах темных,
Лик той, которую любил...*

*Знай: для корней моих ты — влага,
Для листьев — свет, суть бытия...*

*Я без тебя убог. Ты — благо,
Ты — сила! Без тебя — ни шагу
Не сделать мне, земля моя!*

(Перевод Е. Николаевской)

Своей родной землей поэт гордился и жизнь на ней считал везением:

*Мне повезло с землей моей... Ты — чудо,
Башкирия! Ты — свет в моей судьбе!
Ты — колыбель под синью! И да будет
Моя могила теплая — в тебе...*

(Перевод Е. Николаевской)

Любовь к Башкортостану для выдающегося поэта, драматурга, прозаика и гражданина не мыслилась без большой и всеобъемлющей любви к России. «...Я принадлежу к тем, кто не мыслит себя без России, — безапелляционно заявит Мустай Карим в упомянутом выше интервью крупнейшей всесоюзной газете «Известия». — *И смею утверждать, что и русский народ без нас не обошелся и не обойдется, он нуждается во всех нас, нерусских братьях.*

Забываясь о судьбах своих наций, забываясь искренне и убежденно, как положено, мы порой забываем о других. Последнее обстоятельство даже имеет нечто вроде обоснования: другие народы пусть сами о себе позаботятся. А ты должен только о своем народе печься, тем более что ему, малому, труднее выжить, чем большому народу. Но такая забота — по ячейкам, такое замыкание по своим гнездам — всё это не даст нам широких крыльев. У каждого народа должна быть — воспользуюсь выражением Станиславского — своя сверхзадача: не отделять свою судьбу от других, принять в себя их боль и радость».

Творчество подлинного гуманиста, человекаведа и потрясающего художника Мустая Карима призвано вновь стать широко востребованным. Оно, убежден, еще засияет новыми красками. В нем мы по-прежнему станем черпать все то самое доброе, возвышенное, оптимистичное, наполненное любовью, состраданием, верой в торжество правды и справедливости, что и делает нашу жизнь одухотворенной, осознанной, глубокой и содержательной...

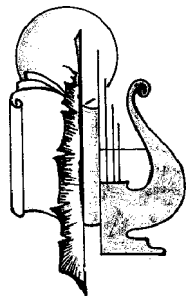
«ИЗ ДОНЕЦКА С ЛЮБОВЬЮ!»

В последние два десятилетия русская поэзия стала пробуксовывать, вынося на суд читателей произведения, создающие впечатление, что они уже многократно печатались на страницах различных журналов, альманахов, антологий и поэтических сборников. Однако поэзия не может, не должна пережёвывать в тысячный раз однообразные строки о любви, природе или Родине. И только поистине глубокие события пробуждают в сердце поэта яркие потрясающие строчки.

Потрясением для России стала Специальная военная операция по защите Донбасса и Новороссии, начавшаяся 24 февраля 2022 года. Эти события никого не могли оставить равнодушными, и одним из первых откликнулся на них воин, участник СВО Юрий Волк:

*По Донецку бьют прямой наводкой.
Началась такая круговерть!
Гаубиц надорванные глотки
Изрыгают ненависть и смерть...*

Этими горькими стихами открывается более чем пятисотстраничная Антология со-

КРУГ ЧТЕНИЯ

временной патриотической поэзии «За други своя», выпущенная в свет летом 2024 года московским книжным издательством «Вече» при участии Союза писателей России. «У войны любимая дорога — узкоколейка, — пишет во вступительном слове к Антологии Председатель правления Союза писателей России Николай Фёдорович Иванов, — и на ней солдату не разминуться со своей судьбой. Война и солдат — это только встречный бой, в котором победа достаётся кому-то одному. Из века в век, от войны к войне на эту же тропинку неизменно выходят вместе с защитниками Отечества поэты и сказители — певцы во стане русских воинов. И появляются в литературе строки, которые рождают новых героев, готовых не только к самопожертвованию во имя Родины, но и к победе. Воистину, даже в самые тяжёлые времена канонаду заглушает Поэзия Победы...»

Свои стихи для этой Антологии предложили около двухсот русских и национальных поэтов, часть из которых перевели на русский язык Юрий Щербаков, Борис Свердлов, Валерий Латынин и Игорь Витюк. В числе участников Антологии значатся Дмитрий Дарин, Василий Дворцов, Сергей Дмитриев, Нина Дьякова, Валентина Ефимовская, Геннадий Иванов, Валерий Латынин, Виктор Кирюшин, Александр Бобров, Елизавета Хапланова, Гавриил Андросов, Борис Балчий-оол, Валентина Коростелёва, Надежда Мирошниченко, Анна Токарева, Анатолий Аврутин, Владислав Артёмов, Наталья Ахпашева, Николай Зиновьев, Марина Кудимова, Борис Лукин, Светлана Макарова-Гриценко, Михаил Ножкин, Юрий Перминов, Юрий Поляков, Анатолий Пшеничный, Иеромонах Роман, Владимир Силкин, Константин Скворцов, Валерий Хатюшин, Андрей Шацков, Алексей Шорохов и большой ряд других поэтов.

По этой книге видно то, что в русскую поэзию сегодня пришли авторы, главным для которых является не богатство звуков и красок, не яркость и оригинальность поэтических метафор, а прямая правда жизни. Об этой правде пишет в стихотворении «Ночной бой» поэт Сергей Еремеев из города Моздока. Как и многие другие. Правда окопной жизни — это будни каждого из сегодняшних воинов России:

*Закат догорает — вот вечер уже,
Сидим мы в окопе, комбат в блиндаже,
У линии фронта тревожные сны:
Ведь здесь разгорается пламя войны...*

Патриотическая Антология «За други своя» — уже сама по себе является таким же отчаянным «воином». Читать её лёжа или сидя нельзя — только стоя, как перед звучащим государственным Гимном или поднимаемым Флагом Родины. Пятьсот героических страниц этой книги обожжены огнём войны, пылающим ныне на юге России. Судьба, вынудившая толкнуть российских воинов под огонь враждебных танков и гаубиц, заставила их писать стихи не о лирических молитвах, воспевающих цветы, закаты и поцелуи, а о клокочущих на нашей землк сражениях. Строки этих стихов пишутся поистине кровью. Таковы они у Сергея Лобанова, адресовавшего своему другу и воину Александру Луганскому стихотворение «Три дня»:

*Ты выжил там, где властвовала смерть.
Она тебя, мой брат, три дня пытала.
Ты мог бы сдаться, мог бы не терпеть,
Но для тебя погибнуть — было мало.*

*Израненный, средь дыма и огня
Три дня лежал ты в поле у дороги,
Когда твои погибшие друзья
Уже в раю беседовали с Богом...*

Такое же — не блещущее метафорами и образами, но не жалеющее прямолинейной воинской правды его стихотворение «Везунчик», в котором он пересказывает будни армейской жизни:

*Меня в полку «везунчиком» прозвали.
Из боя вышел. Сам не знаю, как.
Земля дрожала! Землю мины рвали,
Которые на нас обрушил враг.*

*Из всех стволов по нам прицельно били,
Пытаясь подавить, сковать огнём.
Наёмники к нам с фланга заходили,
Болтая на коверканном своём...*

Казалось бы, ещё совсем недавно российская поэзия служила в основном способом заявить о себе максимально яркими лирическими строчками. Но стихи поэтов двадцать первого века повернули поэзию к жестокой правде, заговорив о том, что несёт нам сама жизнь. Об этом стихотворение «Украина, прощай!» современной русской поэтессы Марии Ватутиной:

*Закрываю глаза, не могу тебя видеть такую,
Изрыгающей «Слава...», зигующей синей рукою
В христианское небо. Я в смерти твоей неповинна.
Ты — сама. Ты — сама. Ты вже вмерла.
Прощай, Украина!*

Не менее прямо и жестко заявляет о своей позиции известный русский поэт Валерий Хатюшин, который так говорит в стихотворении «Добить врага»:

*В победоносном сорок пятом
враг был разбит, но не добит.
И вот опять в году проклятом
нацистский флаг из ключев сшит.*

*Тот беловежский год оплатит
разъединённая страна.
Враг не добит, и это значит,
что не окончена война...*

Таковыми же острыми стихами говорят поэты Геннадий Горелик, Александр Ананичев, Нина Попова, Ольга Козловцева и многие другие авторы Антологии «За други своя». Не прячась ни за какие замысловатые литературные образы, Марина Ахмедова из Махачкалы печатает в ней обжигающее стихотворение «Старухи Донбасса» (раздел «Оберег»: «Женская поэзия — бойцам СВО»). Солдаты России — это их защитники, их дети:

*...Для них не Бандера, а Жуков — герой,
их с толку не сбить... Никакие кричалки
не смогут порушить шахтёрской закалки —
возьмут автоматы, лопаты и палки
и снова за Родину встанут горой...*

Не менее прямым и честным является другое стихотворение Марины Ахмедовой, в котором она напрямую взывает к воюющей против России Украине, а также к классическим персонажам Николая Гоголя:

*Украина!.. Остап и Андрий
вновь тебя разрывают на части —
и кровавый беснуется Вий
над твоим утопическим счастьем.*

*Вновь Тарас поднимает ружьё
и безжалостно целится в сына —
и слетелось уже вороньё
в ожидании сытных поминок...*

*Бой идёт не на жизнь, а на смерть,
окружают надменные ляхи —
только Бульба — казак, а не смерд,
умирать будет в чистой рубахе.*

*Но своих не предаст ни за что,
не изменит отеческой вере —
кто крещён православным крестом,
не божится заморской химере...*

Обращение к отечественной литературе всегда помогало (и помогает) народам России находить опору и поддержку в книгах русских авторов. Вспомним поэму Александра Твардовского о Тёркине, а также стихи Константина Симонова, Юлии Друниной, Алексея Суркова и целого ряда других авторов. Об этом замечательно написал в своём стихотворении поэт, ушедший в 2022 году добровольцем на фронт, Александр Марфунин:

*На фронте, где возможна гибель,
Читаем редко мы порой...
Но держимся, ведь с нами Пикуль,
Васильев, Бондарев, Толстой.*

*На сухпайках (нет разносолов)
Прокормимся без «крепких» слов.
«Духовной пищей» — Богомолов,
Есенин, Чехов, Гумилёв.*

*Булгаков, Тютчев, Блок, Островский
Пойдут с пехотой также в бой,
Как Симонов, Сурков, Твардовский,
Гудзенко, Слуцкий, Полевой...*

*И пусть не смолкнут наши пушки
Да речь средь всех лихих годин!
Мы победим, когда есть Пушкин,
Некрасов, Лермонтов, Куприн...*

Порой вместо сборника стихов и песен поэт носит с собой молитвослов, о чём пишет член Союза писателей России поэт (а также сапёр) Дмитрий Филиппов:

*Пусть зима и метели пусть,
Пусть молитвенник в изголовье.
Отвечаю, что я — вернусь.
Я живой! Из Донецка с любовью!*

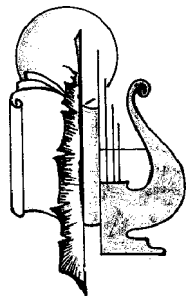
О необходимости возвратиться с поля боя домой говорят в своих стихах все из ушедших на войну воинов. Но как стремиться к родному дому и близким людям, не очистив наш край от врага?..

Так происходит возвращение в нашу жизнь героической русской поэзии.

ЛЮДИ ПЕСОЧНОГО ВРЕМЕНИ

Литература — первая любовь журналиста. В просторном, сияющем чистой кабинет первого заместителя главного редактора журнала «Российская Федерация сегодня» Руслана Лынёва не было ничьих портретов — ни главы государства, ни жены, ни дочери. Не было ни герба, ни икон, ни сувениров. Лишь крупным шрифтом — чёрное на белом — выделялся размещенный на шкафу призыв из поэмы «Хорошо!» Владимира Маяковского: «*Воспалённой губой припади и попей / Из реки по имени — «Факт»*». Уже после смерти этого знаменитого журналиста я узнала, что Руслан Александрович писал прозу, что его рассказы выходили в сборниках фантастики.

Главный редактор «РФ сегодня» Юрий Хренов любил в застолье почитать свои стихи — они публиковались в «Литгазете», в «Завтра», но лишь перед уходом с должности он решился выпустить поэтический сборник. С большим уважением Юрий Алексеевич относился к творчеству Виктора Бокова. Время от времени в нашем политическом издании вдруг появлялись развороты со стихами

КРУГ ЧТЕНИЯ

автора «Оренбургского пухового платка» под рубрикой «Поэзия России». Публикации выглядели как звонкие «пощёчины общественному вкусу» — в моде были совсем другие литераторы. Многие из тогда «раскрученных» после 24 февраля 2022 года плюнули не только в госвласть, в бюджетную «руку дающую», с которой с аппетитом кормились, но и отреклись от народа, армии, родины... Отбыл в Израиль и Анатолий Чубайс, учредитель премии «Поэт» (существовала в 2005—2017 гг.), многолетний и системный враг журнала «РФ сегодня» времён Юрия Хренова. Чубайс воспринимал художественное слово практически, как «энергетический актив», который, по примеру РАО ЕЭС, следовало приватизировать и расчленить.

Ответственным секретарём в журнале «РФ сегодня» работал Николай Ефимов, в прошлом главный редактор «Известий», бывший советский министр, председатель Госкомитета по печати на исходе СССР. Николай Иванович — блестяще образованный человек, в Великобритании он много лет руководил структурами Агентства печати «Новости». Про политику знал всё! Но настоящей его любовью была литература, искусство слова, лирическая поэзия. В минуты досуга он читал наизусть и Батюшкова, и Пушкина, и Тютчева, а «для души» писал мемуарную прозу.

Александр Черняк, заместитель главного редактора «РФ сегодня», родился в Белоруссии, что очень чувствовалось в его характере. Александр Викентьевич даже внешне чем-то напоминал зубра, а основательность и «упёртость» были фирменными чертами его стиля, который легко угадывался и под псевдонимом. Летописец эпохи, Александр Черняк запечатлел олигархический паноптикум в яркой книге «Кремль 90-х. Фавориты и жертвы Бориса Ельцина».

Почти все соборы нашего журнала были писателями. Самый известный из них — Александр Шербаков из Красноярска. Его любили читатели за доброту и искренность, он выпустил немало стихотворных и прозаических книг, некоторое время возглавлял писательскую организацию края. В журналистке Александр Илларионович был доказателем, наблюдателем и уборист.

А вот самым законспирированным литератором журнала «РФ сегодня», пожалуй, можно назвать бывшего «известинца», редактора отдела по работе с Советом Федерации Вячеслава Щепоткина. Первые свои рассказы он написал в 60-е годы, потом полностью ушёл в журналистику. Но натура взяла своё — после захвата журнала «РФ сегодня» «силами зла», уничтожившими издание как юридическое лицо и превра-

тившими его в дайджест, Вячеслав Щепоткин сосредоточился на литературе. Его громким дебютом в крупной форме стал роман «Крик совы перед концом сезона», впервые опубликованный в журнале «Наш современник», а затем вышедший в нескольких издательствах.

Тут самое время сказать о его личных качествах. В повести Вячеслава Щепоткина «Мужчинами не рождаются» главному герою, ленинградскому студенту Олегу Бледных автор даёт такую характеристику: *«Он был честолюбив. И терпеть не мог в чём-либо оказываться где-нибудь в «золотой середине». Только первым или рядом с первым — такой был его принцип».* Зная характер и биографию Щепоткина, легко понять, что герой-честолюбец «списан» с автора.

Что же, уметь посмотреть на себя со стороны, способность к объёмной авторской рефлексии — тоже мастерство. Вячеслав Щепоткин гремел как журналист (часть этих коллизий отражена в его мемуарной книге), но и как литератор не затерялся, сумел сказать своё слово. «Крик совы перед концом сезона» — роман-памфлет, собирательный портрет советской партноменклатуры (с ключевыми фигурами автор был знаком лично) и даже историческое повествование, где с большим знанием дела рассматриваются главные события рокового десятилетия 1986—1996 гг. Автор был и очевидцем, и участником. Показательна сцена из романа, где обозреватель центральной газеты Виктор Савельев благодаря близким отношениям с заведующей группой стенографисток получает доступ к материалам закрытого для прессы заседания Съезда народных депутатов СССР, на котором выступает тогдашний председатель КГБ Владимир Крючков.

Отдадим должное самокритичности Виктора Савельева. Вот его размышления: *«Што я за человек, чёрт возьми! — с раздражением подумал Виктор о себе. — То в одно дерьмо вляпалась, то в другое. Поверил в Горбачёва... Глотку рвал, пупки карябал... Потом — в Ельцина. Борец... Демократ... Этого хоть быстро раскусил... Но всё равно вляпался. Теперь бы обоих, — вспомнил Виктор присказку деда, — связать по ноге, да пустить по воде».*

Кроме журналиста Савельева читатель увидит переломную эпоху с точки зрения врача-хирурга Сергея Карабанова, учителя французского языка Владимира Волкова, экономиста с оборонного предприятия Павла Слепцова, электрика Андрея Нестеренко, заведующего продовольственной базой Игоря Фетисова. Действие романа полифонично, в нём звучат голоса множества персонажей — начиная от главы государства, «пятнистой балаболки» Горбачёва и заканчивая Вален-

тиной, беженкой из Молдавии, у которой националисты убили дочь.

Следуя в фарватере «реки по имени «Факт» автор последовательно показывает бессилие и непрофессионализм вышших госуправленцев, заблуждения интеллигентов, манипуляции «агентов влияния», попустительство «фаталистов» — умных, но безвольных людей, готовых сдать страну без боя. Очерковые страницы романа, с подробными цифрами, статистикой соседствуют с захватывающими сценами зимней и весенней охоты. Политический разлом проходит через центр прежде сплочённой и дружной компании охотников: *«Им было так хорошо друг с другом, как только бывает между мужчинами, чувствующими себя братьями. Каждый любил остальных порой сильнее, чем себя...»* Но наступает миг, когда вместо того, чтобы выстрелить в разъярённого кабана, несущего верную смерть их товарищу, только что спорившие с Волковым на политические темы Карабанов и Слепцов непроизвольно, необъяснимо для себя, опускают ружья... Этот этический «сдвиг» — примета нового времени, где властвует «перестроечная» мораль, превращающая бывших братьев по духу в безжалостных конкурентов.

«Комплиментарность» главреда Юрия Хренова к литературе притягивала в ряды авторского коллектива «РФ сегодня» писателей преимущественно «почвеннического» направления. В журнале вышло большое интервью с поэтом, проректором Литинститута по Высшим литературным курсам Валентином Сорокиным. В «РФ сегодня» публиковались Игорь Блудилин-Аверьян, Вячеслав Куприянов, Юрий Баранов, Владислав Швед, Сергей Козлов, Елена Пустовойтова, Николай Чепурных, Татьяна Лестева, Дмитрий Крылов, Николай Ничик, Михаил Крупин, Виктор Боченков, Светлана Руденко, Василий Вашков, Руслана Ляшева, Василий Дворцов, Василий Попов, Николай Дорошенко и многие другие литераторы.

Среди авторов «РФ сегодня» был и прозаик Геннадий Старостенко. В прошлом — сотрудник и официоза (Агентство печати «Новости»), и протестных СМИ (газета «Советская Россия»). Его роман «Сволочи московские», живописующий период первоначального накопления капитала, «напитан» впечатлениями, полученными во время работы в центре общественных связей Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку. Ведомство было рождено в ходе массовой приватизации советской общенародной собственности. Федеральную комиссию сначала возглав-

лял Анатолий Чубайс, а затем его заместитель, подельник по приватизационным аферам Дмитрий Васильев. Эти имена есть в романе Геннадия Старостенко. В центре же повествования «новый русский» Клим Ксенофонтов, восходящая звезда фондовых игр, владелец финансового центра «МИДАС-ИНВЕСТ». Не убий, не укради, не блуди — эти заповеди нарушаются бизнесменом под «влиянием времени». Его внутренняя речь — апологетика новой морали: *«Клим Ксенофонтов давно уже нечист перед законом. Ну и что из этого? Все мы когда-нибудь будем жить в правовом государстве, но при этом не следует забывать, что первым законом была дубина дикаря»*.

Написанный в 90-е, по «горячим следам», когда впечатления от столкновения с волчьими нравами новых хозяев жизни были совсем свежи, ныне роман Геннадия Старостенко читается не как беллетристика с детективной интригой, а как захватывающий и достоверный документ времени. Да, всё это было: шагающие по трупам первопроходцы дикого капитализма, бандитские «разборки» в центре столицы, промышленный шпионаж под видом журналистики. *«Время грязное — и люди в нем грязные. Время всех перемазало»*, — это самооправдание слышит Клим Ксенофонтов от бандита-чеченца, под «крышу» (покровительство) которого он вынужден зайти, чтобы решить проблемы с законом.

«Раз этой стране суждено окунуться в дерьмо реликтового капитализма, значит тебе не нужно вмешиваться в этот процесс. «Империя зла» породила Великую Эпоху Лжи, и тебе, Берту Маслоу, выпала сомнительная честь присутствовать при разрешении от бремени», — в романе Геннадия Старостенко «оптика» взгляда на события в России расширена за счёт включения в повествование внешней точки зрения — со стороны американского журналиста Берта Маслоу. Как на фоне убийцы и насильника Клим Ксенофонтова выглядит шпион Маслоу, влюбившийся в пресс-секретаря МИДАСа Ольгу Болотову? Вот его самоанализ после десятилетнего пребывания в России: *«Тебе уже сорок шесть, и весь ты уже опустошен, как тот парень из рассказа Чивера «Пловец». Ты ведь не оставил ни одного несожженного моста за собой, и в последнее время был обуян стихией саморазрушения»*.

Есть одна общая черта, объединяющая столь разные по стилистике романы Вячеслава Щепоткина и Геннадия Старостенко. В финале произведений зло бумерангом возвращается к его «родителям». Агент влияния Сергей Карабанов, сделавший немало для разрушения прежней страны, однажды с ужасом узнаёт, что его любимая дочь Леночка торгует

собой на Ленинградском шоссе, предлагая клиентам сексуальные услуги. Страшная судьба уготована дошкольнице Ленке из романа Геннадия Старостенко. *«Клим сел с водителем, а дочь и телохранитель сели на заднее сиденье. Где-то за спиной раздалась сильная трескучие хлопки. Прямо у него на глазах — в лобовом стекле — выросли дырки с трещинками...»* Невинный ребёнок становится жертвой криминального противостояния. Автор, впрочем, приводит «фондового волка» не к покаянию, а лишь к поездке в родные места, в нищую провинцию. Жуткая потеря ничего не изменила в миропонимании Клима Ксенофонтова. Закалённый ударами судьбы, он, как можно предположить, ещё наворотит дел. *«На таких новая Россия строится»*, — устами священника, отца Марка, в данном случае говорит сам автор, оценивая крепость «волевой арматуры» рулевых нового экономического уклада.

Возвращая зло к его «родителям», писатели подводят читателя к мысли, что «грязное время» истекло и колесо истории повернулось. «Литература утешения» — ответ на народные чаяния. Униженные и оскорбленные, обворованные и обманутые в 90-е годы люди взыскуют торжества добродетели. Хотя бы в художественной литературе, в мире вымысла, сгенерированного мечтами о земной справедливости.

«СМИ: лидер Таганской ОПГ называет зампреда ЦБ «крестным отцом». Ранее Александр Торшин занимал пост вице-спикера Совета Федерации», — сообщал летом 2016 года сайт газеты «Московский комсомолец». К этой корреспонденции можно добавить, что некоторое время герой публикации исполнял обязанности председателя Совета Федерации, то есть по Конституции был третьим лицом в государстве. Именно Александр Торшин принял деятельное участие в разгроме журнала «РФ сегодня». То, что не удалось Чубайсу в девяностые, сумел сделать Торшин в нулевые. Печальная страница в истории отечественной журналистики. Экономическую приватизацию продолжила приватизация политическая. Госинституты уходили под «крыши» кланов и корпораций.

Но хороший репортер скажет правду в любых условиях. Работа на полутонах, игра контекстами. Литература — последнее прибежище журналиста. «По данным испанских следователей, предполагаемый лидер Таганской ОПГ Александр Романов называл Торшина «боссом» и «крестным отцом». Торшин не стал отрицать, он давно знаком с ныне сидящим в испанской тюрьме Романовым. И он, действительно, крестный отец его сына. В русском, православном смысле, отме-

тил чиновник», — сообщал сайт ВФМ.гу в корреспонденции «Крестный отец Александр Торшин».

История Таганской ОПГ, одной из самых кровавых банд, возникших на рубеже 90-х гг. XX века, пока не завершена. В июне 2024 года, незадолго до начала суда, в СИЗО от сердечного приступа внезапно скончался 67-летний Григорий Рабинович (Гриша Таганский), один из лидеров группировки. Присяжных для этого процесса не могли собрать два года, люди отказывались участвовать в заседаниях. За «таганскими» — убийства, похищения людей, пытки, вымогательства. Обнаружен тайник банды с оружием для полносоставного мотострелкового батальона.

Роман Павла Лаврёнова «Звенья. Истории песочного времени» вышел в 2014 году, панорама событий в нём разворачивается с декабря 1992 года по декабрь 2010-го. За этот период один из персонажей романа Серёга Палей проходит путь от «крышевания» уличных напёрсточников до главы Федерации напёрсточного спорта. Главный же герой, рядовой сотрудник московского проектного института Владислав Павлович Лавёрычев, освоивший в 90-е профессию управляющего ценными бумагами и «отягощенный» моралью прошлых лет, карьеры так и не сделал. Вот он в храме, в тяжелых внутренних раздумьях: *«Надо бы тоже на исповедь подойти, да не подобрать слов для неё. Вроде бы и не преступник, а всё равно тяжчайшим грехам потворствуешь, с головой в нечистотах сидишь»*.

Автор называет время, наступившее с началом экономической приватизации, «песочным» и не считает, что этот период закончился в 2010-м. В новейшей системе неокOLONIALИЗМА РФ стала сырьевым придатком глобальных управленцев, в число которых вошли и доморощенные компрадоры. Социальная несправедливость в стране имеет экономическую основу — приватизацию. *«Стрижка овец сверху»* (определение из романа «Звенья») как раз и лежит в основе главенства антихристианской морали, кою невозможно облагородить пропагандой «традиционных ценностей», апелляциями к патриотическому чувству, победе в Великой Отечественной и прочим высоким материям. «Уши сущности торчат над маскировочными сетями дезинформации», — замечает китаевед Андрей Девятков. Скоро уже сорок лет как «моисей приватизации» водят народ российский по ментальной пустыне в надежде, что «ограбление века» забудется естественным путём — вымиранием тех, кто помнит аферы с ваучерами, пирамиды МММ, звезду телеэкрана Лёню Голубкова с сакраментальным «Куплю жене сапоги»... Из романа «Зве-

нья»: «Убитых, умерших прежде времени, покончивших с собой, сошедших с ума, лишившихся крова людей никто никогда не считал». Показательна, например, такая оценка биржевых спекулянтов: «Успокоила и начавшаяся война в Чечне, хотя сначала спекулянты встревожились. Вывод о войне сделали простой: делёжка собственности обрела новую форму».

Конечно, людей можно обмануть экономически, «наклонить» политически, воодушевить телевизором, но как быть с законами мироздания?! Не в отдельных, личных судьбах, а в жизни народа, государства? В названии романа Павла Лаврёнова очевиден отсыл к евангельской притче Иисуса Христа: «А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошёл дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Матф. 7: 26, 27). Дом на песке, увы, обречён на разрушение.

Хочется, конечно, дом спасти. Но ни укрепление «крыши» (традиционной культуры), «стен» (политическая монолитность) и даже «фундамента» (семьи) не решит проблемы. Всё это меры второстепенного порядка. В основе госстроительства должен быть краеугольный камень — возвращение украденного народу. Рынок, конечно, в этом случае ничего не отрегулирует. Но рано или поздно в дело вступят законы мироздания, и от них не уберезет ни дворец, ни охрана: «*Но есть и Божий суд, наперсники разврата...*»

В романе Павла Лаврёнова 33 главы перемежаются «Видениями» — актами политической пьесы. В пояснении к изданию автор пишет: «Некоторые герои книги выведены под собственными именами. Главы, где они изображены, отсылались им для ознакомления». Например, Чубайс мог прочитать о себе: «...как доисторическое нещерное животное могло возродиться в космический век, и не где-нибудь, а в России?!» Никаких возражений от Чубайса, как, впрочем, и от остальных разрушителей страны, автор на свои «видения» не получил.

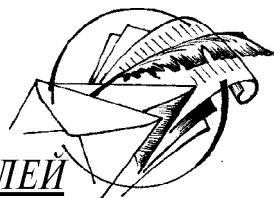
А книги — написаны. В эпоху «гибридных войн», «гибридной морали», «гибридных творческих личностей», принимающих востребованную пропагандой форму, художественное слово, устремлённое к идеалу, всё равно найдет своего читателя. И потому «Пусть укрепит сердца нам вещей риск / И ратное незыблемое поле, / Где каждый крест и каждый обелиск / Звенит во имя Родины и воли!» (Валентин Сорокин).

«О ЧЁМ ДУМАЛОСЬ И ЧТО ВОЛНОВАЛО...»

Здравствуйте, уважаемый Валерий Васильевич!

Хочу выразить Вам свою благодарность и, в какой-то степени, восхищение результатами Ваших трудов. Это вовсе не похвала и лесть, а сформировавшееся мнение, основанное на знакомстве с произведениями, наполняющими издание «Молодая гвардия». В журнале собраны работы многих авторов, которые наполнены неподдельной любовью к Родине и её судьбе, к настоящим русским людям с характером истинных сынов России. Некоторые публикации настолько насыщены справедливостью и правдой, что в прямом смысле вышибают слезу (повесть «И дал Бог силы», автор В. Гурьянов). Такие произведения патриотичны и эмоциональны. Удивительно, но они читаются членами всей моей семьи, включая сыновей, которых, как и всё современное молодое поколение, к книгочечям не отнесёшь. Думаю, что это всё благодаря той приверженности авторов к русскости (во всяком случае, справедливости мышления, свойственного каждому нормальному человеку), которое заложено на генетическом уровне.

Нельзя не отметить и познавательную сторону материалов, наполняющих «МГ». Обширная аналитика порой захватывает дух — столько но-

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

вого и, кажется, несовместимого сплетается в единую цепь фактов и событий, питающих любознательный мозг любого дотошного исследователя. Всё то, что когда-то, в давние времена, обсуждалось шёпотом на кухнях, есть теперь в свободном доступе благодаря Вашим усилиям. Обидно, что эти сакральные материалы затираются бреднями, выросшими на помойках мировой информационной паутины и отсутствием должной аналитики в умах современных людей. Но это не повод для отступничества от благого дела. Могу смело утверждать: после того, как я стал постоянным подписчиком на издание, у меня появилось второе дыхание. Всё, о чём думалось и что волновало, нашлось в «Молодой гвардии». От этого дышится свободнее и становится радостнее на душе: я не один! Значит, когда-то вернётся справедливость в наш мир. Очень хочется, чтобы в нём нашлось место и Русскому миру с его красотой, справедливостью, мудростью и добротой.

Отдельное спасибо не только авторам «Молодой гвардии», но и Вам персонально, Валерий Васильевич, за приверженность справедливости, самоотверженности, за Ваш поэтический и публицистический талант и за сложную редакторскую работу в журнале с мировым именем!

Олег Храмов,

работник горнодобывающей компании, г. Ульяновск